

Майкл Бейджент, Ричард Ли

Цепные псы церкви.

Инквизиция на службе Ватикана

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Минуло пятнадцатое столетие, и Иисус вернулся. Он появился в Испании, на улицах Севильи. О Его приходе не возвещали ни фанфары, ни хоры ангелов, ни сверхъестественные чудеса, ни удивительные явления в небе. Нет, Он явился «тихо» и «незаметно». И, однако, прохожие быстро узнали Его, неодолимо устремились к Нему, окружили его, последовали за Ним. Он смиренно шел среди них с тихой улыбкой «бесконечного сострадания», простирал к ним руки, благословлял их, и чудесным образом прозрел старик из толпы, слепой с детских лет. Народ плакал и целовал землю у Его ног, а дети бросали перед Ним цветы, пели и возглашали Ему осанну. Он остановился на паперти собора, в который с плачем вносили детский открытый белый гробик. В нем, вся в цветах, лежала семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного горожанина. Подстрекаемая толпой, безутешная мать обратилась к Пришельцу и стала умолять Его воскресить ее мертвое дитя. Процессия остановилась, гробик опустился на паперть к Его ногам. «Девочка, встань!» – тихо произнес Он, и девочка тотчас села и посмотрела, улыбаясь, вокруг удивленными раскрытыми глазами, все еще держа в руках букет белых роз, с которым она лежала в гробу.

Это чудо наблюдал проходивший мимо собора со своей стражей сам кардинал великий инквизитор – «девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светился, как огненная искорка, блеск». Столь велик был ужас, который он внушал народу, что, несмотря на столь исключительные обстоятельства, толпа немедленно раздвинулась перед стражами, когда те, выполняя молчаливый приказ старого прелата, среди вдруг наступившего гробового молчания наложили на Пришельца руки и увели Его в тюрьму.

Таково начало «Притчи о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского, более или менее самостоятельного двадцатипятистраничного повествования, включенного в более чем 800 страниц романа «Братья Карамазовы», впервые опубликованного в виде отдельных частей в московском журнале в 1879-1880 годах. Истинный смысл притчи раскрывается в том, что следует за драматической прелюдией. Ибо читатель, разумеется, ожидает, что великий инквизитор должным образом ужаснется, когда выяснит подлинную личность своего нового пленника. Этого-то, однако, и не происходит. Когда великий инквизитор приходит в темницу к Иисусу, становится ясно, что он даже слишком хорошо знает, кто его узник, но это знание не останавливает его. Во время продолжительного философско-теологического диспута, который следует за этим, старый инквизитор остается непоколебим в своем убеждении. В Писании Иисус искушаем дьяволом в пустыне обещанием земного могущества, преклонения, мирской или светской власти над людьми. Теперь, спустя полторы тысячи лет, Он сталкивается с теми же самыми искушениями. Когда Он не уступает им, великий инквизитор обрекает его на сожжение на костре.

Иисус в ответ лишь молча приближается к старику и тихо целует его в знак прощения. Вздрогнув, старик – поцелуй «горит на его сердце» – отворяет дверь тюрьмы и говорит ему «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!» Выпущенный в темноту, пленник исчезает, чтобы никогда больше не появиться. А великий инквизитор, полностью отдавая себе отчет в том, что только что произошло, продолжает следовать своим принципам, продолжает насаждать свое царство

террора, посылать на костер другие жертвы – нередко заведомо невинные.

Как можно увидеть из этого, возможно, чересчур упрощенного, пересказа, великий инквизитор Достоевского не глупец. Напротив, он даже излишне хорошо знает, что делает. Он знает, что несет на своих плечах тягостную и изнурительную обязанность – поддерживать гражданский порядок, утверждать власть Церкви, основанной во имя того, кого он только что был готов отправить на казнь. Он знает, что Церковь, основанная во имя этого человека, с учением самого этого человека в конечном счете несовместима. Он знает, что Церковь стала автономной силой, устанавливающей и вершащей законы, что она больше не отдает кесарю кесарево, но узурпирует принадлежащее ему и правит своим царством. Он знает, что ему поручена роль блюстителя и основателя этого царства. Он знает, что провозглашаемые им в этом качестве эдикты и постановления, несомненно, навлекут на него то, что, как предуказывает его собственная теология, будет его вечным проклятием. Словом, он понимает, что служит злу. Потому как знает, что, встав под знамена власти мирской и преходящей и искушая Иисуса подобной властью, он оказывается заодно с дьяволом, что он и дьявол – одно лицо. Со времени первого выхода в свет «Братьев Карамазовых» великий инквизитор Достоевского закрепился в нашем коллективном сознании как канонический образ и олицетворение инквизиции.

Мы можем понять мучительную дилемму престарелого прелата. Мы можем восхищаться сложностью его характера. Мы даже можем уважать его за готовность принять личное мученичество, за то, что он сам себя обрекает на вечные муки во имя института, который полагает более великим, чем он сам. Мы также можем уважать его за его реализм в понимании людей и полное отсутствие иллюзий, за земную мудрость, распознающую законы и механизмы мирской власти. Некоторые из нас вполне могут задаться вопросом, а не пришли бы мы к необходимости поступать так же, как он, будь мы на его месте и с грузом его обязанностей на плечах. Однако несмотря на всю терпимость, несмотря на все понимание, возможно, сочувствие и прощение, которые мы можем найти для него в своей душе, нельзя избежать сознания того, что он с точки зрения любых моральных стандартов честности в корне своем порочен и что институт, представленный в его лице, воздвигнут на чудовищном обмане и лицемерии. Насколько точен и правдоподобен портрет, нарисованный Достоевским? Насколько правдиво изображенная в притче фигура отражает реальный исторический институт? И если инквизицию, олицетворяемую престарелым прелатом Достоевского, действительно можно равнять с дьяволом, то в какой мере это можно распространять на Церковь в целом? Для большинства людей сегодня любое упоминание об инквизиции предполагает инквизицию в Испании. Обращаясь к институту, который отражает Римско-католическую церковь в целом, Достоевский тоже прибегает к образу испанской инквизиции. Но инквизиция в том виде, в каком она существовала в Испании и Португалии, была уникальностью этих стран – и, по сути дела, подотчетна короне по крайней мере в такой же степени, как и Церкви.

Это не должно внушать мысль, что в других местах инквизиция не существовала и не вела свою деятельность. Она существовала. Однако папская (или римская) инквизиция – под каким бы названием она была известна сначала неформально, затем официально – отличалась от инквизиции Иберийского полуострова. В отличие от своих аналогов с Иберийского полуострова, папская или римская инквизиция не была подконтрольна какому-либо светскому монарху. Действуя на пространстве всей остальной Европы, она была подотчетна только Церкви.

Созданная в начале тринадцатого века, она опередила испанскую инквизицию примерно на 250 лет.

Она же и дольше просуществовала, чем ее аналоги с Иберийского полуострова. Если инквизиция в Испании и Португалии была упразднена к третьему десятилетию девятнадцатого столетия, папская – или римская – инквизиция выжила. Она существует и продолжает активно функционировать даже сегодня. Правда, действует она под новым, менее позорным и опороченным названием. Под своим нынешним более благопристойным именем Конгрегации доктрины веры она по-прежнему играет заметную роль в жизни миллионов католиков по всему земному шару.

Было бы ошибкой, однако, отождествлять инквизицию с Церковью в целом. Они не один и тот же институт. Какое бы значение ни имела инквизиция – и раньше, и сейчас – в римско-католическом мире, она остается только одной стороной деятельности Церкви. Были – и есть – и многие другие стороны, не все из которых служат тому же постыдному делу. Эта книга – об инквизиции в ее различных формах, в которых она существовала в прошлом и существует в наши дни. Если она показывает себя в сомнительном свете, это не нужно распространять на Церковь вообще.

В своих истоках инквизиция была продуктом грубого, бесчувственного и невежественного мира. Неудивительно, что и она сама поэтому была грубой, бесчувственной и невежественной. Не более, однако, чем многие другие институты того времени, как духовные, так и светские. Она в такой же мере, как и другие институты, является частью нашего коллективного наследия. Мы не можем, следовательно, просто отречься от нее и предать ее забвению.

Мы должны обратиться к ней лицом, признать ее, попытаться понять ее во всех ее злоупотреблениях и предубеждениях, а затем интегрировать в новую целостность. Попросту умыть руки равносильно отрицанию чего-то в себе, в нашей эволюции и нашем развитии как цивилизации – это, по сути, разновидность членовредительства. Нельзя позволять себе исходить в своих суждениях о прошлом из критериев современной политкорректности. Если мы станем так делать, все наше прошлое будет сочтено легковесным. Тогда в качестве основы для наших иерархий ценностей у нас останется только настоящее, а каковы бы ни были наши ценности, мало кто из нас стал бы превозносить настоящее как некий окончательный идеал. Многие из худших перегибов прошлого были вызваны теми отдельными личностями, которые, как они считали в согласии с представлениями и моралью своего времени, действовали с самыми благими и достойными намерениями.

Было бы поспешностью воображать, что наши собственные достойные намерения непогрешимы. Было бы поспешностью полагать, что наши намерения не способны произвести столь же катастрофические последствия, как те, за которые мы осуждаем наших предшественников.

Инквизиция – порой циничная и корыстная, порой маниакально одержимая в своих пресловутых похвальных намерениях, – возможно, действительно была столь же жестока, как и породивший ее век. Следует, однако, повторить, что инквизицию нельзя равнять с Церковью в целом. И даже во времена самых лютых своих бесчинств инквизиция была вынуждена мириться с другими, более человечными ликами Церкви – с более просвещенными монашескими орденами, с орденами странствующих братьев, подобных францисканцам, с тысячами отдельных священников, аббатов, епископов и прелатов еще более высокого ранга, которые искренне стремились исповедовать добродетели, традиционно связанные с христианством. Не должны мы забывать и той созидательной энергии, которую пробуждала Церковь – в музыке, живописи, скульптуре и архитектуре, – составлявшей противовес кострам и камерам пыток инквизиции.

В последней трети девятнадцатого столетия Церковь была вынуждена сдать последние бастионы

своего бывшего социально-политического могущества. Дабы восполнить эту утрату, она попыталась собрать в кулак свою духовную и психологическую власть, установить более жесткий контроль над сердцами и умами верующих. Как следствие, папство становилось все более централизованным, а инквизиция все больше делалась рупором папства. Именно в таком качестве инквизиция – «перелицованная» в Конгрегацию доктрины веры – действует сегодня. Тем не менее даже теперь не все в руках инквизиции. И в самом деле, ее положение становится все более уязвимым, по мере того как католики в разных уголках мира обретают знания, умудренность и мужество, чтобы подвергнуть сомнению авторитетность ее догматических заявлений.

Безусловно, были – и вполне можно поспорить, что есть и поныне, – инквизиторы, точный портрет которых дает притча Достоевского. В определенных местах и в определенные периоды такие личности, возможно, и правда были воплощением инквизиции как института. Это, однако, не обязательно превращает их в обвинительный приговор христианской доктрине, которую они ревностно насаждали. Что касается самой инквизиции, то вполне возможно, что читатели этой книги обнаружат, что этот институт одновременно и лучше и хуже, чем обрисованный в притче Достоевского.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЛАМЯ ВЕРЫ

Вдохновленное примером святого апостола Павла, христианство всегда предлагало конкретные пути в рай. Так оно вербовало приверженцев даже еще до своего появления в качестве организованной религии. Через мученичество, через умерщвление плоти, через молитву и размышления, через отшельничество, через таинства, через покаяние, через причастие, через молебны – через все эти пути для верующих, считалось, будут открыты врата Царства Небесного. Возможно, некоторые из этих путей содержали в себе элементы трудновыполнимого для обычного человека испытания, но по большей части они были реальными. И даже в тех случаях, когда христиане первого тысячелетия сражались – как это они делали, к примеру, под предводительством Карла Мартелла [1], а затем Карла Великого, – они поступали так первоначально в целях самозащиты. В 1095 году, однако, был официально и публично провозглашен новый путь к владениям Господним. Во вторник 27 ноября того года папа Урбан II взшел на помост, сооруженный в чистом поле за восточными воротами французского города Клермона. С этого возвышения он принялся проповедовать крестовый поход, войну, ведомую во имя Креста Господня. В такой войне, по словам папы, верующий, убивая, мог обрести милость Господню и место «одесную Отца». Разумеется, папа вовсе не был неразборчивым в средствах. Напротив, он призвал христиан воздержаться от своей прискорбной, хотя и давней, привычки убивать друг друга. Вместо этого он убеждал их направить свои кровожадные наклонности на неверных мусульман, которые оккупировали священный город Иерусалим и святую усыпальницу, предполагаемое место погребения Иисуса. Дабы вернуть христианскому миру город и Гроб Господень, европейских наемников побуждали отправляться на праведную войну под водительством самого Господа.

Но возможность убивать была не единственным привлекательным пунктом «комплексной сделки». Помимо разрешения на убийство, добропорядочный христианин мог получить освобождение от любого срока, к которому он уже мог быть приговорен для пребывания в чистилище, и от наказаний, наложенных на него для исполнения на земле. А коли ему доведется пасть в этом праведном деле,

ему обещалось автоматическое отпущение всех его грехов. Если он выживет, он будет защищен от наказания гражданскими властями за любые проступки, которые он мог совершить. Подобно монаху или священнику, крестоносец становился неподсудным для светского суда и попадал под исключительную юрисдикцию церковных властей. Окажись он виновным в совершении какого-либо преступления, его просто-напросто лишили бы его красного креста крестоносца, а затем бы «наказали с той же снисходительностью, как и духовных лиц».

В последовавшие за этим годы такие же привилегии стали доступны для более широкой категории людей. Для их получения даже не обязательно было самому отправляться в крестовый поход. Достаточно было просто ссудить деньги на святое дело. Кроме духовных и моральных привилегий, были и многочисленные льготы, которыми пользовался крестоносец на своем пути через этот мир еще до того, как проходил через Небесные врата. Он мог присваивать себе имущество, земли, женщин и титулы на завоеванной им территории. Он мог оставлять себе столько награбленного добра, сколько хотел. Каким бы ни был его статус дома – к примеру, безземельный младший сын, – он мог стать августейшим правителем с собственным двором, гаремом и немалым земельным наделом. Такое щедрое вознаграждение можно было получить, всего лишь приняв участие в крестовом походе. Коммерческой привлекательности предложенной Церковью сделки вполне могли бы позавидовать сегодняшние страховые агенты.

Итак, последовали крестовые походы. В 1099 году в результате Первого крестового похода было установлено Иерусалимское королевство франков – первый в истории пример того, что спустя столетия будет восприниматься как западный империализм и колониализм. Второй крестовый поход состоялся в 1147 году, Третий – в 1189 году, Четвертый – в 1202 году. Всего было семь крестовых походов. В промежутках между полномасштабными кампаниями, организовывавшимися и финансирувавшимися из Европы, периоды военных действий между христианами и мусульманами чередовались периодами непрочного мира, во время которого процветала торговля – обмен как товарами, так и идеями.

Заморское владение – или «Утремер», «земля за морем», как его еще называли, – представляло собой автономное европейское княжество в сердце исламского Среднего Востока, поддерживавшееся оружием и солдатами почти из каждого европейского королевства. Сам город Иерусалим был вновь захвачен сарацинами в 1187 году. Утремер, однако, просуществовал в качестве форпоста европейского христианства еще одно столетие. Только в мае 1291 года была разбита Акра, единственная оставшаяся крепость, чья последняя башня рухнула, погребая под каскадом камня, щебенки и пламени и защитников, и нападавших. Соблюди ли страховые агенты того времени свои духовные обязательства – в виде Небесных угодий и места рядом с Богом, – этого мы, конечно, не знаем. Выполнение же мирских обещаний проследить легче. Как и великое множество комплексных сделок, эта оказалась неожиданным источником обогащения для немногих, разочарованием для большинства. Ужасающее количество европейских дворян, рыцарей, солдат, купцов, ремесленников и другого люда, в том числе женщин и детей, погибали совершенно бессмысленным образом, часто после горестных злоключений и при жутких обстоятельствах, иногда съедаемые своими умирающими от голода спутниками. Но было достаточно и тех, кто процветал, кто стяжал землю, титулы, имущество, богатство и другие земные награды, и они-то служили подстегивающим примером для других. Во всяком случае, можно было приобрести навыки во владении оружием, в

тактике и стратегии ведения боевых действий, в умении сражаться и убивать, и если Святая земля не давала должного вознаграждения за приобретенные человеком навыки, он всегда мог вернуться в Европу и предъявить их к оплате там.

Святое братоубийство

В 1208 году, когда крестовые походы в Святую землю были еще в разгаре, а Иерусалимское королевство франков сражалось за свое существование, папа Иннокентий III объявил новый крестовый поход. На этот раз врагом был не исламский неверный по ту сторону Средиземного моря, а последователи злостной ереси на юге Франции. Эти еретики иногда выступали под именем «катаров», что означало «чистые» или «совершенные». Другими, в том числе своими врагами, они назывались «альбигойцами» – по названию города Альби на юге Франции, в котором зародилось их религиозное движение.

Сегодня катары в большой чести. Мода на их учение вызвана современным интересом к мистицизму и подогревается общим ожиданием грядущих катаклизмов в тысячелетиях. Они приобрели романтический и поэтический ореол, который часто ассоциируется с теми, кто пострадал за обреченное дело. Но если они и не вполне заслуживают той излишней идеализации, которая свойственна по отношению к ним в последнее время, их все же необходимо отнести к числу одних из самых страшных жертв истории, и их совершенно справедливо можно считать первыми жертвами организованного и систематического геноцида в истории западной цивилизации.

Хотя их можно условно назвать христианами, катары решительно выступали против Рима и Римской церкви. Как затем и протестанты разного толка, они видели в Риме олицетворение зла, библейскую «вавилонскую блудницу». Среди признанных направлений христианства того времени они были ближе в некоторых своих учениях к византийской – или греческой – православной церкви. В некоторых отношениях – например, их вера в реинкарнацию – они имели общие корни с религиозными верованиями Востока, такими, как индуизм и буддизм. В конечном итоге, однако, и несмотря на сочувствие, которое выказывают им комментаторы новейшего времени, катары разделяли целый ряд догматов, которые мало людей на Западе сегодня сочли бы приемлемыми для себя.

По существу катары были дуалистами. Другими словами, они рассматривали весь видимый и материальный мир как прирожденное зло, как творение меньшего и низшего божества. Всему плотскому, материальному, земному в конечном счете надлежало быть отвергнутым и преодоленным ради исключительно духовной реальности, и только в царстве духа обреталась подлинная божественность. В этом катары являли собой позднее развитие традиции, давно существовавшей на периферии христианского Запада. Они имели много общего с ересью богомилов на Балканах, от которых они позаимствовали многие из своих догматов. Они были отголоском еще более старой ереси манихеев, которую проповедовал в III веке перс Мани. И они унаследовали также многие элементы гностического дуализма, который процветал в Александрии и некоторых других местах в первые два столетия христианской эры и который, вероятно, уходил корнями в древнее зороастрийское учение [2].

Подобно богомилам, манихеям и гностическим дуалистам, катары подчеркивали важность непосредственного контакта с божественным, его непосредственного постижения. Считалось, что такой контакт составляет «гнозис», что означает «знание», – особого рода сакральную тайну.

А настаивая на подобном непосредственном и прямом постижении сакрального, катары, как и их предшественники, фактически отменяли необходимость в священнослужителях, в церковной иерархии. Если наивысшей добродетелью являлся собственный опыт общения с Божественным, то священнослужитель становился ненужным в качестве блюстителя и интерпретатора Божественного, а теологическая догма лишалась своего значения и превращалась всего лишь в интеллектуальный конструкт, проистекавший из самонадеянного ума человека, а не из какого-то высшего или Божественного источника. Такая позиция в корне подрывала не только учение, но само здание римской церкви. Конечно, в конечном счете само христианство неявно дуалистично, ведь оно воспекает дух, отвергает плоть и всю «нераскаявшуюся природу». Катары проповедовали то, что можно было бы счесть за крайнюю форму христианской теологии – или за попытку довести христианскую теологию до ее логического завершения. Они сами считали свое учение близким к тому, чему якобы учил сам Иисус и его апостолы. Оно и в самом деле, несомненно, было ближе к истине, чем проповедовавшееся Римом. И в своей простоте и отказе от мирских богатств катары были ближе, чем римское духовенство, к образу жизни, который вели, согласно Евангелию, Иисус и его последователи.

На практике, разумеется, катары жили в реальном мире и волей-неволей должны были пользоваться его благами. Так, например, им запрещалось учинять насилие над материальным, искать ухода из царства материального посредством самоубийства. Как и предшествовавшие им дуалистические секты, они тоже плодились и размножались, обрабатывали землю, занимались ремеслами и торговлей и – несмотря на свой заявленный пацифизм – в случае необходимости брались за оружие. Их ритуалы и обряды, впрочем, учили их рассматривать такую деятельность в качестве испытательного полигона, арены, на которой они могли помериться силами со злом и, если повезет, одолеть его. Очевидно, что должны были быть «хорошие» и «плохие» катары, точно так же как у всякого вероучения всегда имеются ревностные и непоследовательные приверженцы. Но в целом, и невзирая на свои убеждения, катары слыли у своих современников за крайне добродетельных людей. Во многих отношениях их воспринимали так же, как позже будут воспринимать квакеров [3]. Их добродетели стяжали им огромное уважение, и на их фоне римское духовенство выглядело еще менее привлекательным. Согласно показанию, хранящемуся в библиотеке Ватикана, один мужчина описывал, как в юности к нему подошли два товарища и сказали:

«Добрые христиане пришли в эту землю; они идут путем святого Петра, святого Павла и других апостолов; они следуют Господу; они не лгут; они не делают другим того, чего не хотели бы, чтобы делали им другие».

Тот же свидетель сообщает также о молве, гласившей, что катары «единственные идущие путями справедливости и правды, которым следовали апостолы. Они никогда не лгут. Они не берут того, что принадлежит другим. Даже если бы они нашли золото или серебро лежащим на их пути, они не «подняли» бы его, если только не получили бы его в подарок. Спасения легче достичь в вере этих людей, называемых еретиками, чем в какой-либо другой вере».

К началу тринадцатого столетия катарская ересь стала угрожать вытеснением католицизма на юге Франции, а странствующие проповедники катаров, путешествуя пешком по округе, постоянно увеличивали число новообращенных среди населения. Эти проповедники не давили, не принуждали, не спекулировали на чувстве вины, не занимались психологическим шантажом, не тиранили и не

терроризировали страшными угрозами вечного проклятия, вечных мук, не требовали платы или взятки при каждой возможности. Они были известны, как и квакеры, пришедшие после них, своим «ласковым увещанием».

Вряд ли все обращенные проповедниками катаров становились истинно верующими. Есть подозрения, что многие относились к своей новой вере не более серьезно, чем другие христиане того времени относились к своему католичеству. Но катарская ересь, безусловно, казалась привлекательной. Для рыцарей, дворян, купцов, лавочников и крестьян юга Франции она, похоже, представляла приемлемую альтернативу Риму – гибкость, терпимость, великодушие, честность, которые нелегко было сыскать среди официального духовенства.

В практическом плане это обещало спасение от вездесущего клира Рима, от наглости клириков и от злоупотреблений коррумпированной Церкви, чьи вымогательства становились все более нестерпимыми. Не подлежит сомнению, что Церковь в то время была чудовищно развращенной. В начале тринадцатого столетия папа говорил о своих собственных священниках, что они «хуже животных, валяющихся в собственных испражнениях». Как писал крупнейший средневековый немецкий поэт-лирик Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170 – ок. 1230):

«О Господи, доколе Ты будешь почивать в своем сне?.. Поставленный Тобой охранять крадет богатство, которое Ты скопил. Твои наместники грабят здесь и убивают там. И за Твоими овцами присматривает волк».

Епископы того времени описывались современником как «ловцы денег, а не душ, имеющие тысячу уловок, как опустошить карманы бедняка». Папский легат в Германии жаловался, что находящееся в его юрисдикции духовенство предается роскоши и обжорству, не соблюдает постов, охотится, играет в азартные игры и занимается коммерцией. Возможности для коррупции были огромными, и мало кто из священников прилагал какие-либо серьезные усилия, чтобы удержаться от соблазна. Многие требовали платы даже за выполнение своих официальных обязанностей. Венчания и похороны могли проходить не раньше, чем выплачивались вперед деньги. В причастии отказывалось до получения пожертвования. Даже умирающего не причащали, пока не выколачивали из него нужную сумму. Право даровать индульгенции, освобождение от наказаний вследствие отпущения грехов, давало немалый дополнительный доход.

На юге Франции подобная коррупция особенно процветала. Имелись церкви, например, в которых мессы не служились более тридцати лет. Многие священники пренебрегали спасением душ своих прихожан и занимались коммерческой деятельностью или управляли большими поместьями. Архиепископ Турский, известный гомосексуалист, бывший любовником своего предшественника, потребовал, чтобы вакантное место епископа Орлеана было отдано его же любовнику. Архиепископ Нарбонна так и не удосужился посетить город или свою епархию. Многие другие духовные лица пировали, заводили себе любовниц, путешествовали в пышных экипажах, имели при себе огромный штат челяди и вели жизнь под стать верхушке дворянства, в то время как вверенные их попечению души прозябали в страшном рабстве, нищете и грехах.

Потому едва ли удивительно, что существенная часть населения этих земель, далеких от какого-либо духовного благополучия, отвернулась от Рима и приняла воззрения катаров. Едва ли удивительно также, что Рим, столкнувшись с таким массовым вероотступничеством и заметным падением доходов, стал все больше тревожиться за свое положение. Такая тревога была не

безосновательна. Существовала очень реальная перспектива замены вероучением катаров католицизма как господствующей религии на юге Франции, а отсюда оно могло легко распространиться и повсеместно. В ноябре 1207 года папа Иннокентий III написал королю Франции и целому ряду высокопоставленных французских вельмож, побуждая их подавить еретиков в своих владениях военной силой. Взамен им даровались конфискованное имущество и те же индульгенции, которые предназначались крестоносцам, участвовавшим в походе в Святую землю. Эти посулы, судя по всему, не возымели большого действия, особенно на юге. Граф Тулузский, к примеру, пообещал искоренить всех еретиков в своей вотчине, но и пальцем не пошевелил, чтобы осуществить свое обещание. Посчитав его служение Церкви недостаточно ревностным, папский легат Пьер де Кастельно потребовал встречи с ним. Аудиенция быстро переросла в яростную ссору.

Пьер обвинил графа в поддержке катаров и без долгих рассуждений предал его анафеме. Граф, который, вероятно, сам был катаром, ответил со своей стороны, как и следовало ожидать, собственными угрозами.

Утром 14 января 1208 года, когда Пьер готовился переправиться через реку Рону, один из приближенных графа окликнул его и заколол насмерть. Папа был в ярости и незамедлительно издал буллу, обращенную ко всему дворянству Южной Франции, в которой обвинял графа в подстрекательстве к убийству и подтверждал его отлучение. Далее понтифик требовал, чтобы графа публично осудили во всех церквях, и давал всякому католику право преследовать его, равно как и конфисковать его земли. Но этим дело не закончилось. Папа также написал королю Франции с требованием начать «священную войну» для уничтожения еретиков-катаров, которые характеризовались как более страшное зло, чем мусульманские неверные. Все, кто примет участие в этой кампании, берутся под немедленную защиту папского престола. Они освобождаются от уплаты всех процентов по своим долгам. Они выходят из-под юрисдикции гражданских судов. Им даруется полное прощение за все их грехи и преступления, при условии, что они прослужат минимум сорок дней. Так папа Иннокентий III проповедовал то, что впоследствии стало известно как крестовый поход против альбигойцев. Это был первый крестовый поход, предпринимавшийся в христианской стране против других христиан (пусть и еретиков). В придачу к объявленным привилегиям он сулил, разумеется, и подразумевавшееся право грабить, мародерствовать, отнимать и присваивать имущество. И сверх этого он сулил и другие преимущества. Крестоносцу, обратившему свое оружие против катаров, не нужно было, к примеру, отправляться за море. Он был избавлен от трудностей и расходов, связанных с длительным путешествием. Он был избавлен также от тягот ведения боевых действий в условиях пустыни и тяжелого климата Среднего Востока. Если ситуация обернется неблагоприятным образом, он не останется отрезанным посреди чужой и враждебной страны. Напротив, он достаточно легко мог вернуть себе безопасность или даже раствориться среди местного населения.

В последних числах июня 1209 года на Роне собралось войско из пятнадцати-двадцати тысяч северных дворян, рыцарей, солдат, прислуги, авантюристов и маркитантов. Небогатый французский барон Симон де Монфор должен был выступать в качестве военного предводителя. Их духовным лидером был папский легат Арнольд Альмарик – фанатик, цистерцианец и в то время аббат Сито [4]. К 22 июля войско прибыло в стратегический город Безье, среди жителей которого было немало катаров. Во время последовавшего затем разграбления города Арнольда спросили, как отличить

еретиков от праведных католиков. Папский легат ответил одной из самых позорных фраз в истории Церкви: «Бейте их всех, Господь своих узнает!» В устроенной крестоносцами резне погибло около 15 тысяч мужчин, женщин и детей. С торжеством, граничившим с экстагическим восторгом, Арнольд писал папе, что в расчет не принимались «ни возраст, ни пол, ни занимаемое положение». Разграбление Безье повергло в ужас всю Южную Францию. Крестоносцы еще только пытались построиться в боевые порядки среди дымящихся развалин, когда прибыла делегация из Нарбонна, предлагавшая сдать всех катаров и иудеев (которые также стали к этому времени «законными мишенями») в своем городе, а также обеспечить армию провиантом и деньгами. Жители других городов и селений покидали свои дома, спасаясь бегством в горы и леса. Но крестоносцы имели не только намерение восстановить главенство Рима. Они также были настроены на полное уничтожение еретиков, равно как и на разграбление всего и всех. Посему кампания продолжилась. 15 августа, после непродолжительной осады, сдался Каркассон, и Симон де Монфор стал виконтом Каркассонским. По всему югу еретики десятками сжигались на кострах, а всякий, кто осмеливался выступить против, вздергивался на виселице. Тем не менее катары – поддерживаемые многими южными дворянами, которые пытались оказывать сопротивление опустошительным набегам, – отвечали на удары, и многие города и замки не один раз переходили из рук в руки. Масштабы кровопролития возрастали. В 1213 году король Арагона попытался встать на сторону катаров и южнофранцузских феодалов, однако его армия была разбита крестоносцами в сражении при Мюре, а сам он был убит. Осенью 1217 года крестоносцы обрушились на Тулузу, после чего последовала девятимесячная осада. 25 июня 1218 года Симон де Монфор встретил смерть у стен города, сраженный куском кирпичной кладки, которую выпустила из трюбуше одна из защитниц города. Со смертью де Монфора армия крестоносцев стала рассеиваться, и на разграбленную и истерзанную землю снизошел зыбкий и непрочный мир. Он длился недолго. В 1224 году был предпринят новый крестовый поход против юга, военным предводителем которого стал король Людовик VIII, а в роли религиозного вдохновителя выступал все тот же Арнольд Альмарик. Несмотря на смерть французского короля в 1226 году, кампания продолжалась до тех пор, пока в 1229 году весь Лангедок [5] не оказался под властью французской короны.

Дальнейшие восстания катаров против новой власти происходили в 1240 и 1242 годах. 16 марта 1244 года после длительной осады пал Монсегюр, самый важный из оставшихся оплотов катаров, и более 200 еретиков были сожжены на кострах у подножия горы, на которой стоял замок. Спустя одиннадцать лет, в 1255 году, пала последняя крепость катаров Керибюс. Только тогда наконец прекратилось организованное сопротивление катаров. К тому времени много уцелевших еретиков бежали в Каталонию и Ломбардию, где они создали новые общины. Даже на юге Франции следы катарской ереси исчезли не полностью. Многие еретики попросту смешались с местным населением и продолжали втайне исповедовать свои догматы и придерживаться своих обрядов. Они оставались активными в этих землях еще по крайней мере в течение полувека, а в течение двух первых десятилетий четырнадцатого столетия в районе селения Монтайю во французских Пиренеях возникла новая волна катарской ереси. К этому времени, однако, для подавления еретиков уже был создан не менее зловещий институт, чем любая армия крестоносцев.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАЧАЛО ИНКВИЗИЦИИ

В то же время, когда войска крестоносцев осаждали катарские крепости и города с проживающими в них катарами, произошло еще одно событие. Хотя оно и было внешне менее грандиозным, менее драматичным, менее эпичным, ему суждено было иметь даже большее значение для истории христианства, далеко выходящее за границы Южной Франции тринадцатого века. Его влиянию суждено было распространиться по всему христианскому миру, сформировать существенные стороны западной истории и культуры и докатиться до наших дней.

Летом 1206 года, спустя полтора года после того как впервые прозвучал призыв о крестовом походе против альбигойцев, епископ Осмы, что на северо-востоке Испании, возвращался через Южную Францию после своего визита в Рим. В путешествии его сопровождал некто Доминик Гусман, помощник настоятеля монастыря в Осме. Доминику, сыну знатного кастильца, было в ту пору около тридцати шести лет. Десять лет он учился в университете Валенсии и прославился своими ораторскими навыками и проповедническим даром. Тремя годами ранее, в 1203 году, он совершил свою первую поездку во Францию, и угроза, которой подвергала там устои Церкви катарская ересь, вызвала у него праведное возмущение.

Оно усилилось от его второй поездки. В Монпелье он вместе с епископом встретился с местными папскими легатами, которые только и говорили что о «заражающей» регион ереси. Дабы уничтожить заразу, Доминик и епископ замыслили амбициозный проект. Епископу, однако, суждено было умереть через год, и этот проект пришлось воплощать Доминику одному. Если уместно использовать в данном случае слово «честь», то ему суждено было удостоиться этой чести. Катары успешно вербовали себе сторонников по большей части с помощью странствующих проповедников, которые снискали уважение своей образованностью, красноречием и познаниями в теологии. Но они также снискали уважение своим поведением – своей очевидной бедностью и простотой, своей честностью и неподкупностью, своей ревностной приверженностью к тому аскетизму, который традиционно ассоциировался с самим Иисусом и его апостолами. Церковь не могла соперничать с ними в этих признанных «христианских» добродетелях. Верхушка церковной иерархии вела жизнь, которая своей пышностью, роскошью, сибаритством и бесстыдной расточительностью едва ли походила на какой-либо признанный библейский пример.

С другой стороны, местные священники, хотя и достаточно бедные, были вместе с тем ужасающе невежественными и необразованными, мало на что способными, кроме того, как наскоро служить мессу, и, конечно же, были неподготовленными для ведения теологических споров. Жизнь монахов по-прежнему ограничивалась пределами их монастырей, где они отдавали свое время преимущественно физическому труду, религиозным службам или молитвенному созерцанию. Те немногие из них, кто обладал какой-либо ученостью, не имели возможности передавать ее миру за пределами монастырских стен. Доминик принялся исправлять эту ситуацию и, как он полагал, бить катаров их же оружием.

Он организовал обширную сеть странствующих монахов, или братьев, – людей, которые не замыкались в стенах аббатства или монастыря, а бродили по дорогам и селениям округи. В отличие от церковных иерархов, братья Доминика расхаживали босиком и жили просто и скромно, тем самым являя пример строгости и аскетизма, требовавшихся от ранних христиан и которому следовали Отцы-основатели Церкви. Более того, странствующие монахи Доминика были образованными, искусными в ведении ученого спора, способными вовлечь катарских проповедников

или кого угодно в «теологические состязания». Их одежда могла быть простой, а ноги босыми, но с собой они всегда носили книги.

В прошлом другие клирики выступали за ученость ради нее самой или сохранения и монополизации знания Римом. Доминик стал первым деятелем в истории Церкви, который отстаивал образованность и эрудицию в качестве неотъемлемого средства и инструмента проповедника.

Во время обряда канонизации, последовавшего за его смертью, у тех, кто знал его лично или наблюдал его в служении, были взяты и записаны показания. Из них складывается нечто вроде его портрета.

Доминик описывается как худощавый мужчина, который без устали молился по ночам и часто при этом плакал. Днем он устраивал публичные сборища, которые давали ему возможность проповедовать против катаров, и нередко разражался слезами во время проповеди. Он неутомимо предавался аскезе и умерщвлению плоти. Молясь, он нередко бичевал себя железной цепью, которую носил на ногах. Он не расставался с грубой власяницей, пестрящей заплатами. Он никогда не спал на постели, только на земле или на досках. В то же время он был не лишен особого рода тщеславия. Судя по всему, он ясно сознавал свой образ аскета и не удерживался от того, чтобы подкрепить его, прибегая к некоторым слишком человеческим, мало подобающим святому хитростям и уловкам.

Например, подходя к харчевне или постоялому двору, где он намеревался провести ночь, он сперва делал остановку у ближайшего источника или родника и вдосталь утолял жажду, в то время когда никто не видел. Оказавшись в заведении, он укреплял в глазах постояльцев свою репутацию человека, ведущего строгий и аскетичный образ жизни, почти не прикасаясь к воде. Еще в 1206 году – во время своей поездки через Францию с епископом Осмы и за два года до объявления крестового похода против альбигойцев – Доминик основал монастырь в Пруле. Среди папских легатов, с которыми ему довелось познакомиться, был Пьер де Кастельно, убийство которого в 1208 году спровоцировало крестовый поход. Речь, которую Доминик якобы произнес в Пруле вскоре после вспыхнувшей вражды, проливает некоторый свет на особенности его менталитета:

«Уже многие годы я пою вам сладостные слова, проповедуя, увещевая, плача. Но, как говорят в моей стране, там, где не действует ласка, действует таска. Теперь мы призовем на вас воинов и прелатов, которые, увы, соберутся вместе против этой страны... и заставят многих людей умереть от меча, превратят в руины ваши башни, опрокинут и разрушат ваши стены и обратят всех вас в рабов... Сила дубинки восторжествует там, где ничего не смогли поделывать ласковые слова».

Мало сведений о том, какое именно участие принимал Доминик в кампании против катаров. Представляется очевидным, однако, что он двигался вместе с передовыми отрядами армии крестоносцев, действуя на основе полномочий, полученных от столь же фанатичного папского легата Арнольда Альмарика, аббата Сито, который отдал приказ об истреблении всего населения Безье, руководствуясь тем, что «Господь признает своих». Даже самые большие апологеты Доминика из числа его биографов признают, что от него часто требовалось выносить приговор подозреваемым в катарской ереси, возвращать их в лоно Церкви или – если это не удавалось сделать – предавать их огню. На его глазах сожгли огромное число еретиков, и, по-видимому, он довольно легко примирил свою совесть с их смертью.

Неудивительно, что Доминик сделался близким другом, доверенным лицом и советником

безжалостного военного руководителя крестоносцев Симона де Монфора и сопровождал того в его кровавом походе. В течение какого-то времени в 1213 году, когда де Монфор квартировал в Каркассоне, Доминик служил помощником епископа города. Считается также, что он находился с армией в сражении при Мюре, где его проповеди помогли воодушевить солдат де Монфора на победу над королем Арагона. В 1214 году Симон де Монфор передал Доминику «доход» от по крайней мере одного только что взятого города. Доминик также крестил дочь Монфора и совершал обряд бракосочетания его старшего сына с внучкой французского короля.

К тому времени деятельность Доминика и его связь с Симоном де Монфором превратили его в нечто вроде знаменитости среди крестоносцев. Так, в 1214 году богатые католики – граждане Тулузы передали в дар три здания (одно из которых все еще стоит) ему и его ордену братьев-проповедников. Годом спустя он расстался со своим первоначальным намерением учредить свой орден в Каркассоне, видимо, из-за слишком недоброжелательной, даже откровенно враждебной критики. Вместо этого он переехал в Тулузу, и именно в этих пожалованных ему зданиях был создан орден доминиканцев, хотя пока и неофициально.

Позже в 1215 году Доминик отправился в Рим и присутствовал там на IV Латеранском соборе. На этом соборе папа Иннокентий III повторил настойчивые утверждения Доминика о необходимости теологических штудий в любом проповедовании веры. Папа также дал согласие на официальное учреждение ордена доминиканцев, но скончался прежде, чем это было осуществлено.

В декабре 1216 года доминиканцы были официально признаны новым понтификом Гонорием III. К 1217 году первые доминиканцы в Тулузе спровоцировали такую волну враждебности, что вынуждены были на время «исчезнуть». При этом они стали расселяться по обителям далеко за чертой своего города – например, в Париже, Болонье и различных местностях Испании. В орден теперь активно вербовали учителей, и были выпущены правила, касавшиеся обучения и бережного обращения с книгами. В каждой обители доминиканцев имелся свой собственный преподаватель, присутствие на занятиях которого было делом обязательным. В то же время доминиканцы вели некую деятельность, которая породила к ним такую ненависть со стороны граждан Каркассона, а затем Тулузы, – они шпионили, занимались доносами и сбором компрометирующих сведений. Занимаясь подобными делами, доминиканцы демонстрировали свою необходимость для Церкви. «Отряды» странствующих братьев, бродящих по дорогам округи, идеально подходили для сбора информации.

В 1221 году Доминик умер от лихорадки в Болонье. Ему было чуть больше пятидесяти, но казалось, что он полностью истощил свои силы неумным фанатизмом. Начатое им дело, однако, быстро расширялось. На момент его смерти существовало уже около двадцати обителей доминиканцев во Франции и Испании. Члены ордена были известны не только проповедями, но и активным и ревностным штудированием теологии. К 1224 году по меньшей мере 120 доминиканцев изучали теологию в Париже. К 1227 году папа начал обращаться к ним за помощью в «делах веры». По специальному поручению понтифика они все чаще стали заниматься выискиванием и преследованием еретиков, и их усердие в таких делах делало их еще более незаменимыми для Церкви.

В 1234 году Доминик был официально канонизирован (как могло бы показаться сегодня, в неподобающей спешке). Возможно, мало найдется святых, чьи руки были бы настолько обгарены

кровью. Ко времени, когда Доминик «пришел к своей награде» (что бы это ни значило), его орден исчислялся почти сотней монастырей. Доминиканцы устраивали свою деятельность с таким упором на дисциплину и послушание, который сегодня может ассоциироваться с некоторыми сектами и культами. Вступив в орден, человек «умирал» для родственников и мира. В одном случае, согласно агиографическим описаниям, знатная римская семья попыталась вызволить своего сына из когтей ордена. Юношу отправили в другой монастырь доминиканцев, подальше от Рима. Его семья последовала за ним. Когда он переправился через реку, на другом берегу появились его родственники. В этот момент река чудесным образом разлила свои воды, вздыбилась и стала непроходимой. Юноша остался доминиканцем.

Искоренение ереси

В 1233 году один из друзей Доминика взшел на Престол святого Петра под именем папы Григория IX. Он-то и инициировал процесс, который год спустя завершился канонизацией Доминика. Одновременно, 20 апреля 1233 года, новый понтифик издал буллу, которая возлагала на доминиканцев особую задачу по уничтожению ереси. Обращаясь к своим епископам, папа писал: «Видя, что вы поглощены вихрем забот и с трудом можете дышать под гнетом тяготящих вас тревог, мы находим полезным облегчить ваше бремя, чтобы вы могли легко переносить его. Поэтому мы решили послать братьев-проповедников против еретиков Франции и прилегающих провинций и умоляем и призываем вас, приказываем вам... принять их дружески... и оказывать им в том помощь, дабы они могли хорошо исполнять свою службу».

Двумя днями позже папа адресовал вторую буллу непосредственно доминиканцам:

«Поэтому вам... дается власть... навсегда лишать духовных лиц их бенефиций и преследовать их и всех других судом, безапелляционно, призывая на помощь светскую власть, если в том встретится надобность».

Далее папа объявлял об учреждении постоянного трибунала с монахами-доминиканцами в качестве его членов. Так фактически была создана инквизиция.

Механизм был запущен год спустя, в 1234 году, в Тулузе, где были назначены два официальных инквизитора. Любопытно отметить, что их деятельность, согласно папской булле, была первоначально направлена против духовных лиц – свидетельство того, что многие римские священники в действительности тайно сочувствовали катарам. Благодаря папскому эдикту инквизиторы-доминиканцы получали законные полномочия признавать виновными предполагаемых еретиков без какой бы то ни было возможности апелляции – и, таким образом, по сути дела, выносить без долгих разбирательств смертные приговоры. Сжигание еретиков было, конечно, делом не новым. Симон де Монфор и его армия охотно практиковали это с начала крестового похода против альбигойцев в 1209 году. Его действия, однако, были действиями жестокого военного командующего, каравшего по своей собственной инициативе, насаждавшего свой вариант военного суда на завоеванной территории и поступавшего со своими врагами так, как он считал нужным. Теперь же, с папского благословения, механизм массового истребления инакомыслящих был поставлен на официальную законную основу, с формальной санкцией и мандатом, исходящими напрямую от самой высокой власти в католическом мире. Неизбежно, если учесть природу и масштаб затронутого при этом административного аппарата, возникали помехи. Многие клирики завидовали неожиданному могуществу доминиканцев и вместе с тем выказывали некоторую долю

сочувствия к катарам, если и не с теологических, то с гуманистических позиций. Неудивительно также, что возникало смешение властных полномочий между инквизиторами и местными епископами. Папа утверждал, что облегчит бремя епископов. На практике же он обходным путем отбирал у них некоторую часть их церковных полномочий, что породило разного рода разногласия, подчас даже открытое негодование. Некоторые епископы настаивали, чтобы требовалось их участие в деле, прежде чем могли осудить еретика. Другие высказывали притязание на право изменять приговор. Иные требовали себе инквизиторских полномочий. В ходе тринадцатого столетия ревности и антагонизму между инквизиторами и епископами суждено было порой принимать острую форму. В теории инквизиционным трибуналам полагалось быть простым дополнением к епископальному трибуналу. На деле же власть епископов постепенно подрывалась. В 1248 году Собор был вынужден угрожать епископам недопущением их в их собственные церкви, если они не будут соглашаться с приговорами, выносимыми инквизицией. В 1257 году папа Александр IV сделал инквизицию независимой, устранив необходимость для нее консультироваться с епископами.

Наконец, в 1273 году папа Григорий X предписал, чтобы инквизиторы действовали во взаимодействии с местными епископами, разделяя с ними власть и ответственность; и впредь это постепенно делается нормой. Для первого поколения инквизиторов жизнь была не всегда легкой. Иногда она давала обильную возможность, чтобы вкусить от несчастий и тем прославить себя. Например, Гийом Пелиссон, уроженец Тулузы, вступил в доминиканский орден около 1230 года и стал в 1234 году инквизитором, несмотря на свою сравнительную молодость.

Перед своей смертью в 1268 году он сочинил манускрипт, повествующий о деятельности инквизиции в Тулузе между 1230 и 1238 годами. Спустя примерно три четверти века Бернарду Ги – одному из самых выдающихся и печально известных инквизиторов, который выступает в характерной для него роли в романе Умберто Эко «Имя Розы», – было суждено наткнуться на манускрипт Гийома и счесть его достойным того, чтобы размножить. Копия Бернарда сохранилась в архивах Авиньона и проливает свет на превратности и злоключения ранней инквизиции. Гийом пишет с явным намерением, чтобы последующие поколения доминиканцев, равно как и другие благочестивые католики, могли «узнать, какие страдания и сколько их претерпели их предшественники во имя веры и Христа... могли набраться мужества против еретиков и всех других неверующих, и с тем чтобы они могли быть готовы сделать – или, скорее, вынести – столько же или больше, если понадобится... Ибо после многочисленных, бесчисленных испытаний, перенесенных терпеливо, набожно и с хорошими результатами блаженным Домиником и братьями, которые были с ним в той земле, истинные сыновья такого отца не должны осрамиться».

Чтобы продемонстрировать трудности, с которыми столкнулись инквизиторы в Альби в 1234 году, Гийом пишет:

«Божий легат... сделал Арнольда Каталану, принадлежного тогда к монастырю в Тулузе, инквизитором против еретиков в епархии Альби, где он мужественно и бесстрашно проповедовал и старался изо всех сил проводить расследования. Однако в то время верящие еретикам практически ни в чем не признавались, а только единодушно отрицали свою причастность; тем не менее он приговорил двух живых еретиков... и оба были сожжены... Он осудил и некоторых уже умерших людей и велел унести тела их и сжечь. Возмущенные этим, жители Альби попытались бросить его в реку Тарн, но по настоянию некоторых среди них отпустили его, избитого, в разодранном одеянии, с

окровавленным лицом... Многие невзгоды постигли этих людей позже во времена брата Ферье, инквизитора, который схватил и заключил в темницу огромное их число, а также некоторых сжег, и тем исполнился справедливый суд Божий».

Относительно самой Тулузы Гийом жалуется, что «в те дни католики были встревожены и обеспокоены, а в нескольких местах те, кто выискивал еретиков, были убиты... правители области, вкуче со знатными дворянами, горожанами и другими, защищали и укрывали еретиков. Они избивали, ранили и убивали тех, кто преследовал их... многие дурные дела были совершены в этой земле против церкви и верующих».

С грубоватой небрежностью Гийом заявляет, что «братья проводили расследования также в Муассаке и приговорили того самого Иоанна Лагардского, который, бежав в Монсегюр, стал законченным еретиком и позже был сожжен там вместе с 210 другими еретиками». В 1234 году – в том году, когда, по словам Гийома, «была объявлена канонизация блаженного Доминика», – доминиканцы Тулузы устроили торжественную мессу в честь дня празднования их отца-основателя. Перед трапезой участники совершали омовения, когда «по Божественному провидению» прокатился слух, что умиравшая поблизости от лихорадки женщина только что получила «консоламентум» – катарский эквивалент обряда причащения перед смертью – от неких еретиков. Оставив свои омовения, толпа доминиканцев в сопровождении епископа Тулузы бросилась в дом умирающей и ворвалась в ее комнату.

«Епископ... усевшись рядом с женщиной, начал пространно говорить с ней о презрении к миру и земным вещам... С великой осторожностью божий епископ вытянул из нее то, во что она веровала по многим вопросам, и почти все это оказалось как раз тем, во что веруют еретики... После чего епископ сказал ей: «Значит, ты еретичка! Ибо то, в чем ты призналась, есть вера еретиков, а тебе должно быть ведомо, что ереси выявляются и осуждаются. Отрекись от них! Прими то, во что верует католическая церковь». [Епископ] обращал к ней эти и другие слова в присутствии всех остальных, но ничего не добился и никак не сломил женщину; напротив, она только больше упорствовала в своем еретическом упрямстве. Тогда епископ, который тотчас призвал викария и многих других лиц, именем Иисуса Христа незамедлительно осудил ее как еретичку. Сверх того, викарий велел взять ее на постели, в которой она лежала, на графский луг, и немедленно предал ее огню».

Так доминиканцы Тулузы завершили свое празднование Дня поминовения недавно причисленного к лику святых Доминика человеческим жертвоприношением. К 1235 году, сообщает Гийом, враждебное отношение к доминиканцам в Тулузе усилилось. Гийом, судя по всему, одновременно озадачен и возмущен таким отношением, но повествует с горделивым вызовом:

«В то время тела некоторых умерших лиц, уличенных в ереси... были протащены через город и сожжены. Весь город был возбужден и настроен против братьев из-за инквизиции и обратился к графу. Он пожаловал к инквизиторам и попросил их, из уважения к нему, приостановить свою деятельность на время, ссылаясь на свои ничтожные причины. Это они отказались сделать».

К ноябрю 1235 года все доминиканцы и инквизиция вместе с ними были силой изгнаны из Тулузы городскими консулами. Консулы, как и полагается, были отлучены инквизицией. Вскоре после этого папа потребовал, чтобы инквизиторам позволили вернуться. Снова обосновавшись в городе, они учинили страшную волну насилия.

«В то время многие повинные в ереси из числа известных людей и других, теперь умерших... (были

изобличены)... осуждены по приговору, вырыты из могил и выброшены с кладбищ города братьями в присутствии викария и его людей. Их кости и смердящие тела были протаснены по городу, их имена выкрикивались на улицах глашатаем, возвещавшим: «Кто ведет себя так, и погибнет так», и, наконец, они были сожжены на графском лугу во славу Господа и Пресвятой Девы, Его матери, и блаженного Доминика, Его раба (который)... весьма своевременно положил начало этой работе божьей».

Законность человеческого жертвоприношения

Пытки и казни еретиков были вовсе не новым явлением в христианской истории. Напротив, такая практика имела богатое прошлое, бравшее начало по меньшей мере в четвертом столетии. Около 385 года н. э. Присциллиан, епископ Авилы (340-385), отразил в своих трудах некое неканоническое учение Востока и, возможно, элементы гностического дуализма. Его обвинили в колдовстве и ереси и доставили пред очи Максима, римского императора того времени, в Тревизе, где подвергли длительным пыткам. Признав его виновным в совершении данных преступлений, его обезглавили вместе с двумя другими духовными лицами, богатой женщиной, его ученицей, и известным поэтом, связанным с ним.

В Испанию были отправлены трибуны для проведения дальнейшего расследования, результатом которого стала казнь еще двух еретиков и изгнание пяти. Папа Сириций, находившийся на Престоле Святого Петра, возмутился – не из-за казней, а из-за того, что процессы были проведены светским, а не церковным судом. Тело Присциллиана отвезли для погребения обратно в Испанию, где вскоре выросла в поклонение ему святыня – в месте, как считается, нынешнего Сантьяго-де-Компостела. Полагают, что изначально паломнический маршрут в Сантьяго-де-Компостела пролегал по пути следования тела Присциллиана к месту своего последнего упокоения на Иберийском полуострове. За те 900 лет, что отделяют смерть Присциллиана от создания инквизиции, были и другие казни еретиков. Они, однако, не являлись отражением какой-либо последовательной или централизованной папской политики, но происходили как отдельные спорадические вспышки насилия со стороны местного клира или не в меру набожных светских монархов.

Так, к примеру, в 1022 году король Франции отправил на костер несколько якобы еретиков – монахов Орлеана.

В 1116 году в Сен-Жиле был сожжен еретик-одиночка. Теперь же, с введением инквизиции, был запущен официальный, более или менее отлаженный механизм, включавший в себя весь процесс расследования, вынесения приговора, проведения суда, пыток и казни. У нас нет достаточного количества подтверждающих материалов, но, судя по всему, по крайней мере с девятого века, существовала традиция, по которой церковнослужителям запрещалось проливать кровь. Пускать кровь, будь то копьем, мечом или кинжалом, считалось, по-видимому, не по-христиански. Так, к примеру, в «Песне о Роланде» священнослужитель Турольдус даже во время военной кампании воздерживается от ношения остроконечного оружия. Вместо этого он вооружен булавой. Вероятно, считалось недопустимым заколоть человека, но если кровь «случайно» проливалась из разможенного черепа, это, по-видимому, было другим, теологически санкционированным делом. Возможно, из уважения к некоей подобной традиции методы инквизиции казались предназначенными для того, по крайней мере в теории, чтобы сводить фактическое пролитие крови к минимуму. Инквизиторы, разумеется, не испытывали особых угрызений совести или раскаяния,

учиняя физические страдания во имя духовного блага. Дабы обеспечить им такую индульгенцию, папа Александр IV (1254-1261) уполномочил инквизиторов отпускать грехи друг другу за любые так называемые «непредвиденные случайности» – преждевременную смерть жертвы, к примеру. Но в большинстве форм пыток – в таких излюбленных средствах, как дыба, тиски для зажима пальцев, «страппадо» и водяная пытка, – избегалось намеренное пролитие крови. Орудия такого рода, по всей вероятности, придумывались для того, чтобы причинять максимум страданий и минимум телесных повреждений.

Имелись и другие чудовищные и невероятно изобретательные средства причинения боли, но главнейшим инструментом инквизиции был костер. Правовым прецедентом и оправданием служило законодательство имперского Рима, которое было реанимировано в двенадцатом столетии и органично легло в основу юридических систем Европы. Согласно римскому своду законов предание огню было стандартным наказанием за отцеубийство, осквернение храма, поджог, колдовство и измену. Здесь был прецедент для обращения с еретиками. В 1224 году император Священной Римской империи Фридрих II выпустил в Ломбардии закон, санкционировавший предание огню впавших в повторную ересь. В 1231 году эта санкция была включена в сицилийский свод законов. В 1238-1239 годах три правовых декларации сделали сицилийский свод законов применимым на всей территории Священной Римской империи. Сам император Фридрих II едва ли был образцовым христианином. Он читал откровенно неортодоксальные труды. Имел широкие познания в учениях ислама и иудаизма. Увлекался алхимией, астрологией и тем, что сегодня назвали бы «эзотерикой». Не питал любви ни к католической церкви, ни к папе, который неоднократно обвинял его в ереси и дважды отлучал от Церкви.

Но хотя Церковь постоянно враждовала с Фридрихом, она без зазрения совести воспользовалась его законодательными актами и ухватилась за предание огню с одержимостью клинического пиромана. Одним из первых деяний доминиканской инквизиции была эксгумация трупов казненных еретиков в Альби и предание их огню. Как видно из свидетельств Гийома Пелиссона, эксгумация и принесение в жертву мертвых оказались столь же непопулярными среди населения, как и пытки и сожжение живых, и такая практика нередко вызывала враждебную реакцию со стороны местного населения, особенно в Лангедоке. Многие инквизиторы не могли обходиться без вооруженной охраны в своих передвижениях по округе. Немалое их число было убито. Такие невзгоды, впрочем, не охлаждали их поджигательского энтузиазма. Инквизитор Роберт Маленький, к примеру, усеял свой путь кострами по всей Северной Франции. В одном из эпизодов своей деятельности в 1239 году он руководил сожжением одновременно 180 жертв. Его эксцессы были обузданы только два года спустя, в 1241 году. Под предводительством таких людей, как он, под личиной христианского благочестия фактически была возрождена древняя языческая практика ритуального человеческого жертвоприношения. Сожжение еретика стало поводом для торжества, радостным событием. Природа таких праздников сделалась очевидной благодаря наименованию, которое они получили впоследствии в Испании. Если переводить буквально, печально известное «аутодафе» («auto de fe» [6]) – публичный процесс, кульминационным моментом которого было сожжение на костре, – означает «акт веры».

Методы инквизиции

Инквизиция быстро выработала методологию запугивания и контроля, бывшую поразительно

эффективной – настолько, что в ней можно увидеть предтечу сталинского НКВД, нацистского СС и гестапо. Порой инквизитор со своей свитой наведывался без предупреждения в город, селение, университет или, как в романе «Имя Розы», аббатство. Чаще же его приезд пышно обставлялся. О нем заранее объявляли во время церковных служб. Об этом извещалось в пространных прокламациях на дверях церкви и в местах скопления народа, и те, кто умел читать, быстро сообщали тем, кто не умел. Прибытие инквизитора происходило в виде торжественной процессии из сопровождавших его нотариусов, секретарей, советников, помощников, врачей и челяди, а нередко и вооруженной стражи. Обставив таким образом свое появление, инквизитор затем созывал всех жителей и местное духовенство и читал им торжественную проповедь о своей миссии и цели своего визита. Затем, словно щедро раздавая приглашения на банкет, приглашал откликнуться всех, кто желал покаяться в ереси. Предполагаемым еретикам давалось «льготное время» – обычно от пятнадцати до тридцати дней, – чтобы сознаться в грехе. Если они совершали это в указанный срок, их обычно принимали обратно в лоно Церкви, не накладывая иного, более сурового наказания, чем епитимья. Но они также были обязаны назвать имена и дать подробную информацию о всех других известных им еретиках. Инквизицию в конечном счете интересовало количество. Она вполне была готова быть снисходительной по отношению к одному грешнику, даже если он был виновен, при условии, что он мог выдать дюжину или больше других, даже если они были невинны. Как следствие такой установки, все население в целом, а не только виновные, держалось в состоянии постоянного страха, создававшего идеальные условия для манипулирования и контроля. И каждый вольно или невольно превращался в шпиона.

Даже самое мягкое из наказаний – епитимья – могло быть достаточно суровым. Наиболее мягким наказанием – возлагаемым на тех, кто добровольно откликнулся во время «льготных дней» и сознался, – была порка розгами. Насколько позволяла благопристойность (и погода), добровольно сознавшийся еретик был обязан каждое воскресенье появляться в церкви, неся розги. После чего в специально отведенный момент во время мессы священник нещадно хлестал его перед всеми прихожанами – по сухому замечанию одного историка: «подходящая интерлюдия в таинствах богослужения». Однако на этом наказание не заканчивалось. В первое воскресенье каждого месяца грешник должен был посещать все дома, в которых он когда-либо встречался с другими еретиками, – и в каждом его снова подвергали порке. Сверх того, в праздничные дни грешник должен был сопровождать всякую торжественную процессию в городе и получать дополнительные удары розгами. Таким экзекуциям жертва подвергалась всю оставшуюся жизнь, если только инквизитор, уже давно отбывший из этого места, не возвращался, вспоминал о нем и освобождал его от приговора. Еще одной формой епитимьи, считавшейся одинаково легкой и милосердной, было паломничество. Оно должно было совершаться пешком и нередко могло продолжаться несколько лет, в течение которых семья приговоренного вполне могла умереть с голода. Имелось две формы паломничества. «Малое» предполагало посещение девятнадцати святых мест, разбросанных по всей Франции, в каждом из которых грешника пороли. «Большое» паломничество означало более длительное путешествие – из Лангедока в Сантьяго-де-Компостела, Рим, Кельн, Кентербери. В тринадцатом столетии находящиеся под епитимьей иногда отправляли в паломничество в Святую землю в качестве крестоносцев на период от двух до восьми лет. Если они оставались в живых, по возвращении они обязаны были принести с собой послание от патриарха Иерусалимского,

подтверждающее их службу. В какой-то момент в крестовый поход стали отправлять так много еретиков, что папа наложил запрет на эту практику, боясь, что вся Святая земля может оказаться зараженной их учением. Сознавшиеся еретики также могли быть приговорены к ношению в течение всей своей жизни, как дома, так и на публике, большого креста шафранового цвета, нашитого на груди и спине всех их одежд. Осужденный, таким образом, подвергался постоянному общественному унижению, осмеянию и издевательствам, а порой и физическому насилию. Людей, обреченных носить такие кресты, сторонились все остальные, которые не хотели иметь с ними никаких дел. Молодым женщинам было невозможно найти себе мужа. Наконец, епитимья могла быть в форме штрафа. Такие штрафы быстро стали источником раздора, поскольку инквизиторы нередко вымогали крупные суммы денег для себя. Вскоре взяточничество и коррупция сделали повальным явлением. В 1251 году даже папа возопил и запретил наложение штрафов. Запрет, однако, долго не продержался, и инквизиторы снова «получили право налагать по своему усмотрению наказания в виде денежных штрафов».

Смерть не давала освобождения от епитимьи. Если человек умирал прежде, чем завершался срок его покаяния, это трактовалось как божественное осуждение – свидетельство того, что его приговор не был достаточно суровым в глазах Бога. В таких случаях кости покойного извлекались из могилы и публично сжигались. Его имущество по закону могло быть конфисковано, а его семья могла понести бремя его наказаний точно так же, как могла понести бремя его долгов. Таковы были более снисходительные наказания, милосердно налагаемые на тех, кто добровольно сознавался в своих грехах и доносил на других. Сведения, получаемые от информаторов, записывались со скрупулезной обстоятельностью. Возникла гигантская «база данных», которая дополнялась последующими допросами, и весь этот материал тщательно подшивался и систематизировался для облегчения пользования им. Подозреваемым, таким образом, могли вменить в вину проступки или преступления, совершенные или якобы совершенные ими тридцатью или сорока годами раньше. В 1316 году, например, относительно одной женщины было установлено, что ее впервые арестовали за ересь в 1268 году. Это был образчик тех методов, посредством которых современное государство контролирует своих граждан. Это был прототип тех электронных протоколов, что ведутся современными полицейскими органами, посредством которых проступок, совершенный в юном возрасте, – например, курение марихуаны или участие в демонстрации, – может быть извлечен на свет годы спустя для дискредитации политика или какой-либо другой публичной фигуры. Прибывая в определенную местность, инквизиторы устраивались в той или другой штаб-квартире и уже тут начинали слушания признаний и доносов. Система порождала часто непреодолимое искушение свести счеты, поквитаться за старые обиды, навлечь на врагов неприятности. Жен зачастую подстрекали доносить на своих мужей, детей – доносить на своих родителей. Для подкрепления первоначальных показаний вызывались свидетели. Если человек указывался в качестве соучастника двумя другими лицами, судья отправлял ему повестку с требованием предстать перед инквизиционным трибуналом. Это приказание сопровождалось письменным заявлением об имеющихся против него уликах. Имена его обвиняемых, как и имена свидетелей, никогда, впрочем, не упоминались. Если обвиняемый пытался бежать, адресованный ему вызов оглашался три воскресенья подряд. Если он попрежнему не являлся, его официально отлучали от Церкви и объявляли вне общества. Под страхом отлучения другим людям запрещалось давать ему еду, кров

или убежище.

Если же обвиняемый откликнулся на вызов инквизиционного трибунала, производилась официальная оценка имеющихся против него свидетельств. В том случае, если их находили достаточными, он официально брался под арест и с этого момента оставался в руках инквизиции. Поскольку никакой инквизитор не желал выглядеть способным на ошибку, использовались всевозможные ухищрения, чтобы вырвать или выбить признание. Допросы часто затягивались. По словам одного функционера, «нет нужды спешить... ибо муки и тяготы заключения нередко приносят перемену в уме». Иногда подозреваемых попросту держали в строгом заточении, пока они не сознавались. Порой на них надевали цепи и не допускали посетителей. Порой их морили голодом. Нередко их ласково увещевали. Нередко их также пытали. По гражданским законам врачи, солдаты, рыцари и знать не подлежали пыткам и пользовались неприкосновенностью. Инквизиция взялась демократизировать страдания и сделать их доступными всем, независимо от возраста, пола или социального положения. Изначально инквизиторам запрещалось самим проводить физические пытки, они могли только выступать в роли наблюдателей или надсмотрщиков, отдавая распоряжения гражданским или светским исполнителям, записывая все сказанное обвиняемым под пыткой. Затем, в 1252 году, булла, изданная папой Иннокентием IV, официально уполномочила самих инквизиторов проводить пытки – «но так, чтобы это не влекло членовредительства или угрозы для жизни». Инквизиторы быстро нашли способы, чтобы обходить это ограничение. Они также столь усердно сетовали на него, что в 1260 году новый папа Александр IV разрешил им даровать друг другу отпущение грехов за любые «непредвиденные случайности», которые могут возникать в их работе. Традиционное неприятие Церковью пролития крови оставалось в силе. Поэтому инквизиторы продолжали избегать колющие и режущие орудия, отдавая предпочтение дыбе, тискам для зажимания пальцев и другим приспособлениям, вызывавшим истечение крови только, так сказать, «случайно». Промежуточное положение занимали щипцы и другие подобные вещицы. Вырывание кусков плоти щипцами было довольно кровавое дело. Но впрочем, если щипцы были раскаленными докрасна или добела, тогда горячий металл тут же прижигал рану и останавливал кровотечение. Подобная же софистика применялась к длительности и частоте пытки.

Изначально обвиняемый мог подвергаться пытке только однажды и не более тридцати минут. Инквизиторы вскоре начали обходить это ограничение, заявляя, что, по существу, было только одно применение пытки и что каждый последующий тридцатиминутный сеанс являлся всего лишь продолжением первого. Либо подозреваемого могли пытать, чтобы получить ответ на один-единственный определенный вопрос, а ответы на второй или третий вопрос оправдывали дополнительные сеансы пытки. Зарегистрированы многочисленные случаи, когда людей пытали дважды в день на протяжении недели или больше. На практике обвиняемого пытали до тех пор, пока он не изъявлял готовность сознаться – что он рано или поздно неизбежно делал. В этот момент его переводили в соседнее помещение, где его признание выслушивалось и записывалось. После чего ему зачитывали его признание и спрашивали, правда ли это. Если он отвечал утвердительно, записывалось, что его признание было сделано «добровольно и без принуждения», не под воздействием «силы или страха». Затем следовало вынесение приговора. Вообще же смертный приговор был последним средством. Большинство инквизиторов предпочитали сохранять «спасенную» душу в более или менее целом теле, которое – в период епитимьи или паломничества –

являло собой свидетельство милосердия и величия веры. Кроме того, по замечанию одного историка, «обращенный, выдававший своих соумышленников, был более полезен для Церкви, чем обугленный труп». Инквизиторы также сознавали, что некоторые еретики могли жаждать скорейшего мученического конца, «а в планы инквизитора не входило доставлять им такое удовольствие». В таких случаях время и постоянные страдания были лучшими союзниками для охлаждения страсти к мученической смерти. Упорствующие жертвы в дальнейшем подвергались более продолжительным и мучительным истязаниям. Официально рекомендовалось держать их в цепях в подземном каземате по меньшей мере шесть месяцев, нередко по году или больше. Ближайшим родственникам обвиняемого изредка могли давать право на посещение, дабы смягчить его упорство. Также могли дозволяться посещения богословов, чтобы убедить или сломить упорствования еретика путем логической аргументации и увещаний. Но как бы неохотно это ни делалось, все же выносился смертный приговор очень часто. И здесь снова проявлялось вопиющее лицемерие церковников. Инквизиторы не могли сами проводить казни, ведь это могло создать у них нехристианский облик. Вместо этого им предписывалось совершать ритуал, в котором обвиняемый передавался гражданским или светским властям, обыкновенно с установленной формулой: «Мы освобождаем тебя от нашего церковного судилища и предаем в руки светских властей. Но мы настойчиво умоляем суд смягчить свой приговор таким образом, чтобы избежать кровопролития или угрозы для жизни». По общему согласию, это была всего лишь стандартная в таких случаях и лишняя какого-либо реального значения фраза, которая просто-напросто позволяла инквизитору, подобно Пилату, умыть руки. Никто не питал иллюзий, что эти слова указывали на что-то иное, кроме костра. Чтобы обеспечить максимальное число зрителей, казни по возможности проводились в праздничные дни. Приговоренного привязывали к столбу поверх сухих дров, сложенных достаточно высоко, чтобы могла видеть собравшаяся толпа. Позже, в Испании, жертву иногда удушали, прежде чем разгорался костер, и тем самым милосердно избавляли от мучительной агонии. Ранняя инквизиция не выказывала какого-либо подобного великодушия, но в иных случаях дым делал свое дело раньше огня и даровал жертве чуть более быстрое избавление от страданий. Когда ритуал завершался, «наступал черед омерзительной процедуры, требовавшей полного уничтожения полуобгоревшего тела – расчленения его на куски, дробления костей и бросания фрагментов и внутренних органов в новый костер».

Такого рода жуткий заключительный обряд считался особенно важным в случае опасного еретика, так как гарантировал, что после него не осталось ничего, что могли бы сохранить в качестве мощей его тайные приверженцы. Инквизиторы вели тщательную бухгалтерию. Отчеты инквизитора в Каркассоне о сожжении четырех еретиков 24 апреля 1323 года содержат следующие статьи расходов:

«Крупные поленья: 55 солей [7] 6 денье.

Хворост: 21 соль 3 денье.

Солома: 2 соля 6 денье.

Четыре столба: 10 солей 9 денье.

Веревки для привязывания осужденных: 4 соля 7 денье.

Палачам, каждому по 20 солей: 80 солей».

В этих цифрах, возможно, заключается некая мрачная поэтическая справедливость. Стоимость палача, похоже, оценивалась примерно так же, как стоимость восьми деревянных столбов, и чуть

ниже стоимости охапки хвороста. Как большинство институтов и в том числе зловещих, инквизиция порождала своих знаменитостей. Одной из первых таких знаменитостей был печально известный Конрад Марбургский, считавший душевную и физическую пытку скорейшим путем к спасению. К началу своей карьеры Конрад был духовником германской принцессы, впоследствии канонизированной Елизаветы Тюрингской. Под его садистским наставничеством она умерла от самоистязаний в возрасте двадцати четырех лет, а к тому времени Конрад уже начал преследовать ересь властью епископа. Затем в 1227 году папа поставил его во главе инквизиции всей Германии, что давало ему почти безграничную власть. Опыленный своей новой властью, он позволил себе обвинить целый ряд знатных феодалов. Те оказались более независимыми и несговорчивыми, чем французская знать в такой же ситуации. Ведь многие из них являлись вассалами отлученного от церкви императора Священной Римской империи Фридриха II. Когда Конрад попытался объявить против них крестовый поход, его подстерегли около Марбурга и убили. За год до того, как Конрад встретил свою смерть в 1233 году, другой инквизитор, Конрад Торс, также двинулся в поход на еретиков, обходя селение за селением, приговаривая и сжигая всех без разбору. «Я бы сжег сотню невинных, – заявлял он, – если бы среди них был один виновный». Когда был убит Конрад Марбургский, папа велел Конраду Торсу продолжать «святое» дело. Последний не нуждался в каком бы то ни было побуждении со стороны и с тем же рвением продолжал вершить свои деяния, однако тоже позволил усердию затмить свой рассудок. Будучи вызванным к нему по обвинению в ереси, непокорный феодал предупредил неблагоприятный для себя вердикт, немедленно лишив инквизитора жизни. Среди самых известных своими деяниями первых инквизиторов был Бернард Ги. Родившийся около 1261 года в Лимузене, он стал доминиканцем в 1280 году, а в 1307 году сделался главой инквизиции в Тулузе. В 1317 году папа доверил ему особую миссию по «успокоению» Северной Италии, «зараженной» в то время опасной ересью. Он оставался активным и ревностным инквизитором до 1324 года и умер в 1331 году.

Сохранились записи о тех приговорах, которые вынес Бернард в бытность свою инквизитором Тулузы. В период между 1308 и 1322 годами он осудил за еретичество 636 человек – в среднем по одному человеку в неделю. Сорок из его жертв были сожжены на костре. Около 300 были брошены в тюрьму. Тридцать шесть человек, по-видимому, ускользнули из его когтей. Своей известностью Бернард в немалой степени обязан своему руководству для инквизиторов, которое он написал около 1324 года. В этом трактате, который дошел до нашего времени в нескольких экземплярах манускрипта четырнадцатого столетия, Бернард рассматривает верования различных еретиков, с которыми может столкнуться добросовестный инквизитор, – тех, кого он именует «манихеями современных дней» и «лжеапостолами». Он делает обзор аргументов, которые они могут выдвигать в свою защиту, а также описывает методологию ведения допроса и предлагает несколько образчиков того, как следует держаться с подозреваемым. Свою репутацию безжалостного инквизитора он подкрепляет очевидной склонностью к пыткам, которые почитал полезными для вырывания «правды» не только у обвиняемых, но также и у свидетелей. Когда папа, реагируя на общественные протесты, попытался ограничить применение пыток, Бернард немедленно пожаловался, доказывая, что эффективность инквизиции серьезно пострадает. Завершает свою книгу Бернард указанием на то, как следует держать себя на публике благочинному инквизитору. Излишние проявления восторгов по поводу своих действий и энтузиазм подспудно осуждаются. Инквизитор должен «так держаться,

вынося приговор о телесном наказании, чтобы его лицо могло выражать сострадание, в то время как его внутренняя решимость остается непоколебимой, и таким образом он избежит проявления гнева и негодования, ведущего к обвинению в жестокости».

Даже инквизиторы беспокоились о связях с общественностью. В те дни для публичных деятелей тоже стояла проблема имиджа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕДРУГИ ЧЕРНЫХ БРАТЬЕВ

В двенадцатом столетии большая часть Европы переживала возрождение римского права, которое образовало основу господствовавшей законодательной системы. Римское право – унаследованное от старой империи, подвергшейся номинальной христианизации при императоре Константине в начале четвертого века, – содержало около шестидесяти положений, направленных против ереси. Таким образом, существовали реальный юридический контекст и санкция для репрессалий – и, как следствие, реальный юридический контекст и санкция для деятельности инквизиции. Во Франции, традиционно считавшейся «старшей дочерью Церкви», катарская ересь дала возможность инквизиции установить и консолидировать свою власть. Мы не располагаем подробными историческими свидетельствами первых двадцати лет крестового похода против альбигойцев, но на исходе кампании, в 1229 году, было сожжено более 5 тысяч жертв, а множество других подвергнуто тюремному заключению, ссылке или другим наказаниям. К концу двенадцатого столетия власть инквизиции приобретет сходный размах в Италии.

Позже, конечно, инквизиция получит еще большую власть – и известность – в Испании. В тринадцатом веке, однако, большая часть Испании и Иберийского полуострова все еще находилась в руках приверженцев ислама, а сам размах конфликта между христианами и мусульманами оставлял мало простора для деятельности инквизиции. В Германии, с тех пор как обрел свой конец Конрад Марбургский и заступил на службу Конрад Торс, инквизиция держалась зачастую на зыбкой основе. Естественно, что именно в Германии постепенно ослабело господство старой Римской империи, а римские своды законов укоренились там слабее, чем где бы то ни было. Хотя законодательно Германия находилась под властью Священной Римской империи, на практике она не знала никакого реального централизованного управления. Знать и местные монархи, как правило, были непокорны, независимы и воинственны и нередко прибегали к насилию, противодействуя любым притязаниям на их прерогативы. В результате деятельность инквизиции в Германии была больше эпизодической, чем постоянной, проявлялась только периодами и только в определенных областях. На десятилетие инквизиторы могли устанавливать свое царство террора в том или другом городе, в том или другом княжестве. Затем они провоцировали бурный протест населения и изгонялись. В Англии, как и в странах Скандинавии, инквизиция никогда не действовала, поскольку господствовавшие там законы были взяты не из римского права. Англия обладала своей собственной сложной правовой системой, которая, по крайней мере номинально, утверждала права всех свободных людей в королевстве. Виновность человека определялась судом присяжных, а судебный процесс не предусматривал и не допускал в качестве меры воздействия пытку. В рамках этой системы не было ни традиции, ни правового или церковного механизма, который бы мог поддерживать деятельность инквизиции.

Инквизиция на юге

В годы, последовавшие непосредственно за ее созданием, инквизиция была достаточно активна. На

юге Франции и в других местах организованное катарское сопротивление прекратилось к середине тринадцатого столетия, но многочисленные мелкие катарские общины выжили, интегрировавшись в свое окружение. К тому же было немало катаров, которые продолжали тайно соблюдать свое вероучение и его ритуалы. Даже при том, что такие катары-одиночки и мелкие общины перестали проповедовать и не представляли угрозы «заражения» для своих соседей, Церковь была решительно настроена на то, чтобы вырвать их с корнем и уничтожить. Они являли собой законную добычу для активного сверх меры инквизитора.

Одним из таких был Жак Фурнье, епископ Памье в 1317-1325 годах. В 1326 году Жак стал епископом Мирпуа, а в 1327 году – кардиналом. В 1334 году он был избран папой под именем Бенедикта XII. По этой причине по крайней мере некоторая часть его документальных материалов была сохранена и впоследствии обнаружена в архивах Ватикана. В 1978 году они были отредактированы и изданы с сопутствующими комментариями в знаменитой книге «Монтайю» известным французским историком Эммануэлем Ле-Руа-Ладюри.

Около 1300 года, спустя полстолетия после прекращения организованного катарского сопротивления на юге Франции, Монтайю, небольшая деревушка в предгорьях Пиренеев, стала центром скромного возрождения катарской ереси. В 1308 году инквизитор Каркассона арестовал всех жителей деревушки за исключением самых маленьких детей. Когда Жак Фурнье стал в 1317 году епископом Памье, он получил право учредить свою собственную инквизиционную службу, и вполне естественно, что Монтайю, которая подпадала под его юрисдикцию, оказалась в фокусе его внимания.

Материалы Жака свидетельствуют о легкости, с которой катарские еретики ассимилировались с местным населением. Они свидетельствуют о достаточно сердечных отношениях между катарами и католиками. Они также говорят об известной доле понимания, сочувствия и даже симпатии со стороны будущего папы, готовность видеть в катарах своих собратьев по вере. В отличие от Доминика, Жак Фурнье не был оголтелым фанатиком. Это, впрочем, не помешало ему расследовать между 1318 и 1325 годами девяносто восемь дел о ереси, вовлекших в процесс свыше ста человек, девяносто четыре из которых предстали перед его трибуналом. Демонстрируя христианскую терпимость и милосердие, не характерные для инквизиторов того времени, Жак отправил на костер только пятерых из них. Не только катары задавали работу инквизиторам. Европа того времени буквально кишела неортодоксальными вероучениями, любое из которых служило готовой мишенью для инквизиции. К примеру, были богомилы, еще одна дуалистическая секта, зародившаяся в десятом веке в тогдашнем Болгарском царстве, которое в тот период простиралось от Украины до Адриатики. Оттуда богомилское учение распространилось в Грецию и на Западные Балканы, затем еще дальше на запад, а к двенадцатому столетию оно начало оказывать влияние на воззрения катаров, с которыми оно имело много общего. Богомилы притязали на то, чтобы быть «истинной и тайной христианской Церковью, Церковью Вифлеема и Капернаума». По словам Юрия Стоянова, известного авторитета по учению богомилов, эта ересь «ускорила появление катарского учения и традиционно признавалась западными церковниками и инквизиторами как «скрытая традиция» в учении катаров». В самом деле, катаров часто называли «болгарами» или «булгарами».

Неудивительно, что вскоре богомилы стали объектом такого же пристального внимания со стороны инквизиции, как и французские еретики. Немало общих догматов и с катарами и с богомилами

разделяли так называемые «патарены», которые появились в двенадцатом столетии в Южной Италии. К тому времени Церковь использовала названия «патарены», «катары» или «альбигойцы», почти не делая различий. В первую треть тринадцатого столетия патарены утвердились на части территории Венгерского королевства, занимавшего территорию современной Боснии, и в 1235 году против них с амвона был провозглашен крестовый поход, подобно тому, который призывал в поход против катаров.

Крестовый поход против патаренов оказался крайне неудачным в смысле искоренения ереси. В 1325 году папа Иоанн XXII пожаловался, что многие катары бежали в Боснию, которая все больше воспринималась как «Земля обетованная» для дуалистических сект. К 1373 году дуалистические церкви в Боснии стали настолько мощными, что боснийские католики были принуждены отправлять свои обряды втайне. Патарены упрочили свое положение, установив тесные связи с местными князьями, а в пятнадцатом веке они будут сотрудничать с захватчиками из Оттоманской империи. Но Босния являлась не единственным оплотом патаренов. Еще более тревожным для Римской церкви было то, что ересь стала распространяться по всему Апеннинскому полуострову. В начале четырнадцатого столетия она уже царилась в Ломбардии и становилась все более воинствующей. Специально для противодействия этой угрозе был отправлен с миссией «успокоить» регион печально известный Бернард Ги. Дуалистические секты – катары, богомилы и патарены – отвергали власть Рима главным образом по богословским причинам, а их осуждение богатства, расточительности и коррумпированности Рима проистекало в конечном счете из тех теологических принципов, из совершенно иного понимания природы духовного. Существовали другие ереси, которые никак не враждовали с теологией Рима, но публично нападали на богатство, расточительность и коррумпированность Церкви и духовенства. И хотя они отказались бы считать себя таковыми, они были больше сродни социальным реформаторам и революционерам поздних эпох. Среди этих ересей особо выделялась ересь вальденсов, или вальденцев, основанная в конце двенадцатого столетия Пьером Вальдо, богатым купцом из Лиона. Обеспечив свою жену и семью, Пьер раздал свое имущество беднякам и стал вести жизнь странствующего проповедника, восхваляя бедность, простоту и другие традиционные христианские добродетели. Он скоро обзавелся свитой из учеников, которые сопровождали его по дорогам округи. Некоторые покинули его, чтобы бродить со своими собственными группками последователей и дальше нести свои учения. Во многих отношениях вальденсы вполне могли показаться сродственными такому человеку, как Доминик, коль скоро и они осуждали дуализм катаров. Но они также поносили «суетность» Церкви и бросали вызов римскому духовенству, осмеливаясь создавать копии священных текстов на местных языках и диалектах. Этого было достаточно, чтобы заклеить их как еретиков. К тому времени, как была учреждена инквизиция, сам Пьер Вальдо уже умер, но его последователи и ученики скоро стали таким же объектом для преследований, как катары, и очень многие из них в последующие годы были отправлены на костер.

Среди наиболее живучих ересей, привлечших внимание инквизиции, было учение братьев Свободного Духа. По всей видимости, это течение зародилось в начале двенадцатого века в землях Швейцарии и Верхнего Рейна. В 1212 году по меньшей мере семьдесят братьев были сброшены в ров за городскими стенами Страсбурга и сожжены живьем. Это не помешало последователям учения развить активность в середине столетия в Швабии, откуда они распространились на остальную часть

Германии и в конечном итоге добрались до Нидерландов. Считается, что к пятнадцатому столетию их ряды в Голландии пополнил живописец Иероним Босх.

Как и вальденсы, братья Свободного Духа писали религиозные книги на местных наречиях. Однако, в отличие от вальденсов, они имели по сути мистическую, даже несколько герметическую [8] ориентацию. «Бог есть все, что есть, – заявляли они. – Все исходит от Него и возвращается к Нему». Вследствие этого даже вредители – например, крысы – полагались столь же божественными, как и люди. Сатана тоже рассматривался как эманация и манифестация Бога. Братья Свободного Духа с презрением отвергали церковные ритуалы и таинства. «Когда, таким образом, душа после смерти вновь возвращается к Богу, нет ни чистилища, ни ада, и всякий внешний культ не имеет смысла». Вместо этого братья говорили о «божественном внутреннем свете», для которого они изобрели термин «иллюминизм». Возможно, неудивительно, что их широко обвиняли в поклонении дьяволу и сатанизме. Их также обвиняли в сексуальной распущенности, в том, что поздние поколения станут именовать «свободной любовью». Инквизиция преследовала их особенно жестоко.

Среди многочисленных других еретиков, пострадавших от рук инквизиции, стоит отметить Яна Гуса из Богемии. Гус был профессором Пражского университета, а с 1401 года – деканом философского факультета. В то время Церковь владела 50 процентами всей земли в Богемском королевстве. Как и Уиклиф [9] в Англии, Гус требовал перераспределения церковного имущества и настаивал на других церковных реформах. Он также яростно и гневно возражал против торговли индульгенциями – практики, которая столетие спустя вызовет такое негодование у Мартина Лютера. На Констанцском соборе в 1415 году Гус был обвинен за свою прямоту в ереси и сожжен на костре.

Уничтожение рыцарей-храмовников

В 1304 году умер папа Бенедикт XI. Летом следующего года король Франции Филипп IV, или Филипп Красивый, сумел посадить на Престол Святого Петра своего собственного кандидата Бернара де Гота, архиепископа Бордо. Новый понтифик принял имя Климента V и стал действовать по указке французского монарха. Этого, однако, было мало Филиппу, одержимому честолюбием и жадной властью. Чтобы еще больше укрепить свою власть, он пошел на радикальные меры: в 1309 году он похитил папский престол и перенес его из Рима в Авиньон. Ему суждено было оставаться в Авиньоне почти три четверти века, и все семь пап, всходившие на него в течение этих лет, были французами. Когда Григорий XI в конце концов вернулся в Рим в 1377 году, французские кардиналы избрали еще одного папу, впоследствии именованного «антипапой», который оставался в Авиньоне. «Великой схизме» 1378 года – конфликту между соперничающими папами или между папами и антипапами – суждено было продолжаться вплоть до 1417 года. В начале «авиньонского пленения», когда Климент V только взойшел на Святой престол, инквизиция оказалась перед лицом совершенно новой задачи. В прошлом она обращала свои силы на изобличение еретиков. Теперь же ей предстояло схватиться с самым могущественным из числа всех подобных институтов христианского мира того времени – рыцарями Храма.

Изначально орден тамплиеров возник в Святой земле в начале двенадцатого столетия, вскоре после взятия Иерусалима во время Первого крестового похода. К 1300 году тамплиеры уже представляли собой гигантскую, разветвленную международную корпорацию – настоящую империю, уступающую по богатству и влиянию только самому папскому престолу. Если поначалу орден состоял из воинов, то теперь в нем было даже больше функционеров, бюрократов, работников и обслуги. Орден владел

огромными поместьями по всему христианскому миру – не только в областях, находившихся под духовной властью Рима, но и в тех, что находились под вердиктом Греческой православной церкви Константинополя. В этих поместьях собственные работники ордена заготавливали лесоматериал, занимались сельским хозяйством, выращивали лошадей, разводили скот и овец. Кроме того, орден владел судами, которые возили шерсть и другие товары, а также доставляли пилигримов и крестоносцев в Святую землю и обратно. Тамплиеры располагали самой передовой военной технологией эпохи. Их военные ресурсы – с точки зрения опыта, материальной части и личного состава – превосходили возможности любой другой подобной организации Европы. Они также считались главными банкирами Европы, искусно управляли потоками денежных средств по всему христианскому миру и осуществляли сложные финансовые операции от лица монархов, духовенства, знати и купцов. И, сверх того, они были широко уважаемыми дипломатами, способными действовать в роли независимых посредников в споре враждующих сторон. Их посольства имели дела не только с католическими правителями, но и с Византийской церковью, а также с военными, политическими и религиозными представителями ислама.

Учитывая роль, которую они играли, едва ли удивительно, что тамплиеры вызывали все возрастающую зависть и подозрение; а их высокомерие, их дерзкая надменность и крайняя заносчивость порождали еще большую враждебность. Но для нелюбви к ним существовали и более веские причины, по крайней мере в том, что касалось Церкви. Еще в начале тринадцатого столетия, когда был объявлен крестовый поход против альбигойцев, папа Иннокентий III подверг орден критике, обвинив храмовников в своеволии и даже в вероотступничестве. Среди прочего тамплиеры подозревались в том, что принимали в свои ряды отлученных рыцарей, которые благодаря этому могли получить погребение в освященной земле, в чем иначе им было бы отказано. Они также были известны своим неуважительным обращением с папскими легатами. Рыцари Храма демонстрировали нехристианскую терпимость по отношению к мусульманам и иудеям. А во время альбигойского похода они приютили в своем ордене немалое количество известных катаров. В самом деле, некоторые из их гроссмейстеров и региональных магистров происходили из видных катарских семей. К началу четырнадцатого столетия французский король Филипп IV имел множество причин для нелюбви к ордену Храма. Кроме того, он желал присвоить себе их богатство, поскольку постоянно нуждался в деньгах.

В 1291 году он велел арестовать во Франции всех итальянских купцов и банкиров, а их имущество присвоил себе. В 1306 году он изгнал из своего королевства всех иудеев, а их собственность также конфисковал. Вероятно, неизбежно Филипп должен был обратить свое внимание на тамплиеров как на новый источник дохода.

Однако у Филиппа были и причины бояться тамплиеров. Со времен потери Святой земли в 1291 году орден был фактически бездомным, не имеющим постоянной базы или штаб-квартиры. На какое-то время тамплиеры поселились на Кипре, но остров оказался слишком маленьким для их грандиозных планов. Они завидовали рыцарям Тевтонского ордена, родственного их ордену, которые установили почти независимое государство в Пруссии и Ливонии, далеко на северо-востоке, вне пределов досягаемости каких-либо притязаний со стороны папской власти. Тамплиеры мечтали о том, чтобы самим создать подобное государство, но поближе к центру европейской активности. Их взоры были обращены на Лангедок, все еще пребывавший в разоренном состоянии после крестового

похода против альбигойцев. Перспектива появления автономного, самостоятельного и боеспособного государства тамплиеров в его собственной вотчине не могла не вызывать беспокойства у французского короля. У Филиппа, таким образом, имелся целый ряд благовидных предлогов и даже вроде бы веских причин для того, чтобы выступить против тамплиеров – и сделать это так, чтобы одновременно нейтрализовать их как угрозу и захватить их богатства. Разумеется, помогало то, что папа был его ставленником. Помогало и то, что инквизитор Франции Гийом Парижский числился в качестве его личного исповедника и близкого друга. Налицо были все предпосылки для сговора – и для того, чтобы Филипп мог действовать с видимостью полной законности. Какое-то время до этого один из министров Филиппа собирал и пополнял изобличающие материалы на тамплиеров, которые хранились под охраной доминиканцев в Корбее. Из этих материалов явствовало, что самым подходящим обвинением против ордена была бы ересь, – и такое обвинение, вероятно, было не совсем безосновательно.

Таким образом, 14 сентября 1307 года представителям королевской власти по всей Франции были разосланы циркуляры, содержавшие приказ о производстве ареста в пятницу 13-го числа следующего месяца всех тамплиеров, находящихся в их юрисдикции. Члены ордена должны были содержаться под строгим надзором в одиночном заключении, затем по одному доставляться на допросы к уполномоченным инквизиторам. Каждому должны были официально зачитываться пункты обвинения, и каждому обещалось прощение, если он признавал обвинения и возвращался в лоно Церкви. В случае отказа признать выдвинутые против него обвинения тамплиера надлежало немедленно отсылать к королю. Тем временем вся собственность ордена должна была быть конфискована, и должны были быть составлены подробные описи всего имущества и всех материальных ценностей. Хотя эти повеления исходили от монарха, они официально провозглашались властью инквизитора. Филипп тем самым мог заявлять, что действует сугубо по приказу инквизиции, и отрицать какую-либо личную заинтересованность в этом деле. Дабы поддержать этот фарс, сам главный инквизитор Гийом Парижский написал своим приспешникам по всему королевству, перечисляя преступления, в которых обвинялись тамплиеры, и разослал инструкции для их допросов. В последовавшие за этим месяцы инквизиторы по всей Франции добросовестно выполняли свою работу, допрашивая сотни тамплиеров. Немалое число жертв рассталось с жизнью в ходе процессов – тридцать шесть в одном только Париже, еще двадцать пять в Сансе. Но большинство тамплиеров, арестованных во Франции, были либо очень юными и неопытными, либо престарелыми. Многим рыцарям Храма, видимо, заранее предупрежденным, удалось спастись. Ничего из предполагаемых «сокровищ» ордена, которые надеялся присвоить себе Филипп, так и не было найдено. Либо на самом деле они никогда не существовали, либо были заблаговременно переправлены в безопасное место. Затем последовали семь лет допросов, пыток и казней, отмеченных судами и отречениями от признаний. В 1310 году почти 600 французских тамплиеров выразили угрозу папе, что отрекутся от своих признаний и встанут на защиту своего ордена. Около семидесяти пяти из них были сожжены инквизицией как впавшие в повторную ересь. Наконец, орден Храма был официально распущен папой, и 19 марта 1314 года два самых высокопоставленных его члена – Жак де Моле, великий магистр, и Жофруа де Шарне, его ближайший сподвижник, – были сожжены на медленном огне на одном из островов Сены. В годы, предшествовавшие этому мрачному финалу, тамплиеры подвергались особенно упорным

преследованиям в регионах, где Священная канцелярия действовала наиболее эффективно – во Франции, в Италии, в некоторых областях Австрии и Германии. В других местах преследованию ордена успех сопутствовал меньше. В Англии, например, где инквизиция никогда до этого не действовала, было попросту некому вести преследования. Филипп поэтому написал своему зятю, незадолго до этого коронованному Эдварду II, подстрекая того обрушиться на тамплиеров. Английский король был возмущен предложением – настолько, что даже написал правителям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии, убеждая их не поддаваться тому давлению, которое будет оказывать на них Филипп. Эдвард просил своих собратьев по Престолу «не внимать наветам дурных людей, коими движет, по нашему убеждению, не нравственное усердие, но дух алчности и зависти».

Донимаемый постоянными напоминаниями со стороны Филиппа, Эдвард наконец уступил и в январе 1308 года сделал символический жест, арестовав десять тамплиеров. Никаких серьезных попыток держать их под охраной не было. Напротив, им позволялось ходить в своей обычной одежде, покидать по желанию замки, в которых они как бы находились в заключении.

Излишне говорить, что Филиппа такое положение вещей мало устраивало. В середине сентября 1309 года, спустя почти два года после арестов во Франции, положивших начало гонениям на тамплиеров, инквизиция впервые ступила на землю Англии – с целью преследовать тамплиеров. Прием, оказанный инквизиторам, был далеко не восторженным. Еще больше им испортили удовольствие, когда Эдвард запретил им применять пытки, как раз то средство, с помощью которого они могли надеяться получить желаемые признания. Раздосадованные, инквизиторы пожаловались французскому королю и папе. Под давлением последних Эдвард в декабре неохотно согласился санкционировать применение «ограниченной» пытки, однако тюремщики тамплиеров не выказали никакого желания сотрудничать в этом с инквизиторами, и те все так же ощущали себя незваными гостями.

От бессилия инквизиторы стали предлагать альтернативы. Возможно, тамплиеров можно было бы постепенно лишать пищи, пока они не окажутся полностью на воде. Или, возможно, их можно было бы перевезти во Францию, где найдутся люди с надлежащим опытом и усердием, чтобы подвергнуть их пытке. Эдвард продолжал чинить препятствия. Наконец, в середине 1310 года под возобновившимся давлением папы он скрепя сердце допустил, по крайней мере отчасти, применение пыток требуемой интенсивности. В конечном счете, однако, менее ста тамплиеров было арестовано в Англии, и было добыто только три признания. Эти трое признавших свою вину не были сожжены. Вместо этого их обязали публично покаяться в своих «грехах», после чего они получили отпущение своих грехов и были отправлены в монастырь. Все другие обвинения против тамплиеров в Англии были сочтены недоказанными. Когда орден был распущен, те, кто оставались в тюрьме, были рассредоточены по различным монастырям – с пенсиями до конца их жизни. К тому времени целый ряд английских тамплиеров, как и многие рыцари-храмовники из Франции до них, спаслись бегством в Шотландию. Шотландия в то время находилась под папским интердиктом [10], а ее король Роберт Брюс был отлучен от Церкви. Поэтому папские эдикты не действовали в этой стране, и беглые рыцари могли надеяться найти там радушный приют.

Выпады против францисканцев

Когда инквизицию призвали действовать против тамплиеров, она уже приобрела опыт борьбы с

другими официально признанными Церковью христианскими институтами. Большую часть предшествовавшего столетия она находилась в постоянной полемике, фактически враждовала с орденом, который был главным соперником доминиканцев в борьбе за власть и влияние. Это был орден францисканцев.

Человек, позднее канонизированный как святой Франциск, родился около 1181 года в семье богатого торговца тканями из Ассизи. Если Доминик был фанатиком с момента своего появления на исторической сцене, то Франциск являл собой другую, хотя в равной мере знакомую, модель. Подобно святому Августину [11], Франциск провел свою юность в мотовстве и распутстве. Даже в самых почтительных житиях стыдливо указывается, что он совершал все те вещи, которые по обыкновению делал молодой человек его времени, и не раз употребляется слово «разгульный».

До двадцати лет Франциск работал у своего отца. В 1202 году он стал военным, приняв участие в одной из мелких военных кампаний, которые Ассизи вел против своих соседей. Он был взят в плен и провел несколько месяцев в тюрьме. Согласно некоторым источникам, где-то в этот период он начал страдать приступами тяжелой болезни. Обрывочные сведения дают возможность предположить, что эта болезнь была каким-то видом нервного или психического расстройства либо очень походила на него. Во всяком случае, Франциск вернулся в Ассизи иным человеком. Он отправился в паломническое путешествие в Рим и во время него открыл для себя радость нищеты. Вернувшись в Ассизи, он усвоил аскетический и простой образ жизни, стал заботиться о нищих и помогать в восстановлении заброшенной церкви. Он финансировал это восстановление на деньги, вырученные за продажу товаров, которые украл у своего отца, и лошади, на которой их увез. Отец отрекся от него.

Все это было только прелюдией к обращению Франциска. Обращение случилось однажды утром в 1208 году, когда Франциск слушал отрывок из Библии, читавшийся в церкви неподалеку от Ассизи. Услышанные слова прозвучали для него, как обращенные к нему лично, как призыв. Вскоре после этого он выбросил свои башмаки, облекся в темный балахон и пустился странствовать и проповедовать. Когда вокруг него стали собираться последователи, он составил устав для новой «организации». Согласно одному из ее положений:

«Братья не должны иметь никакой собственности, ни дома, ни места... но должны жить в миру как странники и пилигримы и просить подаяние».

Франциск и Доминик были почти сверстниками. Но если Доминик стремился к власти, Франциск стремился к отказу от всякой власти. Доминик для борьбы искал внешних врагов, тогда как Франциск – в гораздо большей степени – сражался с грехом и искушениями внутри себя. Подобно некоторым еретикам-сектантам, Франциск стремился исповедовать образ жизни, соответствующий тому, который приписывали Иисусу и «первым христианам». Если бы он жил на юге Франции или доминиканцы не были бы столь заняты преследованием там катаров, вполне вероятно, что его самого осудили бы как еретика. Вместе с Домиником он отражает два противоборствующих, диаметрально противоположных и откровенно фанатических аспекта средневековой Церкви. В 1209 году, в то время, когда альбигойский поход набирал обороты, папа Иннокентий III одобрил составленный Франциском устав, и орден францисканцев был официально учрежден. Со своими сподвижниками Франциск взял название «братьев миноритов» [12]. Тремя годами позже, в 1212 году, знатной дамой из Ассизи, которая

впоследствии была канонизована как святая Клара, был создан женский францисканский орден – бедные клариски. Франциск тем временем начал проповедовать все дальше от родного города. Он бродил по Восточной Европе. Затем он отправился в крестовый поход и в 1219 году присутствовал в Египте при осаде и взятии Думьята – порта в дельте Нила. Столь нищий и оборванный вид был у первых францисканцев, что чрезмерно усердные доминиканские инквизиторы иной раз принимали их за катаров или вальденсов. В результате одной такой ошибки, например, пятерых из них казнили в Испании. Как и первым доминиканцам, первым францисканцам предписывалось соблюдать обет бедности и запрещалось иметь имущество, что вынуждало их существовать исключительно милостыней. В отличие от доминиканцев, однако, францисканцы были обязаны заниматься физическим трудом. Им также было отказано в некоторых утешениях, которые были дозволены их соперникам.

Большинство францисканцев в начале существования ордена были, к примеру, малограмотны и, следовательно, лишены интеллектуальных радостей и удовольствий, которые давало изучение схоластической и богословской литературы. И в то время как доминиканцы могли удовлетворять свои подспудные садистские или другие извращенные желания, преследуя еретиков, францисканцам было отказано и в этом. Неудивительно, что тяжелые требования францисканской дисциплины оказались не по силам многим членам ордена и многим из тех, кто готовился в него вступить. Еще до смерти Франциска в 1226 году созданный им институт начал претерпевать изменения. Пока он странствовал в Восточной Европе, а затем в Египте, его заместитель на посту генерала ордена показал себя дальновидным и умелым политиком, далеко простерев влияние францисканцев и ослабив суровость их устава. Они по-прежнему занимались физическим трудом и проповедованием, а также содержали больницы и ухаживали за прокаженными, но теперь, помимо этого, они стали накапливать богатства. По словам одного историка:

«Не в человеческой природе было отказываться от богатств, которые буквально текли со всех сторон в разрастающийся орден, и, чтобы примирить его несметные сокровища с абсолютным отказом от собственности, предписываемым уставом, прибегли к искусству диалектики».

Когда Франциск вернулся из своих странствований, он не предпринял попытки вернуть себе прежние положение и власть в ордене. Потеряв всякий интерес к политике, власти и иерархии, он продолжал вести свой простой и свободный образ жизни; а орден, хотя и почитая его в качестве своего отца-основателя, стал развиваться под руководством других людей. На своем первом генеральном капитуле в 1221 году, за пять лет до смерти Франциска, он насчитывал в своем составе свыше 3 тысяч братьев, кардинала и целый ряд епископов. К 1256 году ему принадлежало сорок девять разных обителей в одной только Англии, в которых насчитывалось 1242 монаха. Во второй половине тринадцатого столетия одним из них будет знаменитый Роджер Бэкон [13]. Спустя полвека после смерти Франциска его орден стал столь же зажиточным и богатым, как и любой другой церковный институт. Он по-своему также начал открывать для себя пьянящий вкус власти. И, как неизбежное следствие, все больше становился подвержен коррупции. В 1257 году генералом ордена был избран человек, который впоследствии был канонизирован как святой Бонавентура. Одним из первых своих действий он разослал всем провинциальным главам циркуляр, в котором выражал сожаление по поводу того, какое бесчестье навлекли на францисканцев поглощенность мирскими заботами и жадность. Братья, сетовал он, все больше впадали в леность и порок, предавались

постыдному мотовству, возводили неприлично пышные дома, вымогали чрезмерные наследственные отказы и погребальные вознаграждения. Прошло десять лет, но ничего не изменилось, и Бонавентура повторил свои инвективы, на этот раз еще более резко:

«Гнусное лицемерие – утверждать абсолютную бедность, а затем отказываться со смирением принять отсутствие чего-либо; побираться по округе подобно нищему и купаться в роскоши дома».

Погрязнув к концу тринадцатого столетия в суетности и коррупции, францисканцы также оказались расколотыми схизмами. Многие члены ордена – «мистические» францисканцы, или «спиритуалы», – попытались сохранить верность догматам основателя их ордена. Неудивительно, что их бескомпромиссная позиция вскоре привела к конфликту с инквизицией, возглавляемой доминиканцами, и немалое их число было обвинено в ереси. Так, к примеру, в 1282 году обвинение было выдвинуто против Пьера Жана Оливи, главы спиритуалов в Лангедоке; и хотя его впоследствии оправдали, его труды остались под запретом.

К началу четырнадцатого столетия спиритуалы все больше расходились с основным крылом своего ордена, с доминиканской инквизицией и с папой. В 1317 году папа Иоанн XXII занял позицию, направленную против спиритуалов. Под страхом отлучения им было приказано подчиниться его авторитету и власти основного крыла ордена. Многие отказались и сделались схизматиками под именем фратичелли [14]. В 1318 году четверо фратичелли были сожжены инквизицией как еретики. В 1322 году генеральный капитул всего францисканского ордена принял резолюцию, неявно сочувствовавшую фратичелли. В ней утверждалось, что Иисус и его апостолы были бедны, не имели личного имущества и порицали суетность – а ведь они являли собой идеальный образчик христианской добродетельности. Такое заявление составляло дерзкий вызов инквизиции, которая только недавно попыталась своим постановлением оправдать богатство духовенства. Реакция не заставила себя долго ждать. Год спустя, в 1323 году, папа объявил резолюцию францисканцев еретической. Это вызвало возмущение у всех францисканцев, многие из которых обвинили в ереси самого папу, а некоторые перешли на сторону фратичелли. Конфликт разрастался, и сам генерал ордена примкнул к числу схизматиков. В течение последующих двух столетий отношения между инквизицией и францисканцами – и основным крылом и схизматиками – будут по-прежнему оставаться ожесточенными. Вплоть до 1520-х годов мистически настроенных францисканцев все еще будут продолжать осуждать и судить как еретиков. Кровная вражда между францисканцами и доминиканцами приобретала подчас характер беспрецедентного помешательства, равно как и инфантильного буквализма и догматизма. Так, к примеру, в 1351 году францисканский прелат Барселоны поднял вопрос о крови, пролитой Иисусом перед самым распятием на кресте и во время него. Эта кровь, по утверждению францисканца, упала на землю и утратила свою божественную сущность, так как была отделена от тела Иисуса. Она, следовательно, не вознеслась на небо вместе с Иисусом, но впиталась в почву. Как отметил один историк, «это был новый вопрос и несколько затруднительный в смысле демонстрации». Однако утверждения францисканца глубоко возмутили Николая Розелли, инквизитора Барселоны, который и без того негодовал на францисканцев, а теперь счел, что имеет новые основания для претензий к ним. Воспользовавшись открывшейся возможностью нанести удар по ордену-конкуренту, он отправил подробный отчет об этом деле папе. Папу также возмутили утверждения францисканца. Он тут же созвал конференцию теологов, дабы изучить вопрос о пролитой Христом крови. Конференция разделила негодование отца Розелли и

папы. Утверждения францисканца были официально осуждены. Всем инквизиторам были разосланы указания впредь арестовывать всякого, кто будет провозглашать столь крамольные положения. Францисканец, первым высказавший этот тезис, был принужден публично отречься от него. На этом дело, однако, не закончилось. Находясь под пристальным надзором инквизиции, францисканцы, получившие запрет на публичное обсуждение вопроса о пролитой крови Иисуса, втайне продолжали отстаивать свою позицию. По словам одного комментатора:

«Францисканцы с раздражающей логичностью доказывали, что вполне можно было уверовать в то, что кровь Христа осталась на земле, видя, как в Латеранской церкви [15] – прямо перед глазами папы и кардинала – хранилась и почиталась как реликвия отсеченная во время обрезания крайняя плоть, а в Мантуе, Брюгге и в других местах верующим демонстрировались частицы крови и пота, пролитых во время распятия».

Немалую часть следующего столетия этот диспут продолжался под сурдинку. Затем в 1448 году, спустя почти сто лет, францисканский профессор Парижского университета привлек к этой проблеме внимание теологического факультета. Возобновившаяся дискуссия привела к образованию в целях дальнейшего изучения этой щекотливой темы коллегии богословов. Последние провели несколько лет в спорах. Наконец, с большой торжественностью они вынесли свое заключение. По их мнению, вера в первоначальный францисканский тезис – в то, что кровь, пролитая Иисусом в его последние дни, в действительности осталась на земле, – не противоречило учению Церкви. Опьяненные этой победой в своей собственной Столетней войне, францисканцы почувствовали себя триумфаторами и стали более дерзкими. Во время проповеди в Брешии в 1462 году видный францисканец открыто поддержал положение, высказанное его предшественником. Конфликт вспыхнул с новой силой. Сдерживая свой гнев, местный доминиканец-инквизитор написал вежливо-недоверчивое письмо францисканцу. Не может быть, заявлял он с некоторым ужасом, чтобы и вправду были произнесены такие утверждения. Должно быть, полученные им сообщения каким-то образом исказили обстоятельства. Не соблаговолит ли францисканец заверить его в том, что именно так все и обстоит на самом деле. Когда францисканец, так же вежливо, повторил свои утверждения, он на следующий же день был вызван к инквизитору. Встревоженный перспективой новой публичной распри между доминиканцами и францисканцами, вмешался местный епископ. Ему удалось добиться отзыва судебной повестки, но на том условии, что об этом деле будет сообщено лично папе. Тем временем доминиканцы по всему христианскому миру начали громить со своих кафедр францисканскую «ересь». Ссора, которая благоразумно держалась под спудом в течение большей части столетия, теперь с огромной силой разгорелась на глазах удивленного и озадаченного народа. Не желая усугублять вражду между орденами, папа поспешил созвать еще одну конференцию, чтобы вынести решение по вопросу, который посеял такую смуту.

Он, видимо, надеялся, что проблема отпадет сама собой благодаря бюрократическим проволочкам и административным механизмам. К его неудовольствию, участники конференции выказали большую склонность к полемике, чем ожидалось.

«Каждая сторона избрала трех ораторов, и в течение трех дней, в присутствии папы и священной коллегии, они дебатировали вопрос с такой страстью и ожесточенностью, что, несмотря на холодную зимнюю погоду, истекали потом».

Ни одна из сторон, однако, не смогла привести из Нового Завета какого бы то ни было

свидетельства по существу спора, который, таким образом, остался нерешенным. Перебранки между доминиканцами и францисканцами продолжались во всех уголках христианского мира. Годом позже, в начале августа 1464 года, потеряв свое святейшее терпение, папа издал буллу. Согласно этой булле, всякое обсуждение этого щекотливого вопроса объявлялось под запретом – до тех пор, пока по нему не будет вынесено окончательное решение святым престолом. Как показали дальнейшие события, святому престолу не суждено было сформулировать свой ответ на этот вопрос, так как восемь дней спустя папа умер. Кардиналы, которые затем обратились к этой теме, снова не смогли прийти к какому-либо согласию. Новый папа сумел отложить дальнейшие дискуссии на неопределенный срок. Насколько известно авторам этой книги, вопрос о том, вознеслась ли на небо пролитая Иисусом кровь, так и остался нерешенным до наших дней и все еще довлеет над папским престолом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСПАНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

Именно с Испанией чаще обычного ассоциируется инквизиция. На самом деле, однако, в Испании деятельность инквизиции приобрела свой драматический размах сравнительно поздно. К тому же, когда это случилось, она, по крайней мере в некоторых отношениях, очень сильно отличалась от того, каким был этот институт в других местах. Тем не менее распространенные представления не совсем неверны. Несомненно, именно в Испании инквизиция открыла в своей истории новый период слепого фанатизма, насилия и террора.

Нужно помнить, что в тринадцатом столетии Испания не была единой страной. Немалая часть Иберийского полуострова по-прежнему находилась под контролем мусульманских владык. И даже христианская часть полуострова была разделена на несколько самостоятельных и не всегда уживавшихся между собой королевств. В христианских государствах Иберийского полуострова инквизиция была впервые учреждена в 1238 году, но сперва только в Арагоне. Поначалу она действовала sporadически, бессистемно и неэффективно, а к началу пятнадцатого века и вовсе бездействовала. В других местах – например, в Кастилии, Леоне и Португалии – инквизиция вообще появилась только к 1376 году – спустя полтора столетия после ее прихода во Францию. В 1474 году на королевский престол в Кастилии взошла женщина, известная в истории как Изабелла Кастильская. Пятью годами позже ее муж Фердинанд стал королем Арагона. С 1479 года они, таким образом, сделались совместными правителями по сути единого королевства. В последовавшие за этим годы они взялись за реализацию крайне амбициозного и масштабного плана. Они принялись уничтожать последние мавританские, или исламские, анклав в своих владениях. Апогеем этого предприятия стало взятие Гранады в 1492 году. И они также стали проводить бесчеловечную политику «пурификации», которая предвосхитила национал-социалистические программы двадцатого столетия и практику «этнических чисток», применявшуюся на Балканах в 1990-х годах. При Фердинанде и Изабелле Испания не только должна была стать единой. Она одновременно также должна была быть «очищена» от ислама и иудаизма, равно как и от язычества и христианских ересей. Для этой цели испанские монархи учредили в 1478 году свою собственную инквизицию. В своих методах и действиях – «во всех аспектах ареста, судебного процесса, конфискации имущества, наборе персонала» – испанская инквизиция следовала примеру инквизиции в других странах. В отличие от последней, однако, испанская инквизиция не являлась инструментом папского престола. Напротив, она непосредственно подчинялась Фердинанду и Изабелле. Поскольку владения

испанских монархов представляли собой разновидность теократии, где Церковь и государство действовали в единой упряжке, испанская инквизиция была таким же придатком короны, как и Церкви. Она функционировала не только как инструмент ортодоксального духовенства, но и как инструмент королевской политики. Обращаясь к вновь назначенным инквизиторам Арагона, Фердинанд сказал:

«Хотя вы носите титул инквизитора, назначили вас я и королева, и без нашей поддержки вы очень мало можете сделать».

Торквемада

1 ноября 1478 года своей буллой папа Сикст IV узаконил создание особой инквизиции – испанской. Два или, возможно, три священника в возрасте старше сорока лет должны были быть назначены инквизиторами. Право назначать и смещать их было доверено не доминиканцам или какому-либо другому папскому институту, а испанским монархам. 27 сентября 1480 года они назначили в качестве инквизиторов двух доминиканцев. Инквизиторы начали свою работу на юге, по соседству с все еще мавританским королевством Гранада. Первое аутодафе было проведено 6 февраля 1481 года – живыми на костре были сожжены шесть человек. В одной только Севилье к началу ноября 1482 года огонь пожрал еще 288 жертв, а семьдесят девять человек были приговорены к пожизненному заключению. Спустя четыре месяца, в феврале 1482 года, папа санкционировал назначение инквизиторами еще семи доминиканцев. Одному из них, приору монастыря в Сеговии, суждено было войти в историю и стать олицетворением испанской инквизиции в ее самых мрачных проявлениях. Через три года после назначения Томаса де Торквемады трибуналы инквизиции были учреждены в четырех других местностях. К 1492 году трибуналы действовали в восьми главных городах. К этому времени также испанская инквизиция уже закусил удила. Протесты последовали еще десятью годами раньше, через несколько месяцев после назначения Торквемады. В апреле 1482 года, отвечая на удрученные письма испанских епископов, папа издал буллу, выражавшую сожаление о том, что «многие истинные и праведные христиане, на основании свидетельств врагов, соперников, рабов... без каких-либо доказательств были брошены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и осуждены... лишены своего имущества и переданы в руки светских властей для приведения в исполнение приговора... многих приводящего в возмущение».

В том же документе папа делал вывод о том, что «инквизицией уже некоторое время движет не ревностное служение вере и спасению душ, но жажда богатства».

В соответствии с этим выводом все полномочия, вверенные инквизиции, были аннулированы, и папа потребовал, чтобы инквизиторы были поставлены под контроль местных епископов. Такие меры были, разумеется, дерзким вызовом монархии, и король Фердинанд был понятным образом возмущен. Сделав вид, что сомневается в подлинности буллы, он отослал понтифику лукавое послание. Оно заканчивалось открытой угрозой:

«Позаботьтесь, таким образом, о том, чтобы дело не пошло дальше... и доверьте нам заботу об этом вопросе».

Получив такой отпор, папа полностью капитулировал. 17 октября 1483 года новая булла учредила совет – «Консехо де ла Супрема и Хенераль Инкисисьон», – вверив ему полномочия высшей инстанции инквизиции.

Для управления этим советом, Супремой, была создана новая должность генерального инквизитора.

Первым эту должность занял Торквемада. Все инквизиционные трибуналы католической Испании были теперь, по существу, сосредоточены в юрисдикции одной администрации с Торквемадой во главе. В последующие пятнадцать лет, вплоть до своей смерти в 1498 году, Торквемада обладал властью и влиянием, которые могли поспорить с властью и влиянием самих монархов – Фердинанда и Изабеллы. Что касается инквизиции, то, по словам одного историка, «он пестовал нарождающийся институт с неутомимым рвением». Он делал это с «безжалостным фанатизмом» и «беспощадным усердием». Фанатическая преданность своей роли вынудила его отказаться от предложенной должности епископа Севильи, и до конца своей жизни он так и не сменил своего аскетичного доминиканского облачения на пышные одеяния прелатов того времени. Кроме того, он был строгим вегетарианцем. Однако он оставлял себе значительные доли конфискованного богатства, обитал в роскошных дворцах и путешествовал со свитой из пятидесяти конных стражников и еще 250 вооруженных людей, рассчитанной на то, чтобы производить впечатление и одновременно вызывать трепет. Это тем не менее не уберегло его от паранойи. Когда он обедал, то неизменно хранил при себе «рог единорога», который якобы служил ему защитой от яда, – нет, правда, никаких указаний, как действовал этот химерический талисман или что именно делал с ним его владелец. В других отношениях он был человеком явно незаурядного ума, одним из непревзойденных макиавеллистов своего времени, наделенным знанием человеческой природы и хитростью политика. В «Братьях Карамазовых» великому инквизитору не дано имени. Однако не приходится сомневаться, что в качестве прототипа Достоевский имел в виду Торквемаду. И в самом деле, описание великого инквизитора, данное Достоевским, вероятно, является столь же точным портретом Торквемады, как и описание любого историка или биографа. Безусловно, не трудно вообразить, как Торквемада преднамеренно отправляет Иисуса на костер во имя инквизиции и Церкви. Под бескомпромиссным руководством Торквемады деятельность испанской инквизиции возобновилась с удвоенной энергией. 23 февраля 1484 года тридцать жертв были одновременно сожжены живьем в Сьюдад-Реале. Между 1485 и 1501 годами были преданы огню 250 человек в Толедо. В Барселоне в 1491 году три человека были казнены, а еще 220 присуждены к смерти в их отсутствие. В Вальядолиде в 1492 году были одновременно казнены тридцать два человека. Перечень всех зверств занял бы несколько страниц. В какой-то момент знатные жители Барселоны написали королю Фердинанду:

«Мы все в ужасе от приходящих к нам новостей о тех казнях и процессах, которые, как нам сообщают, идут в Кастилии».

В сентябре 1485 года во время молитвы перед главным престолом в соборе был убит инквизитор Сарагосы; но в ответ это только вызвало новую волну казней. Впрочем, инквизицию интересовала не только смерть. В 1499 году, через год после смерти Торквемады, в вымогательстве и мошенничестве виновным был признан инквизитор Кордовы. Его преемник беспечно продолжал следовать по его стопам, арестовывая всякого состоятельного человека – даже членов благочестивых христианских семей, – дабы конфисковать и присвоить себе его имущество.

Судебная машина инквизиции

В своих методах и приемах испанская инквизиция подражала изначальной папской инквизиции тринадцатого века. Во всяком случае, она применяла ее методы еще более последовательно – и еще более цинично. По крайней мере среди своих инквизиторов отбрасывали свое лицемерие и выражались с бесстыдством, которое мало сочеталось с благочестием, – с бесстыдством, вполне

соответствующим художественному вымыслу Достоевского. В 1578 году, например, один инквизитор заявил, обращаясь к своим коллегам, что «мы должны помнить, что главная цель судебного процесса и казни не в том, чтобы спасти душу обвиняемого, а в том, чтобы добиться общественного блага и вселить страх в других». Преследуя эту цель, испанская инквизиция, подобно своему средневековому предшественнику, наносила неожиданные визиты в город или селение через регулярные промежутки времени – в 1517 году, например, каждые четыре месяца, – правда, со временем инквизиторы обленились, разжирели, потеряли охоту к разъездам и делали это все реже. Прибыв в какое-то место, инквизиторы предъявляли свои верительные грамоты местным духовным и гражданским властям. Затем объявлялся день, в который все жители должны были присутствовать на особой мессе и услышать там публично зачитываемый «эдикт» инквизиции. В назначенный день в конце проповеди инквизитор поднимал над головой распятие. От присутствующих требовали поднять правую руку, перекреститься и поклясться, что они будут помогать инквизиции и ее уполномоченным лицам. После этого предваряющего ритуала торжественно зачитывался «эдикт». В нем кратко указывались различные ереси, равно как и ислам и иудаизм, и содержался призыв ко всем, кто мог быть виновен в «заразе». Если они доносили на себя в оговоренный «льготный период» – обычно от тридцати до сорока дней, но чаще меньше, так как он устанавливался по усмотрению инквизиторов, – они могли быть снова приняты в лоно Церкви без каких-либо излишне строгих наказаний. Однако они были обязаны назвать соучастников, не пришедших с повинной. В действительности это было главное условие, позволявшее отделаться епитимьей.

«Донести на себя как на еретика было недостаточно, чтобы воспользоваться льготами эдикта. Нужно было также донести на всех тех, кто разделял заблуждение или привел к нему».

Легко увидеть, как функционировал психологический механизм, задействованный в этом процессе. В Испании, как и везде, люди прибегали к услугам инквизиционной машины для того, чтобы свести старые счеты, отомстить соседям или родственникам, устранить конкурентов в бизнесе или коммерции. Всякий мог донести на всякого, не заботясь о доказательствах, а бремя судебных разбирательств ложилось на плечи обвиненного. Люди начинали все больше бояться своих соседей, коллег по профессии или конкурентов, любого, с кем у них могла быть вражда или размолвка, любого, с кем они могли не сходиться во взглядах или мнениях. Чтобы опередить обвинение со стороны других, люди нередко делали ложный донос на самих себя. Подчас целые группы могли сообща доносить на себя, заразившись атмосферой паранойи и страха перед всевластием инквизиции.

Во второй половине пятнадцатого столетия, когда эдикт инквизиции был впервые зачитан на Майорке, на себя донесли 337 человек. В Толедо в 1486 году таким же образом поступили 2400 человек. Но люди по-прежнему жили в страхе перед своими деловыми партнерами и конкурентами, соседями и даже собственными домочадцами. Доносы по мелочным поводам были скорее правилом, чем исключением. Так сообщают, что в Кастилии в течение 1480-х годов свыше полутора тысяч жертв были сожжены на костре в результате ложных свидетельств, которые зачастую даже не могли указать источник обвинения против них. Свидетели инквизиционных расследований оставались анонимными, а их свидетельства редактировались во всем, что могло выдать их личность. Тем самым инквизиция получала энергию и поддержку от тех самых людей, которых она преследовала. Свою власть она черпала в наглой эксплуатации самых слабых и низменных сторон человеческой

натуры.

В теории каждый случай полагалось рассматривать конклаву теологов – из инквизиторов-визитеров и по крайней мере одного местного квалификатора (эксперта-юриста). Только если доказательства признавались достаточно убедительными, обвиняемого полагалось арестовать. На практике же многих арестовывали до рассмотрения их дел. Тюрьмы инквизиции были переполнены узниками, значительная часть из которых находилась в неведении относительно выдвинутых против них обвинений. Они могли годами томиться в заключении, так и не зная, в каком преступлении они якобы виновны. Тем временем их и их семьи лишали всего имущества, ибо арест неизменно сопровождался незамедлительной конфискацией всего, что принадлежало обвиняемому, – начиная от его дома и заканчивая его горшками и штанами. И пока он находился в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения, его имущество распродавали в уплату за содержание его в заключении. В редких случаях его могли в конечном итоге выпустить на волю, но при этом он обнаруживал, что стал банкротом или нищим. Известны также случаи, когда в результате конфискации имущества умирали от голода дети богатых заключенных. Только в 1561 году правила были слегка изменены и стали допускать использование по крайней мере части средств, вырученных от продажи конфискованного имущества, для поддержания иждивенцев.

Каждый трибунал двадцати одного регионального управления инквизиции располагал своей собственной тюрьмой, размещенной в его официальном «дворце». Узники обычно содержались в одиночном заключении в цепях и были лишены какого бы то ни было контакта с внешним миром. Если их освобождали, с них требовали клятву о неразглашении того, что они видели или испытали в камерах. Неудивительно, что многие жертвы сходили с ума в заточении, умирали или, если могли, кончали жизнь самоубийством. И однако, как это ни парадоксально, тюрьмам инквизиции часто отдавали предпочтение перед тюрьмами светских властей. Известны случаи, когда обычные преступники добровольно сознавались в ереси, дабы их перевели из гражданской тюрьмы в инквизиционную тюрьму.

Во время судебных дознаний и допросов вместе с инквизиторами, представителем местного епископа, врачом и самим экзекутором, которым обычно был городской палач, всегда присутствовали нотариус и секретарь. Все дотошно фиксировалось – задаваемые вопросы, ответы обвиняемого и его реакции. Испанская инквизиция, как и ее средневековая предшественница, прибегала к высокой риторике и лицемерным формулам, дабы завуалировать и оправдать мерзостную реальность пытки. Инструкции инквизиции от 1561 года оговаривали, что пытка должна применяться в согласии «с совестью и волей уполномоченных судей, в соответствии с законом, здравым смыслом и чистой совестью. Инквизиторы должны заботиться о том, чтобы пытка в каждом случае была оправданной и сообразующейся с законом мерой». Испанской инквизицией, как и ее средневековой предшественницей, признание, вырванное в агонии пытки, само по себе не считалось действительным. Инквизиторы признавали, что, подвергнув человека мучительным страданиям, его можно принудить сказать все, что угодно. По этой причине обвиняемый был обязан подтвердить и скрепить подписью свое признание день спустя, с тем чтобы его можно было назвать самопроизвольным и добровольным, полученным без принуждения. Во времена испанской инквизиции, как и во времена ее средневековой предшественницы, жертву полагалось подвергать пытке только один раз. И, подобно своим предшественницам в других местах, испанская инквизиция

обходила это ограничение, именуя окончание каждого эпизода пытки «прерыванием». Тем самым можно было и правда заявлять, что жертву пытали всего однажды, даже если этот «единичный» случай пытки состоял из множества эпизодов и прерываний, растянувшихся на длительный период времени. И, естественно, жертву лишали надежды на то, что окончание данного эпизода пытки означало конец ее мучениям.

Какие бы садистические наклонности при этом ни преследовались инквизиторами, необходимо подчеркнуть, что их главной целью было не столько вырвать признание у отдельной жертвы, сколько получить в свои руки свидетельства, с помощью которых можно было бы укрепить свою власть над народом в целом. От обвиняемого ожидали не только признания своих собственных преступлений, но также и сообщения сведений, пусть и самых незначительных, порочащих других людей. Едва ли удивительно, что человек в агонии пытки легко называл любое имя, которое приходило ему на ум, или то, которое хотели услышать от него его мучители.

В 1518 году Супрема, руководящий орган испанской инквизиции, постановила, что пытка не должна быть автоматической или рутинной процедурой. По крайней мере в теории, решение о ее применении должно было приниматься в каждом отдельном случае голосованием членов местного трибунала. На практике же это мало что меняло, коль скоро каждый местный трибунал мог автоматически голосовать за применение пытки в каждом разбираемом случае. Когда трибунал голосовал за применение пытки, обвиняемого приводили в зал для слушаний, где присутствовали инквизиторы и представители местного духовенства. Объявлялся результат голосования, и обвиняемому давалась еще одна возможность признать свою вину. Если он по-прежнему отказывался это сделать, зачитывалась полная формула приговаривания к пытке.

«В ней говорилось, что ввиду навлеченных на него подозрений и имеющихся против него свидетельств они приговаривают его к пытке такой продолжительности, которую сочтут нужной, дабы услышать от него правду... и заявляют, что если в результате пытки он умрет или получит увечье, вина за это будет возложена не на них, а на него за отказ говорить правду».

В своей мучительной продолжительности этот ритуал уже сам по себе составлял психологическую пытку. Эту пытку усиливали на каждом этапе последующего судебного процесса дополнительными отсрочками, дополнительными периодами неопределенности. Ожидание физических страданий иногда оказывалось не менее действенным, чем сами страдания. Инквизиторы в Испании, как и их средневековые предшественники, старались избегать намеренного пролития крови и сами не имели права проводить экзекуции. Пыточные методы изобретались в соответствии с господствовавшими ограничениями. В Испании были особо популярны три вида пыток. Имелась так называемая «тока», или пытка водой, когда в горло жертвы насильно вливали воду. Была пытка «потро», когда жертву вздергивали на дыбу и натягивали удерживавшие ее веревки. И была так называемая «гарруча», или блок, испанская версия итальянской пытки «страппадо». При этой процедуре руки жертвы связывались веревкой у нее за спиной, после чего жертву подвешивали за запястья к блоку на потолке с привязанным грузом к ногам. Человека поднимали очень медленно, чтобы сделать боль максимально сильной, затем опускали с такой резкостью, что вывихивались суставы.

Неудивительно, что многие жертвы получали пожизненные увечья или хронические заболевания. Естественно, нередки были и случаи смерти. Если жертва умирала, то смерть, считалось, наступала «случайно» и квалифицировалась скорее как сопутствующее обстоятельство или побочный результат

пытки, чем как ее прямое следствие. В более поздние периоды истории испанской инквизиции вошли в обиход и другие методы. К примеру, жертву могли поднять на дыбу, а затем постепенно натягивать веревки, пока они не прорезали тело жертвы до костей. И были многочисленные дополнительные приспособления, слишком гнусные, чтобы их воспроизводить. Все, что могло изобрести развращенное воображение инквизиторов, в конце концов получало санкцию. В инструкции 1561 года заявляется, что

«ввиду различий в телесной и душевной силе между людьми... не может быть дано никакого определенного правила, но должно быть оставлено на усмотрение судей, которые должны руководствоваться законом, здравым смыслом и совестью».

Неудивительно, что иногда было крайне трудно найти людей, готовых воплощать прихоти инквизиторов и проводить пытки. Чаще обычного исполнителем этой работы бывал городской палач. В конце семнадцатого столетия за каждую проведенную пытку ему выплачивали четыре дуката – сумму, равную пол-унции золота, или порядка 90 фунтов в сегодняшней валюте. Излишне говорить, что выполняемая им за это вознаграждение работа не внушала к нему особой любви его соседей. По этой причине он обычно желал скрыть свою личность. Эдикт 1524 года запретил экзекутору надевать маску или накидывать на себя простыню. Позже в качестве компромисса были дозволены капюшон и смена одежды. К семнадцатому столетию экзекутору снова было разрешено использовать полный камуфляж, включая маску, «если полагалось лучшим, чтобы его не узнали». Смертная же казнь оставлялась главным образом для нераскаявшихся еретиков и для тех, кто впадал в ересь после номинального обращения в католичество. Как вскоре станет видно, чаще обычного ее предназначали для евреев – для исповедующих свою веру иудеев и тех, кого подозревали в возврате к своей вере после мнимого принятия крещения. Подобно своей средневековой предшественнице, испанская инквизиция передавала приговоренного к казни человека светским властям. Если он раскаивался в свои последние мгновения у позорного столба, его «милосердно» удушали, прежде чем вспыхивал костер. Если он продолжал упорствовать, его сжигали живьем.

Антисемитизм и инквизиция

В своих методах и приемах испанская инквизиция тщательно копировала свою средневековую предшественницу. Она отличалась тем, что была подотчетна не папскому престолу, а напрямую испанской короне. Отличалась она и еще в одном отношении. Главными мишенями средневековой инквизиции во Франции и Италии были христианские еретики, такие, как катары, вальденсы и фратичелли, или мнимые еретики, такие, как тамплиеры. Главной же мишенью испанской инквизиции суждено было стать иудейскому населению Иберийского полуострова. Жестокостью и беспощадностью своих антисемитских кампаний инквизиция в Испании предвосхитила патологию двадцатого века – нацизм. В середине четырнадцатого столетия, более чем за сто лет до создания испанской инквизиции, Кастилия была расколота гражданской войной. Обе враждующие стороны искали козла отпущения и нашли его в лице иудейской общины – особенно многочисленной в Испании благодаря терпимости прежних исламских режимов. Последовали погромы, а ревностные христианские проповедники еще больше разожгли пламя. Насилие нарастало, пока не достигло своего апогея в 1391 году, приведшего к убийству сотен, если не тысяч, евреев. В последнее десятилетие четырнадцатого века многие еврейские семьи в Испании, напуганные преследованиями, отреклись от своей веры и приняли христианство. Их стали именовать «конверсос» («обращенные»).

Во многих случаях, однако, был хорошо известен принудительный характер их обращения, а потому широко бытовало мнение, что они тайно продолжают исповедовать свою изначальную религию. Несомненно, значительное их число так и поступало; однако большинство, судя по всему, просто-напросто сделались в такой же степени условными христианами, в какой до этого они были условными иудеями. Как бы то ни было и какими бы искренними католиками они ни являлись, «обращенные» семьи неизменно вызывали подозрение и недоверие и продолжали преследоваться антисемитами. Наибольшую ненависть испытывали на себе так называемые «иудействующие» – «конверсос», подозревавшиеся в том, что втайне по-прежнему исповедуют иудаизм или, что еще хуже, совращают в иудаизм крещеных евреев.

Несмотря на предубеждение со стороны общества, многие «обращенные» семьи преуспевали. В последовавшие за этими событиями годы немалому их числу удалось занять видное положение в королевской администрации, в гражданских институтах власти, даже в Церкви. В 1390 году, к примеру, раввин Бургоса принял католичество. Свои дни он окончил епископом Бургоса, папским легатом и наставником принца крови. И это был не единичный случай. В администрациях некоторых крупных городов доминировали видные «обращенные» семьи. В то самое время, когда была создана испанская инквизиция, казначеем короля Фердинанда был в прошлом «обращенный». В Арагоне пять высших административных постов в королевстве занимали «конверсос». В Кастилии было по меньшей мере четыре «обращенных» епископа. Трое из секретарей королевы Изабеллы были «конверсос», таковым же был и официальный придворный летописец. Один из дядей самого Торквемады был «обращенным». Даже святая Тереза, столь почитаемая впоследствии за свою фанатическую преданность католицизму, не была «чистой». В 1485 году на ее дедушку была наложена епитимья за то, что он продолжал придерживаться иудейских обрядов, – указание на то, что сама будущая святая имела в родословной иудеев. Вообще же «конверсос» и их семьи были, как правило, среди самых образованных людей Испании. Обретая положение в обществе, они также, как правило, превращались в одних из самых богатых людей. Вполне неизбежно, что их социальное и экономическое положение вызывало зависть и негодование среди окружающих. Это также подогревало ненависть инквизиции.

С момента своего создания испанская инквизиция положила глаз на богатство иудеев. На самих иудеев она смотрела с глубокой и непреодолимой неприязнью уже хотя бы потому, что они находились вне официально установленных рамок ее юрисдикции. Согласно папскому бреве, узаконившему ее деятельность, инквизиция была уполномочена преследовать еретиков – то есть христиан, которые отошли от ортодоксальных формулировок веры. Ее власть, однако, не распространялась на приверженцев других религий, например иудеев и мусульман. Иудейские и мусульманские общины в Испании были велики. Вследствие этого значительная часть населения оставалась недостижимой для инквизиции, а для института, который стремился к тотальному контролю над обществом, такая ситуация являлась нетерпимой.

Первым шагом инквизиции стало преследование так называемых «иудействующих». «Конверсос», которые возвращались в иудаизм после принятия христианства, могли быть преспокойно названы еретиками. А дальше и все те, кто подстрекал их к ереси, – а отсюда было рукой подать и до обвинения в соучастии всех иудеев. Но руки инквизиции были пока еще связаны, поскольку ей надлежало предъявить – или сфабриковать – доказательства для каждого разбираемого случая, а это

не всегда было легко сделать. Инквизиция с энтузиазмом одобрила разнузданный антисемитизм, который уже провозглашался с амвона печально известным проповедником Алонсо де Эспина, одинаково ненавидевшим иудеев и «конверсос». Играя на националистических чувствах масс, Алонсо выступал за полное запрещение исповедания иудаизма в Испании – путем высылки или уничтожения всех иудеев. Приняв программу Алонсо, инквизиция развернула свою собственную рьяную антисемитскую пропаганду, используя методы, которые спустя четыре с половиной столетия возьмет на вооружение Йозеф Геббельс. К примеру, проповедники снова и снова повторяли чудовищные обвинения, зная, что в конце концов они будут приняты за соответствующие действительности. Ссылаясь на волну антисемитизма, которую ей таким образом удалось спровоцировать среди широких кругов населения, инквизиция умоляла корону принять «надлежащие» меры.

Предложение изгнать всех евреев из Испании исходило непосредственно от инквизиции. Петиция, выражавшая это предложение, была охарактеризована одним историком как «дикий документ», от которого «веет оголтелым антисемитизмом». Король Фердинанд понимал, что преследование иудеев и «конверсос» неизбежно привело бы к печальным экономическим последствиям для страны. Однако ни он, ни королева Изабелла не могли противостоять общему давлению инквизиции и вызванных ею в обществе настроений.

В письме к своим самым влиятельным феодалам и придворным король писал:

«Святая инквизиция, видя, какой опасности подвергаются некоторые христиане, вступая в контакт и общение с иудеями, постановила, что иудеи должны быть изгнаны из всех наших владений и территорий, и убедила нас выразить ей в том нашу поддержку и одобрение... мы идем на это, несмотря на великий вред для нас самих, предпочитая спасение наших душ нашей собственной выгоде...»

1 января 1483 года монархи письменно объявили, чтобы умиловить инквизицию в Андалусии, что все иудеи, живущие в этой провинции, будут изгнаны. 12 мая 1486 года были изгнаны все иудеи из крупных поселений Арагона. Однако полномасштабную высылку пришлось отложить на некоторое время, поскольку монархи остро нуждались в финансовой и другой поддержке со стороны иудеев и «конверсос» для непрекращавшейся военной кампании против мавров, отброшенных в свое час от часу уменьшавшееся королевство Гранада. Есть основания полагать, что между Торквемадой, представлявшим инквизицию, и испанской короной был заключен тайный договор. Торквемада, по видимому, согласился с отсрочкой короны на изгнание всех евреев из Испании, пока не будет окончательно и бесповоротно завоевано мусульманское королевство Гранада. Другими словами, евреев оставляли в покое в некоторых местах до тех пор, пока оставалась необходимость в них и их богатствах. Между тем инквизиция занялась подготовкой почвы для того, что должно было случиться позже. Так последовало пресловутое дело «святого дитя из Ла-Гуардии» – столь же топорно состряпанная история, как те, что фабриковались в недавнем прошлом Гитлером или Сталиным. 14 ноября 1491 года, за две недели до падения Гранады, пять иудеев и шесть «конверсос» были отправлены на костер в Авиле. Их осудили за осквернение гостии [16]. Их также обвинили в том, что они якобы распяли на кресте христианского ребенка, вырвав у него сердце.

Целью этого мрачного действия якобы был магический ритуал, предназначенный для того, чтобы нейтрализовать силы инквизиции и погубить всех христиан. Инквизиция прилежно обнародовала это

дело в каждом городе Кастилии и Арагона, доведя антисемитское помешательство до истерии. Через две недели Гранада капитулировала, и последний исламский анклав в Испании перестал существовать. Спустя три месяца, в марте следующего года, появился королевский эдикт, в котором говорилось, что все иудеи в Испании должны обратиться в католичество или будут изгнаны. Те, кто отказывался подчиниться указу, становились законной добычей инквизиции. Как заметил Карлос Фуэнтес, Испания в 1492 году изгнала чувственность с маврами, изгнала интеллект с евреями и продолжала проводить стерилизацию последующие пять столетий. Однако еще до окончательной высылки иудеи и «конверсос» пострадали от инквизиции в гораздо больших количествах, чем еретики. После 1492 года преследования всего лишь усилились, подкрепленные новой видимостью законности и легальности. Из всех осужденных инквизицией в Барселоне между 1488 и 1505 годами 99,3 процента были иудеями или «конверсос». Иудеи или «конверсос» составили 91,6 процента всех осужденных инквизицией в Валенсии между 1484 и 1530 годами. По замечанию одного историка: «Святую службу, другими словами, не заботила ересь вообще. Ее заботила только одна форма религиозного отступничества – тайное исповедование иудейских обрядов».

Конец инквизиции

С неослабевающей жестокостью испанская инквизиция продолжала вершить свои дела более 200 лет. В Англии за правлением Вильгельма и Марии последовало правление Анны [17], а затем Ганноверов. Стране вскоре предстояло быть объединенной с Шотландией в Соединенное Королевство Великобритании и вступить в золотой век неоклассицизма. Франция уже достигла культурного расцвета в правление Людовика XIV, «Короля Солнце», который, уже будучи пожилым, все еще задавал тон при своем рафинированном дворе в Версале. В Испании же «семнадцатое столетие завершилось холокостом конверсос». Война за испанское наследство (1704-1715) закрепила смену династии, состоявшуюся в тот момент, когда в 1701 году Филипп V Бурбон взошел на Престол, прежде занимаемый Габсбургами. Была, казалось, мимолетная перспектива просвещения, когда новый монарх отказался присутствовать при аутодафе, устроенном в его честь. Очень скоро, однако, инквизиция вновь восстановила свой контроль над испанским обществом, и снова последовали ужасы двух предыдущих столетий. Новая волна репрессий произошла в начале 1720-х годов. Для некоторых потенциальных жертв инквизиции теперь по крайней мере имелось какое-то близкое убежище. В 1704 году, во время войны за испанское наследство, британский флот под командованием адмирала Джорджа Рука осуществил одну из первых в истории нового времени военных операций с высадкой десанта и захватил Гибралтарскую цитадель. В 1713 году Испания официально уступила Гибралтар Британии – на том условии, «что ни под каким видом не будет дозволяться временное или постоянное проживание иудеев и мусульман в означенном городе Гибралтаре». К немалому неудовольствию инквизиции, британцы никак не соблюдали требование испанцев. Еврейская община на Гибралтаре стремительно росла и к 1717 году уже располагала своей собственной синагогой.

После 1730 года власть и влияние испанской инквизиции начали заметно ослабевать. Недостатка в потенциальных жертвах не было, но Испания не могла оставаться полностью изолированной от той тенденции к веротерпимости, которая уже господствовала к тому времени в остальной Европе. К тому же служители инквизиции, по замечанию одного комментатора, «уже не интересовались ничем, кроме получения собственного жалованья». Между 1740 и 1794 годами трибунал в Толедо

рассматривал в среднем только одно дело в год.

Во время французской революции испанская инквизиция впала в настоящую «спячку», напуганная тревожными антицерковными выступлениями по ту сторону Пиренеев. Основания для опасений действительно были. В 1808 году французская армия под командованием военачальника Наполеона маршала Иохима Мюрата вступила в Испанию и оккупировала страну. Династия Бурбонов была низложена, на престол был возведен брат Наполеона Жозеф. По заключенному вслед за этим договору, католическая религия приравнивалась к любой другой религии. Хотя и недовольная создавшимся положением, инквизиция посчитала, что сама она в безопасности, и на этом основании поддержала новый режим. Некоторые инквизиторы, однако, оказались неспособными побороть фанатизм более чем трех столетий. С трогательно наивной неосмотрительностью она арестовала секретаря Мюрата, филолога-классика и воинствующего атеиста. Мюрат тотчас послал войска, чтобы освободить его силой оружия. 4 декабря 1808 года в Мадрид собственной персоной прибыл Наполеон. В тот же самый день он выпустил декрет о запрете инквизиции и конфискации всей принадлежащей ей собственности.

В удаленных частях страны провинциальные трибуналы продолжали свою деятельность вопреки эдикту Наполеона на протяжении всей Пиренейской войны (1808-1814). Однако они стремительно лишались поддержки. Им противостоял не только наполеоновский режим, но и британский флот под командованием будущего герцога Веллингтона, который пытался отвоевать у имперской Франции Иберийский полуостров. Даже союзничавшие с армией Веллингтона испанские роялисты и католики, стремившиеся восстановить монархию Бурбонов, были настроены враждебно по отношению к инквизиции. В 1813 году, когда Веллингтон был близок к полному завоеванию Испании, его испанские союзники пошли по стопам своих неприятелей-французов и издали декрет об официальном упразднении инквизиции.

21 июля 1814 года на испанском престоле был восстановлен Фердинанд VII Бурбон. Вместе с ним была номинально восстановлена инквизиция; однако большинство ее архивов и документов были утрачены в минувшие войны, а потому она уже не могла действовать с тем же размахом, с каким действовала прежде. Последний процесс над иудеем в Испании состоялся в Кордове в 1818 году. И хотя антисемитизм еще долго процветал в стране, он уже не мог использоваться инквизицией, которая лишилась реальной власти. В 1820 году жители таких городов, как Барселона и Валенсия, подвергли разграблению помещения инквизиции и растащили ее архивы, документы из которых попали в руки местных производителей фейерверков и пошли на изготовление петард. Наконец, 15 июля 1834 года окончательный официальный «декрет о запрещении» положил конец испанской инквизиции. Она просуществовала три с половиной столетия, погрузив Испанию в состояние, от которого та начинает оправляться только сейчас.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СПАСЕНИЕ НОВОГО СВЕТА

Там, куда ступала нога испанских первооткрывателей, конкистадоров, солдат и поселенцев, быстро объявлялись испанские миссионеры. Там, куда ступала нога миссионеров, водружавших свои кресты, быстро объявлялась инквизиция. Помимо четырнадцати основных трибуналов на Иберийском полуострове инквизиция имела по одному трибуналу в каждом из заграничных владений испанской короны – на Канарских островах, на Майорке, на Сардинии и на Сицилии,

которыми в то время управляли испанские вице-короли. В 1492 году – в тот год, когда из Испании были окончательно изгнаны мусульмане и иудеи, – Христофор Колумб увидел берег Вест-Индии. Началось завоевание Америки, от которого не осталась в стороне инквизиция: она сумела быстро воспользоваться возможностями, которые сулил Новый Свет. Как и в Испании, официальной целью инквизиции было выявление и преследование ереси, дабы обеспечить «чистоту» католического вероучения. Индейцы Нового Света, разумеется, ни сном ни духом не ведали о христианстве. Их нельзя было обвинить в ереси – или в отступлении от вероучения, – поскольку им не от чего было отступить. По этой причине они были объявлены неприкосновенными для инквизиции, – если только не были обращены в христианство, а затем вернулись к своим прежним верованиям и обрядам. Вскоре, однако, стало очевидно, что наказание обращенных индейцев, вернувшихся к своей прежней вере, только отпугивало от нового вероисповедания остальных. Такая ситуация грозила столкнуть инквизицию с миссионерами, для которых спасение «языческих» душ имело первостепенное значение. Инквизиция вынуждена была уступить. Она сделала это более или менее добровольно, ведь преследование индейцев в любом случае было малоприбыльным делом – например, в смысле конфискованного имущества или отлучения от Церкви. Все индейцы, таким образом, были выведены из-под юрисдикции инквизиции. На фоне сравнительной нехватки иудеев, мусульман и подлежащих преследованию еретиков в Новом Свете инквизиции подчас приходилось искать для себя *raison d'être*. Она находила частичное решение этой проблемы в бюрократизации своей деятельности и увеличении объема бумажной работы. Инквизиторы писали почти ежедневные отчеты в Испанию, фиксируя события и действия, в деталях сообщая об окружающей их жизни, выступая по сути в роли хроникеров, летописцев и сотрудников разветвленной сети надзора под стать современной тайной полиции или службе разведки. Количество составленных ими депеш огромно. Архивы в одном только Мадриде насчитывают сегодня свыше тысячи манускриптов и 4 тысячи связок со свитками, при этом все систематизированные. Отчеты о проведенных трибуналах образуют около сотни томов, по тысяче страниц в каждом.

Это не означает, что инквизиция в Новом Свете не могла отыскать жертв, чтобы преследовать, подвергать суду и отправлять на костер. Однако примерно 60 процентов процессов, проведенных в Центральной и Южной Америке, своей причиной имели второстепенные провинности, такие, как эпизоды богохульства, правонарушения на сексуальной почве или проявление суеверия. Большая часть остальных случаев касалась псевдоиудействующих, а также христиан, подозреваемых в отправлении индейских обрядов или занятии алхимией, астрологией, каббалистикой и другими формами неортодоксальных или эзотерических учений. Кроме того, инквизиторы в Новом Свете могли поджаривать на своих кострах такой деликатес, не столь доступный их коллегам в Испании, как протестанты. Естественно, что протестанты рассматривались как наиболее зловерные и опасные из всех еретики. Они были неизвестной породой в Испании. Однако в океанах и прибрежных водах Америки их можно было встретить все чаще, нередко в виде английских или голландских пиратов и каперов. Их деятельность в таком качестве делала их тем более желанными кандидатами для костра.

Трибунал Мексики

Первые миссионеры были направлены в Вест-Индию в 1500 году, через восемь лет после высадки на берег Колумба. Первый епископ прибыл туда около 1519 или 1520 года, в то самое время, когда Эрнан Кортес отправлялся на завоевание Мексики. В 1519 году были также назначены два

инквизитора. Один из них умер прежде, чем отплыл его корабль. Замена ему не была назначена до 1524 года. Новый инквизитор направился в Мексику, к этому времени полностью усмиренную. Здесь он нашел и сжег еретика и тут же возвратился в Испанию. Три года спустя, в 1527 году, в Мексику были назначены первые епископы, уполномоченные также действовать и как инквизиторы. Свой собственный трибунал в Мексике инквизиция учредила только в 1570 году. Трибунал был учрежден в Мехико и сразу же отобрал у местных епископов все полномочия по преследованию ереси. Первое аутодафе было проведено 28 февраля 1574 года. Об этом событии, за две недели до него, провозгласили замысловатые фанфары труб и барабанов. Событие было превращено в официальное зрелище на главной площади с сооруженными, как на стадионе, сидячими местами для чиновников и их семей, а также для провинциальных сановников, приглашенных в Мехико по этому случаю. Семьдесят четыре заключенных, подвергнутых суду, были преимущественно протестантами. Тридцать шесть из них были англичане – из тех, что остались от команды сэра Джона Хокинса, захваченной в плен шестью годами раньше. В завершение слушаний на костре были сожжены четыре протестанта – два англичанина, один ирландец и один француз.

«Звездным часом» инквизиции в Мексике стало «великое аутодафе» 11 апреля 1649 года. Оно было специально направлено на так называемых «новых христиан», – как называли в испанских колониях в Америке обращенных иудеев или «конверсос», – которые едва ли не монополизировали торговлю между Испанией и ее колониями. Улики против этих людей были ненадежными. Однако инквизицию прельщали их деньги и имущество, да и, кроме того, тут в Новом Свете у нее имелось даже больше возможностей для фабрикования дел, чем в Испании. «Великое аутодафе» 1649 года было еще большим спектаклем, чем аутодафе 1574 года. Как и в тот раз, о нем заранее возвестили торжественными процессиями с трубами и барабанами через весь Мехико. Толпы стали стекаться в Мехико за две недели до события, некоторые преодолевали расстояние в 600 миль, чтобы увидеть предстоящее зрелище. В день накануне публичного суда была устроена причудливая процессия. По улицам столицы двигались двойные ряды роскошных карет, в которых восседали знатные особы. Во главе этой карнавальной процессии выделялся штандарт инквизиции. Прибыв на площадь, где должно было состояться аутодафе, многие зрители остались в своих каретах на всю ночь, чтобы не потерять удачного места.

Публичному суду должны были подвергнуть общим числом 109 заключенных, представлявших, как сообщалось, «большую часть мексиканской коммерции». У всех заключенных были конфискованы поместья и имущество, и ничто из этого не было возвращено, даже тем, кто впоследствии примирился с Церковью, получив требуемое наказание. Двадцать человек были сожжены в изображении – кто-то из них бежал из тюрьмы, кто-то умер в ней под пытками, двое кончили жизнь самоубийством. Из лично присутствовавших на суде заключенных тринадцать были приговорены к костру, однако двенадцати, после того как они раскаялись в последний момент и примирились с Церковью, милосердно даровали возможность быть удавленными, прежде чем их коснется пламя костра. Только один человек, некто Томас Тревиньо, был в действительности сожжен живьем. В ходе судебного разбирательства он отвергал обвинение в том, что тайно исповедовал иудаизм. Однако в ночь перед казнью он узнал о своем приговоре и вслед за тем открыто провозгласил о своей приверженности иудаизму, заявив о намерении умереть в своей истинной вере.

«Дабы заглушить его богохульственные речи, на аутодафе его вели с кляпом во рту, но, несмотря на

кляп, можно было слышать, как он заявлял о своей вере и поносил христианство».

На костре он остался непреклонным.

«Не сломленный до самого конца, он подгребал к себе ногами горящие головешки, а последними различимыми его словами были: «Подбросьте дров, мои деньги стоят того».

«Великое аутодафе» 1649 года явилось отражением инквизиции в Мексике на ее пике. Вообще же казни подобного масштаба были редкостью. По большей части инквизиция в Мексике занималась накоплением богатств, управлением и коммерческим использованием той собственности, которую она конфисковала. Нередко она фабриковала обвинения против людей исключительно ради того, чтобы присвоить себе их имущество и собственность, которые никогда не возвращались, даже если человека признавали невиновным. В годы, непосредственно предшествовавшие «великому аутодафе» 1649 года, инквизицией было конфисковано разного имущества стоимостью 270 тысяч песо. Само «великое аутодафе» дало конфискованного имущества на общую сумму 3 миллиона песо. По сегодняшним деньгам эта сумма была бы равносильна 30 миллионам фунтов стерлингов, а ее покупательная способность в то время была много выше. В восемнадцатом столетии, через сто лет после «великого аутодафе», песо уже значительно обесценилось. Но даже тогда перестройка дворца инквизиции в Картахене после его разрушения британскими пушками стоила 12 600 песо. Во времена «великого аутодафе» трех миллионов песо в таком случае хватило бы для того, чтобы возвести свыше 238 крупных городских построек. Между 1646 и 1649 годами инквизиция выручила достаточно средств от конфискованного ею имущества, чтобы поддерживать свое существование в течение 327 лет. И это без учета ежегодной суммы на содержание в размере 10 тысяч песо, получаемой от испанской короны.

После «великого аутодафе» 1649 года инквизиция в Мексике все больше впадала в спячку, поживая на своем богатстве. К тому времени она получала огромный доход, который практически не требовал от нее никаких усилий. Среди ее главных проблем были обвинения священников в сексуальных преступлениях, например в соблазнении женщин в исповедальне. Таких преступников, однако, редко сжигали, приговаривая к наказаниям различной тяжести. В 1702 году, когда Бурбоны сменили на испанском престоле Габсбургов, инквизиция пришла в упадок. В тот год она возбудила не более четырех дел – три против двоеженцев, одно против иезуита, которому доставляло удовольствие раздевать донага находящихся под епитимьей женщин и сечь их розгами. К концу восемнадцатого столетия война за независимость в Северной Америке, а затем и французская революция обеспечили инквизиции в Мексике новый *raison d'être*. Так называемые «вольнодумцы» рассматривались как еретики. Все, относящееся к недавно сформулированным «Правам человека», все, что являлось отголоском аргументов Томаса Пейна или таких французских писателей, как Вольтер, Дидро и Руссо, осуждалось как «вольнодумство». Это также осуждалось как бунтарские настроения – опасные как для государства, так и для Церкви. Инквизиция, таким образом, начинала функционировать не только как инструмент католической ортодоксии, но и как тайная полиция государства. Ее мишенью теперь делался всякий, кто покупал, продавал, печатал, распространял, перевозил или просто читал материалы, излагавшие заразные идеи, а также всякий, кто пропагандировал их устно. Революционные книги и памфлеты, ввозившиеся из Франции, Англии или бывших британских колоний в Северной Америке, стали опасной контрабандой. Всякий, имевший отношение к такого рода контрабанде, подлежал преследованию. Как обнаружили

правительства в нашем столетии, достаточно трудно пресечь контрабанду алкоголя, табака, наркотиков и порнографии. Подавить же распространение идей в конечном счете невозможно. Сверх того, к 1810 году инквизиция в Мексике была отрезана от своего верховного органа в Испании, поскольку Испания теперь находилась под наполеоновским игом, а инквизиция в ней была распущена. Поэтому, когда в Мексике началось восстание, власти не имели ресурсов для его подавления и больше не могли надеяться на поддержку со стороны метрополии. И даже роялисты в Мексике стали проявлять к инквизиции такую же враждебность, как и революционные силы. В 1813 году наполеоновское запрещение инквизиции в Испании было подтверждено восстановленными на престоле Бурбонами. Эта мера распространялась и на испанские колонии за границей, включая Мексику, которая к тому времени уже и сама была втянута в борьбу за независимость. Когда волна революции захлестнула всю Латинскую Америку, администрация в Мексике экспроприировала всю принадлежавшую инквизиции собственность. В ее застенках не было обнаружено никаких заключенных. Двери ее дворцов распахнули для народа, который «дал выход своей ненависти». В январе 1815 года инквизиция была временно восстановлена в Мексике, когда власть в стране на короткое время перешла к роялистам. Имущество трибунала было возвращено, однако от его прежнего богатства осталось всего 773 песо и голые стены без мебели. В 1817 году состоялся последний процесс – над человеком, обвиненным в чтении запрещенных книг. Затем, в 1820 году, когда Мексика добилась независимости от Испании, инквизиция была окончательно и бесповоротно запрещена.

Лима

Учрежденная в 1571 году, инквизиция в Мексике распространяла свою юрисдикцию на Центральную Америку, на испанские владения в Северной Америке и – по другую сторону Тихого океана – на испанский доминион Филиппины. Два года раньше, в 1569 году, инквизитор прибыл в Перу, и в 1570 году в Лиме был учрежден отдельный трибунал. Его юрисдикция простиралась к югу до Чили и Аргентины и, по крайней мере в течение некоторого времени, к северу до Колумбии, Венесуэлы и Карибских островов.

Деятельность инквизиции в Перу очень близко напоминала деятельность родственного ей института в Мексике. Как и в Мексике, ересь первоначально подпадала под юрисдикцию местных епископов. Когда инквизиция была официально учреждена в 1570 году, в Лиме и Куско ожидали своего решения более ста дел. Как и в Мексике, рассмотрение всех подобных дел перешло из рук епископов в ведение собственного трибунала инквизиции, который начал свою деятельность с того, что сжег в 1573 году протестанта-француза. В Лиме также индейцы были освобождены из-под юрисдикции инквизиции. Однако в каждую местность, занятую испанскими поселенцами, были назначены представители трибунала. В Лиму по заведенному порядку передавались дела из Буэнос-Айреса (за 2 тысячи миль), а также из Сантьяго-де-Чили. И в Перу инквизиция получала большую часть своего все увеличивавшегося дохода от преследования богатых купцов. Немало богатых купцов, главным образом португальского происхождения, были арестованы в 1634 году; им было предъявлено обвинение в тайном исповедовании иудаизма, а их собственность была автоматически конфискована. В 1639 году состоялось «великое аутодафе», подобное тем, которые проводились в Мексике, и миллионы дополнительных песо были присвоены инквизицией. Эти средства, по словам одного историка, «буквально испарились, и никто не знал, куда они делись». Когда Филипп IV

Испанский узнал о масштабе конфискации, он потребовал свою долю от выручки. Инквизиция признала вырученную ею сумму, но сослалась на то, что у нее почти ничего не осталось от нее после расчета со своими кредиторами, из которых мало кто существовал на самом деле. Как и ее мексиканский аналог, инквизиция в Перу имела немалое количество досадных дел, в особенности касавшихся совращения женщин в исповедальне священниками. С 1578 по 1585 год было пятнадцать подобных случаев. К 1595 году в тюрьме находились двадцать четыре священнослужителя, обвинявшихся в том же преступлении. Один из них проявил столь бурную приапическую активность, что на него донесли сорок три женщины. Приговоры же, выносимые аморальным священнослужителям, были в целом смехотворными. Большинство просто лишались на какое-то время права причащаться или отсылались на год-два в монастырь. Как и в Мексике, законной – и менее стыдной, чем похотливые священники, – добычей были протестанты. Среди англичан на аутодафе 30 ноября 1587 года был Джон Дрейк, кузен сэра Фрэнсиса. Корабль Дрейка, обогнув мыс Горн, потерпел крушение в Тихом океане, недалеко от берегов современной Чили. Он с товарищем перебрался через горы, а затем доплыл на каноэ до самого Буэнос-Айреса. Тут их схватили и отправили снова через горы в Лиму. Во время процесса Дрейк капитулировал, принял католичество и был приговорен к трем годам жизни в монастыре. Его товарищ оказался более упрямым, его подвергли пыткам, а затем приговорили к четырем годам каторжных работ на галерах с последующим пожизненным заключением.

Английские заключенные снова фигурировали на аутодафе в апреле 1592 года, и трое были приговорены к смерти. Затем в 1593 году Ричард Хокинс, сын сэра Джона, предпринял безрассудную экспедицию против испанских укреплений на побережье Тихого океана, затем двинулся в глубь территории. Летом следующего года после сражения неподалеку от Кито, столицы современного Эквадора, он был вынужден сдаться вместе с семьюдесятью четырьмя своими соратниками. Шестьдесят два из них были сразу же отправлены на галеры. Оставшихся, в том числе самого Хокинса, доставили в Лиму и передали в руки инквизиции. Восемь из них, вместе с семью другими английскими заключенными, захваченными в плен в других местах, предстали перед судом во время аутодафе 17 декабря 1595 года. Все они обратились в католичество и благодаря этому избежали костра, впрочем, другие четыре жертвы разных национальностей были сожжены. Сам Хокинс был слишком болен, чтобы появиться на суде. Однако его имя и то уважение, которое он приобрел у испанцев, принесли ему исключительное в таких случаях освобождение от наказания. В конечном итоге он смог вернуться в Англию, где был удостоен рыцарского звания. Ближе к концу семнадцатого столетия инквизиция в Перу, подобно своему мексиканскому аналогу, становилась все более вялой, неэффективной и коррумпированной. Инквизиторы вели себя подобно знати и свободно предавались мирским удовольствиям. Один из них, к примеру, снискал себе дурную славу тем, что держал в качестве любовниц двух монашек. Как и в Мексике, инквизиция в Перу получила новый толчок от французской революции и возвышения Наполеона. Перуанские инквизиторы тоже стали ревностно изобличать политически вредоносные материалы и преследовать «вольнодумцев», франкмасонов, мнимых или реальных революционеров и всех врагов режима. В 1813 году, однако, инквизиция в Перу была запрещена реставрированной испанской монархией. Она снова была учреждена в 1815 году, однако потерянных денег себе не вернула. В 1820 году она была окончательно и бесповоротно упразднена.

Новая Гранада

Хотя первые испанские поселения были в Вест-Индии и на Карибских островах, они находились под властью Перу. Только в 1719 году было создано новое, третье по счету вице-королевство – Новая Гранада – со столицей в Картахене, что на территории современной Колумбии. Такое разделение юрисдикции в Латинской Америке было установлено сначала Церковью, а уже потом короной. В 1532 году была утверждена епископская кафедра Картахены и назначен епископ. В 1547 году Богота стала столицей провинции. Спустя шесть лет она получила статус архиепископской епархии. Колумбия, Венесуэла и Карибские острова подпадали под политическую власть вице-короля Перу, однако обладали своей собственной духовной властью. Архиепископ Боготы располагал полномочиями, сопоставимыми с полномочиями архиепископов Лимы и Мехико. Они включали, по крайней мере первоначально, и инквизиторские полномочия. Так, в 1556 году архиепископ издал указ о том, что в его епархии нельзя продавать и даже иметь у себя никакие книги, за исключением тех, которые были изучены и одобрены Церковью. Как уже отмечалось, в 1570 году в Лиме инквизиция учредила собственный независимый трибунал, обладавший полномочиями на территории всех испанских владений в Латинской Америке южнее Панамы. В 1577 году трибунал в Лиме направил инквизитора в Боготу. Этот человек быстро приобрел дурную славу. Он яростно враждовал с архиепископом. Он регулярно держал женщин в своих апартаментах и нередко жестоко с ними обращался. Местные монахи запретили ему доступ в свою обитель из-за его «распутных речей». Один из его преемников пошел еще дальше и снискал себе репутацию развратника за «адюльтеры и инцесты со служанками, женами и вдовами, матерями, дочерьми и сестрами». В 1608 году инквизиция в Испании учредила новый, отдельный трибунал в Картахене, снабдив его полномочиями, сравнимыми с полномочиями трибуналов Лимы и Мехико. Его власть простиралась от Панамы, Колумбии и Венесуэлы до Гвианы и Вест-Индии. Новый трибунал вскоре стал даже более коррумпированным, чем трибуналы в Лиме и Мехико. В течение более столетия поблизости не было вице-короля, чтобы держать его в узде. А когда в 1719 году было наконец создано вице-королевство Новая Гранада, картахенская инквизиция была слишком сильна, чтобы позволить вмешиваться в свои дела. Первое аутодафе состоялось в феврале 1614 года. Тридцать жертв были проведены через город и осуждены за различные незначительные провинности. Желая посостязаться в помпезности и зрелищности с аутодафе в Лиме и Мехико, картахенские инквизиторы отнеслись к своим обязанностям с небывалой серьезностью, и «многословие было таково, что церемонии продолжались с половины десятого утра до позднего вечера».

К семнадцатому столетию состав населения Вест-Индии и Карибского побережья Латинской Америки был более разнородным и разнообразным в культурном и расовом отношении, чем в других испанских колониях. Помимо испанских и португальских поселенцев тут были индейцы самых разных племен и народностей, а из-за доступности региона для морского сообщения здесь было больше европейцев – итальянцев, англичан, французов, голландцев, – чем в Мексике или Перу. Во времена начального завоевания Карл V правил не только Испанией, но также и Священной Римской империей, и потому многие из ранних конкистадоров были немецкого и австрийского происхождения. К 1600 году их потомки составляли крупную немецкую общину. И наконец, постоянно росло количество черных рабов, привозимых из Африки. В Вест-Индии и вдоль Карибского побережья, в городах вроде Картахены, Маракайбо и Каракаса, люди разных культур,

рас и национальностей проживали в близком соседстве, подчас в прямом родстве. Люди со смешанной кровью составляли все более значительную часть населения. А физиологическое скрещивание неизбежно сопровождалось скрещиванием идей и религиозных верований, из которого выросло – в разных своих проявлениях и обличьях – «вуду». А иногда это порождало и причудливые сплавы христианства и древних индейских верований.

Привозимое из некатолических стран Европы эзотерическое учение – к примеру, розенкрейцерство – находило в этом регионе благодатную почву для своего развития. Результатом становилась гибридизация, гораздо более сложная, чем относительная «чистота» Мексики и Перу. По крайней мере в теории такая ситуация должна была предоставить инквизиции в Картахене обширное поле деятельности. На практике, однако, она оставалась сравнительно инертной, упоенно вкушая плоды своей коррумпированности. Иногда только она вдруг начинала вновь развивать бурную деятельность. Так, например, в первой половине семнадцатого столетия колдовство стало временным *cause celebre* [19] – особенно, утверждалось, среди черных рабов, занятых на рудниках. На аутодафе в марте 1634 года перед судом по обвинению в мнимом колдовстве предстал двадцать один человек. Большинство, впрочем, отделались наказанием плетью и штрафами. Одного человека пытали в течение 90 минут, что привело к его смерти. Двоих приговорили к сожжению, однако Супрема в Испании отказалась утвердить эти приговоры и даже освободила одного из обвиняемых. В марте 1622 года по обвинению в протестантизме был сожжен англичанин. Согласно отчетам современников, он не был прикован цепью к позорному столбу по заведенному обычаю, а «спокойно сидел на вязанке хвороста и оставался неподвижным, пока не испустил дух». В 1636 году и вновь в 1638 году картахенская инквизиция, подобно своим аналогам в Лиме и Мехико, обратила свое внимание к богатым португальским купцам, которых обвинили по заведенному порядку в исповедовании иудаизма. Конфискованное в результате арестов имущество принесло огромные барыши. Удовлетворившись полученными доходами, инквизиция впала в глубокую и продолжительную спячку. С 1656 по 1818 год она даже не удосуживалась издавать ежегодный «эдикт веры». Спячка была грубо прервана в 1697 году, когда французские каперы захватили Картахену и подвергли город разграблению. Едва ли не первым делом они ворвались во дворец инквизиции, захватили официальные знаки отличия трибунала и предали их огню, устроив пародийное аутодафе. Деморализованная этим ударом, инквизиция в Картахене так полностью и не оправилась. Сорок четыре года спустя ей был нанесен еще один ощутимый удар. В 1741 году «Война за ухо Дженкинса» [20], наиболее странный и сюрреалистичный из военных конфликтов, переросла в войну за австрийское наследство.

В начале марта британская эскадра под командованием адмирала Вернона установила блокаду Картахены. Предприняв нерешительную попытку высадиться на берег и получив отпор, британский адмирал удовольствовался тем, что в течение месяца подвергал город артиллерийскому обстрелу, который оставил неизгладимый след в памяти местных жителей. Так, это событие фигурирует в повести Габриэля Гарсии Маркеса «О любви и других демонах», изображающей коррупцию и блуд картахенской инквизиции в последней трети восемнадцатого столетия. Во время обстрела Картахены британским флотом дворец инквизиции был полностью разрушен. Его отстроили только спустя двадцать пять лет. К тому времени на горизонте уже маячила революция, а с ней и гибель инквизиции. Но картахенская инквизиция оказалась вялой даже в сопротивлении революции,

которая угрожала ей уничтожением. В 1789 году был опубликован испанский перевод французской «Декларации прав человека и гражданина». Неудивительно, что он тут же был запрещен, так как в нем увидели опасность для стабильности и порядка в обществе и призыв к самой зловредной форме ниспровержения существующего порядка – терпимости. В 1794 году, когда во Франции установилось царство террора, вице-короли Новой Гранады и Перу написали своим инквизиторам, требуя, чтобы все экземпляры вредоносного текста были разысканы и уничтожены. После якобы длительных и прилежных поисков картахенская инквизиция заявила, что не нашла ни единого экземпляра. Едва ли имеет значение, происходила ли эта нерасторопность от безразличия или от тайного сочувствия революционному движению. Инквизицию в Картахене вскоре постигла та же судьба, что и ее аналоги в Мексике и Перу. В 1810 году произошло первое народное восстание, и картахенская инквизиция, ненавидимая буквально всеми жителями города, стала главной мишенью. После восстановления на краткое время она была снова упразднена в 1820 году наряду со своими аналогами в других местах. В 1821 году победу одержали революционные силы, и вице-президент только что образованных Соединенных Штатов Колумбии официально объявил об отмене инквизиции. Вскоре после этого конгресс молодой страны провозгласил, что инквизиция «уничтожена раз и навсегда».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

В то время как дым костров испанской инквизиции зловонным облаком распространялся с Иберийского полуострова на Новый Свет, изначальная, более древняя папская инквизиция продуктивно действовала в других местах Европы. Она нашла новую мишень и взялась за дело с новой энергией. Ее усердное служение этой новой цели в последовавшие столетия унесло больше жизней, чем крестовые походы против альбигойцев. Вопреки традиционной истории, расхожим мнениям и представлениям, Церковь никогда по-настоящему не имела, как ей того хотелось, полного господства над народами Западной Европы. Конечно, ее власть признавалась повсеместно. Она могла призвать любого – крестьянина или монарха – к ответу. Могла разделить континент на епархии, могла заставить людей покупать индульгенции, могла добиться того, чтобы ей платили десятину. Могла наказать всякого, кто восставал против ее догматов или кого ей вздумалось обвинить в этом. Могла принудить целые общины посещать мессы и соблюдать другие установленные ею обряды и ритуалы, священные дни, посты и праздники. И даже могла добиться значительной добровольной верности в обмен на предлагаемое ею утешение и обещаемое загробное вознаграждение. Но в том, что сейчас называют «сражением за сердца и умы», ее успехи были не столь безоговорочны. Хотя было немало сердец и умов, которые всерьез воспринимали Богоматерь и святых, было немало и тех, для кого Богоматерь и святые являлись всего лишь новыми масками, новыми обличьями, новыми ликами гораздо более древних божеств или принципов. И было немало других сердец и умов, которые продолжали сохранять неразрывную связь с язычеством. Еще в двенадцатом веке Церковь объявляла крестовые походы против языческих племен Пруссии и Прибалтики, проживавших на территории будущей Померании, Литвы, Латвии и Эстонии. В рамках собственной установленной сферы влияния, однако, Церковь в лучшем случае провела только ряд упреждающих выпадов против так называемых «сил тьмы» – тех зловещих, пугающих, злокозненных сил, которые таились, казалось, в мрачных лесах, все еще покрывавших немалую часть

суши. Для благочестивых христиан эти леса и тьма, которая с ними ассоциировалась, скрывали бесчисленные формы зла и служили неприступным оплотом дьявола. Окруженные такими лесами, города и селения, не говоря уже об оторванных от мира аббатствах и монастырях, были вроде духовных форпостов, затерянных среди дикой природы враждебной страны, нередко осаждаемых со всех сторон вражескими силами. В действительности же скрывавшиеся лесами силы были всего-навсего силами природы и природного мира – «нераскаившимися» силами в глазах Церкви. Давно известно, что боги любой религии имеют тенденцию превращаться в демонов той религии, которая приходит ей на смену. До прихода христианства на территориях Римской империи был распространен культ бога Пана, считавшегося верховным божеством, господином природного мира. Пан, изображавшийся с козлиными рогами, хвостом и копытами, властвовал над буйной, дикой, не признающей жалости и внешне хаотичной жизнью природного мира. Он пользовался исключительными прерогативами в вопросах сексуальности и плодородия. С помощью Церкви Пан был демонизирован и наделен демоническими характеристиками. Прецеденты таких превращений имелись в изобилии. Приведем только один пример. Столетиями раньше финикийская богиня-мать Астарта была подвергнута принудительной смене пола и трансформирована в демона Аштарота. С падением Римской империи большинство сельских жителей Европы продолжали почитать Пана или его порой более древних аналогов в той или иной форме – к примеру, как Эрне Охотника, как рогатого бога Кернунна, как Робина Лесного Разбойника или Робина Доброго Малого, которые в конце концов слились в образе Робина Гуда.

И не одного Пана. Вдоль границ современных Франции и Бельгии римская богиня Луны и охоты Диана была известна как Диана Девяти Огней и объединялась с ее древней предшественницей Ардуиной, от которой ведут свое название Арденны. Подобные божества продолжали почитаться, несмотря на появление и наступление христианства. Европейские сельские жители могли посещать по воскресеньям церковь, слушать мессу и усваивать на каком-то уровне своего сознания обряды и учения Рима. Но в то же время они по-прежнему оставляли блюда с молоком и делали многие другие подношения, дабы задобрить древние силы, таящиеся в окружающих их лесах. И украдкой обращались в соответствующие дни года к Вальпургиевой ночи, или «шабашу ведьм», к языческому наблюдению за солнцестояниями и равноденствиями, к ритуалам плодородия, к праздникам и карнавалам, в которых заметную роль играли боги древней религии, пусть и в закамуфлированной и христианизированной форме. К тому же почти в каждой общине неизменно была по крайней мере одна пожилая женщина, почитаемая за свою мудрость, свое умение предсказывать счастье или заглядывать в будущее, свои навыки повивальной бабки. К ним часто обращались за советом в сокровенных делах, особенно женщины, с большей охотой, чем к местным священникам. Священник олицетворял силу, которая могла определить посмертную судьбу и долю человека. Но было немало житейских ситуаций, для которых эта сила зачастую представлялась чересчур величественной, чересчур грозной, чересчур суровой, чересчур абстрактной или недостижимой, чтобы докучать ей. Сельская же «старая ворожея» указывала путь к более близким и достижимым силам. Именно с ней, а не со священником, советовались по таким вопросам, как погода и урожай, благополучие скота, личное здоровье и гигиена, сексуальность, зачатие ребенка и роды. С самого начала своего утверждения в Европе Церкви приходилось мириться со следами и пережитками язычества – от эльфов, гномов, троллей и фей до его величества рогатого бога. Время от времени она делала

попытки демонизировать и искоренить их. Например, в документе девятого века упоминается «демон, именуемый сельскими жителями Дианой» и утверждается: «Некоторые дурные женщины, обратившиеся к сатане... признают, что ездят по ночам с Дианой на спине неких животных». Чаще же Церковь шла на временный компромисс со своими языческими предшественниками и при каждом удобном случае стремилась произвести их подмену. К примеру, ирландская богиня Бриггита, покровительница огня, была успешно замещена мнимой святой с тем же именем. Так, церкви и христианские усыпальницы по обыкновению возводились в местах, прежде священных для тех, кто поклонялся языческим божествам. В 601 году н. э. папа Григорий I ввел эту практику почти на правах официальной политики. В письме к аббату папа писал, что пришел «к заключению, что капища идолов среди тех людей ни в коем случае не следует уничтожать. Идолы должны быть уничтожены, но сами капища надобно окроплять святой водой, устанавливать в них алтари и помещать там мощи святых. Ибо если эти капища хорошо построены, их нужно очистить от поклонения демонам и посвятить служению истинному Богу. Мы уповаем, что тем самым те люди, видя, что их капища не разрушены, могут оставить свое заблуждение и, быстрее хлынув к своим излюбленным и привычным местам, могут узнать и возлюбить истинного Бога. А коль скоро они имеют привычку приносить в жертву демонам многочисленных быков, пусть ее заменит какое-то другое торжество, такое, как день освящения или праздники святых мучеников, чьи мощи покоятся там в раках».

Инквизиция дала Церкви возможность занять более агрессивную политику, развернуть наступление на остатки язычества. Вследствие этого прежняя вынужденная терпимость была отброшена, уступив место преследованиям. Эльфы, гномы, тролли и феи были осуждены и определены как демоны или демонические силы. Рогатый бог природы – Лесной Человек в его различных обликах – был трансформирован в Сатану. Участие в древних языческих ритуалах было названо колдовством или ведовством. А вера в колдовство или ведовство была официально объявлена ересью – со всеми вытекающими отсюда последствиями. По словам историка Кита Томаса:

«Ведовство стало христианской ересью, величайшим из всех грехов, поскольку подразумевало отказ от Бога и сознательное служение его злейшему врагу».

С помощью того, что историк Хью Тревор-Роупер именуется «средством расширенного определения ереси», языческие основы европейской цивилизации были поставлены под юрисдикцию инквизиции. По сути дела, эта юрисдикция распространялась даже на стихийные бедствия. Голод, засуха, наводнение, чума и другие подобные явления больше не объяснялись естественными причинами, но действием inferнальных сил. Не только сумасшествие, но даже припадки гнева или истерии стали приписывать одержимости дьяволом. Эротические фантазии теперь трактовались как посещения инкубов или суккубов. Повивальные бабки и традиционные сельские «знахарки» – ведавшие секреты лекарственных трав или дававшие мудрые житейские советы – были заклеены как ведьмы. Повсюду начали пропагандироваться страх и паранойя, пока последние не поработили всю Европу. И в этой атмосфере повсеместного террора десяткам, а возможно, даже сотням тысяч людей суждено было пасть жертвами санкционированного и узаконенного Церковью массового убийства.

Молот ведьм

В течение столетий Церковь пребывала в глубоком замешательстве в отношении к колдовству. Большинство священников, особенно в сельской местности, были малообразованны и редко

покидали местное население, из которого происходили сами. Вследствие этого они разделяли безоговорочную веру местного населения в реальность колдовства – в способность деревенской ворожеи, к примеру, использовать оккультные силы, чтобы губить урожай, наводить порчу на скот, вызывать загадочную смерть. Не важно, соблюдали они обет безбрачия или нет, они вряд ли хорошо разбирались в вопросах гинекологии, и многим из них, несомненно, было не по себе от того, что, очевидно, казалось нечистыми сложностями женского устройства. Своим умением управляться с такими вещами, доверием и расположением, которые она вызывала в других женщинах, деревенская ворожея почти ежедневно являла священнику практическое и наглядное доказательство его собственной беспомощности и никчемности.

Для таких священников колдовство было бесспорной реальностью – и такой, которая разжигала чувство соперничества и негодования. Вплоть до конца пятнадцатого столетия, однако, официальный догмат Церкви отрицал реальность колдовства. Гибель урожая, болезнь скота, необъяснимая смерть могли быть приписаны работе дьявола или природным причинам, но не деревенской ворожее. Что касалось официальной доктрины Церкви, колдовство считалось обманом, который сеял Дьявол. Греховным, следовательно, было не само колдовство, а вера в него и все те действия, которыми она сопровождалась. Вследствие своей веры в колдовство «ведьма отказалась от христианской веры, отреклась от своего крещения, стала почитать сатану как своего Бога, предалась ему душой и телом и сделалась его инструментом в совершении зла... которого он не способен совершить без человеческого посредничества».

Еще в девятом столетии рассказы о полетах ведьм на свой шабаш были объявлены Церковью фантазией – но всякий, разделявший подобную фантазию, считался утратившим веру и тем самым оказывался «неверным и язычником». Это положение впоследствии будет включено одним из пунктов в каноническое право. Предполагалось, что те, кто верил в колдовство, утратили веру и впали в заблуждение. Поскольку оно являлось результатом утраты веры, то утверждалось, что подобное заблуждение составляло ересь. Примерно в середине пятнадцатого столетия позиция Церкви начала меняться. В 1458 году один инквизитор, некто Николай Жакерии, доказывал, что «существующая секта ведьм» совершенно отличается от еретиков, указанных в соответствующих разделах канонического права. Другими словами, настаивал инквизитор, власть, которой обладали ведьмы, была очень реальной и не могла считаться фантазией. В 1484 году Церковь радикальным и роковым образом поменяла свою позицию. Папская булла, датируемая тем годом, полностью пересмотрела прежнюю позицию Церкви и официально признала мнимую реальность колдовства. В этой булле папа писал:

«С великой скорбью осведомились мы, что в некоторых частях Германии, особенно в областях Майнца, Кельна, Трира, Зальцбурга и Бремена, весьма многие особы как мужского, так и женского пола, не заботясь о собственном спасении, отвернулись от католической веры, имеют греховные половые связи с демонами, принимающими облик мужчин или женщин, и своими колдовскими действиями, песнями, заклинаниями и другими внушающими ужас и отвращение волшебными средствами наводят порчу, губят рождаемое женщинами, приплод животных, плоды земли, виноградники и плодовые сады, а также мужчин, домашних и других животных, виноградные лозы, фруктовые деревья, луга, посевы и урожай».

Спустя семь лет, в 1491 году, Кельнский университет выпустил предупреждение, что всякое

оспаривание реальности колдовства «повлечет за собой грех противодействия инквизиции». С помощью псевдологических доводов это положение было вскоре после того превращено в неоспоримое инквизитором из Комо, который заявил, что «многие люди были сожжены за посещение шабаша, что не могло быть сделано без согласия папы, а это является достаточным доказательством того, что эта ересь была реальной, ибо Церковь наказывает только явные преступления». По словам современного историка:

«Не удовлетворяясь более обвинениями в ведовстве или даже предположением, что ведовство по своему существу означало дьявольскую магию, судьи желали теперь изображать колдунов как участников дьявольского заговора против христианской веры и христианского общества. Колдун, занятый только причинением вреда конкретным врагам, уступал место сообществу ведьм, приверженных гибели христианского мира».

В прошлом было ересью верить в колдовство. Теперь, в одно мгновение, ересью стало не верить. Уже имелась машина, от которой никому, кого Церковь желала счесть опасным, не было спасения. Повсеместно была создана атмосфера массовой паранойи. И теперь можно было призывать к ответу козлов отпущения даже за природные катаклизмы, тем самым реабилитируя и Бога, и дьявола. Если учесть яростное женоненавистничество инквизиторов, то этими козлами отпущения почти неизменно должны были становиться женщины. В булле от 1484 года, которая официально признавала реальность колдовства, папа Иннокентий VIII особо упомянул двух людей:

«И хотя возлюбленные сыны наши Генрих Инститорис и Яков Шпренгер... нашим апостольским посланием были назначены инквизиторами... С великим попечением мы поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они всякого, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества».

Генрих Инститорис был доминиканцем и около 1474 года уже назначался инквизитором в Зальцбург и Тироль. В Зальцбурге он служил духовным наставником доминиканской церкви. В 1500 году он был назначен папским нунцием и инквизитором в Богемию и Моравию. Его коллега Яков Шпренгер также был доминиканцем, приором монастыря ордена в Кельне. В 1480 году он стал деканом теологического факультета Кельнского университета. Годом позже его назначили инквизитором в области Кельна, Майнца и Трира. В 1488 году он стал главой всей немецкой епархии доминиканского ордена. Около 1486 года, примерно через два года после того как они были упомянуты в булле папы Иннокентия VIII, Генрих Инститорис и Яков Шпренгер выпустили книгу. Этот текст безусловно должен стоять в ряду самых постыдных и непристойных – в самом глубоком моральном значении этого слова – произведений во всей истории западной цивилизации. Книга имела название «Маллеус Малефикарум», «Молот ведьм», подразумевавшее молот для использования против ведьм, и более чем на 500 страницах современного издания и в самом деле вполне буквально являла собой молот. Популярность ее была такова, что к 1520 году, спустя всего лишь тридцать четыре года после своего появления, она выдержала тринадцать изданий. С тех самых пор ее не устают переиздавать, и, как ни дико, все еще находятся люди, которые принимают ее всерьез. Еще совсем недавно, в 1986 году, она была заново переведена на английский язык и сопровождается восторженным панегириком Монтагю Саммерсом, эксцентричным эзотериком, претендующим на посвященность, и самозванным экспертом по вампирам и оборотням. По словам Саммерса, «Маллеус» – «в числе самых важных, мудрых и весомых книг мира». На случай, если

такая похвала покажется слишком сдержанной или слишком умеренной, Саммерс заключает: «Это произведение, которое неотразимо пленяет внимание всех тех, кто думает, всех, кто видит – или стремится увидеть, – конечную реальность за акциденциями материи, времени и пространства». С профессиональными, жуткими и подчас порнографическими подробностями «Маллеус» берется описать предполагаемые проявления колдовства. Книга притязает на то, чтобы быть авторитетным самоучителем не только для инквизиторов, но и для судей, магистратов, светских властей разного рода и – шире – всякого достаточно неуравновешенного психически гражданина, склонного подозревать вокруг себя присутствие колдовства. В действительности же она являет собой руководство по сексуальной психопатологии и служит наглядной иллюстрацией патологической фантазии, вырвавшейся из-под контроля на волю. С одержимостью, суть которой тут же бы стала очевидной любому современному психологу, – и даже с любованием – в тексте живописуются сокоупления с дьяволом, половая связь с инкубами и суккубами, другие различные формы эротических переживаний и сексуальной деятельности (или бездеятельности), приписываемой извращенным воображением демоническим силам. В тексте предлагаются методы постановки диагноза и определения прогноза. Описываются терапевтические процедуры и якобы целительные наказания. Приводятся формулы и рецепты экзорцизма [21]. В своей трактовке заявленной темы книга претендует на поистине энциклопедический размах и масштаб. И, по сути дела, она стала разновидностью суррогатной Библии для инквизиторов и не только для них одних. Как говорит в своем неуместном панегирике Монтагю Саммерс – на этот раз справедливо, – «Маллеус» «лежал на скамье каждого судьи, на столе каждого магистрата. Он был последней инстанцией, неоспоримой и не подлежащей сомнению. Неявным образом он признавался не только католическим, но и протестантским законодательством». «Маллеус» начинается с открытого заявления о том, что «утверждение о существовании ведьм является настолько католически верным, что упорное отрицание его должно считаться определенно еретичным». В этом слышится явный отзвук папской буллы 1484 года, которая пересмотрела предыдущую позицию Церкви, официально признав пресловутую реальность колдовства. Заявив о своей основной посылке, «Маллеус» идет дальше: «Вот в таком случае каково наше основное положение: демоны своим искусством действительно вызывают пагубные последствия через колдовство, однако верно, что без помощи какого-то посредника они не способны произвести какой-либо формы... и мы не утверждаем, что они способны причинить вред без помощи какого-то посредника, но с таким посредником могут быть вызваны болезни и другие человеческие страдания или страсти, и они настоящие и реальные». Другими словами, inferнальные силы беспомощны сами по себе. Они способны творить зло только с помощью какого-то человеческого посредника. А потому теперь вина за невзгоды, прежде приписываемые неисповедимым поступкам Бога, процессам природного мира или козням дьявола, недоступного для власти инквизиции, возлагается на людей. Теперь, случись что не так в отлаженном функционировании мира вещей, всегда можно наказать кого-нибудь за это. Согласно свободно-ассоциативной логике «Маллеуса», ведьмы, обладающие наибольшей властью, способны насылать град и бури. Способны вызывать молнию и заставлять ее поражать людей и животных. Способны также вызывать чуму. Способны убивать детей, принося их в жертву демоническим силам. Когда никто не видит, способны делать так, чтобы дети падали в воду и тонули. Способны принудить лошадь взбеситься под своим седоком. Способны возбуждать в людях как сильную

любовь, так и сильную ненависть. Способны убивать людей или животных взглядом – так называемым «дурным глазом». Способны прорицать будущее. Способны переноситься по воздуху, «телесно либо мысленно». «Маллеус» признает, что некоторые инквизиторы могут оказаться нерешительными в вынесении наказания, хотя бы из-за боязни колдовских действий против себя, упреждающих или ответных мер со стороны ведьм. Поэтому он спешит заверить, что ведьмы «не могут повредить инквизиторам и другим служителям, поскольку они осуществляют общественное правосудие. Можно было бы привести много примеров в доказательство этому, но время этого не позволяет».

Время явно подгоняло. Авторам «Маллеуса» надо было написать еще около 500 страниц, развить и подкрепить свой тезис. Посему они удовлетворились дополнительным небольшим заверением: «Три рода людей пользуются настолько милостью Божией, что с ними ничего не может поделать это отвратительное отродье своим колдовством: 1) кто выполняет обязанности общественного суда против ведьм или выполняет какую-либо другую общественную службу против них; 2) кто охраняет себя, согласно принятым священным обрядам, как то – окроплением святой водой, принятием освященной соли или посредством освященной в день Сретения Господня свечи... 3) кто различными и бесчисленными средствами пользуется милостью через святых ангелов».

Другими словами, у Церкви имеются свои собственные суеверия, свои собственные магические ритуалы и обряды, которые выше по своей природе, просто потому что исходят от Церкви. А в лице «святых ангелов» Церковь имеет своих собственных бестелесных оккультных союзников, которые по природе своей более сильны, чем бестелесные оккультные союзники ведьмы. «Подобными же средствами и Церковь изгоняет бесов, и вообще они самые действительные средства для охранения себя от нападения ведьм». «Маллеус» являет собой воинствующее – по сути психопатическое – женоненавистничество. Какую бы неустранимость ни демонстрировали авторы текста в борьбе с невидимыми силами, они боялись женщин до такой степени, что это граничило с сумасшествием. Женщины, на взгляд авторов, слабы от природы и почти по определению «порочны». Женщина «всегда обманывает, так как она лишь несовершенное животное». Она «более неустойчива» в религиозной вере. Она «от природы расположена ко лжи». Ее вид «красив, прикосновение противно, сношение с ней приносит смерть». В сущности, она виновата буквально во всем: «Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду». Если на особом подозрении были красивые женщины, то также подозревали и повивальных бабок с их сокровенным знанием о том, что инквизиторами воспринималось как недоступные пониманию женские тайны. В случае появления мертворожденных детей по обыкновению считалось, что они убиты повивальной бабкой для принесения в жертву дьяволу. Если ребенок рождался калеккой, с деформированными членами, больным или даже плохо вел себя, то это точно так же объяснялось колдовством повивальной бабки. В силу того доверия, которое она вызывала у других женщин, и той конкуренции за влияние среди прихожан, которую она составляла священнику, повивальная бабка оказывалась идеальной мишенью. На повивальной бабке инквизитор мог безнаказанно тренировать и оттачивать свои садистские навыки.

«Маллеус» безжалостен в своем отношении к девушкам, которых соблазнили, а затем бросили: «Падшие девицы, покинутые своими любовниками, которым они отдавались ради обещания жениться на них, потеряв всякую надежду и отовсюду встречая только позор и стыд, обращаются к

помощи дьявола».

Однако никаким позором не клеймится сам соблазнитель, разве что, как подразумевает «Маллеус», он может стать жертвой происков ведьмы. «Маллеус» с готовностью толкует как колдовство всякое поведение, которое не могут объяснить его авторы-клирики, – поведение, которое могло не предполагать ничего зловещего, кроме действий наркотических средств, таких, как спорынья или «волшебные грибы», женской мастурбации или всего лишь чувственного принятия солнечных ванн: «Часто многие видели на полях и в лесах, как ведьмы лежали на спине оголенные ниже пупка и, придав членам соответствующее непотребству положение, двигали бедрами и голеньями, в то время как демоны-инкубы действовали невидимо для окружающих».

При этом книга предлагает объяснение, которое, должно быть, проливалось елей на оскорбленную гордость немалого числа обманутых мужей:

«Но известно, что случается и так: мужья видят инкубов, которых они, однако, принимают не за демонов, но за мужчин, проделывающих непотребство с их женами, схватывают оружие и хотят проколоть их, но демон исчезает, сделавшись невидимым».

«Маллеус» обращается и ко многим другим проявлениям и ритуальным приемам колдовства. Повествует о якобы бытующей практике убийства, приготовления и поедания детей. Описывает различные пути, которыми ведьмы связывают себя с демоническими силами. Обсуждает обряд втыкания иголок в восковые изображения. Вновь и вновь, однако, с одержимой целеустремленностью неуправляемого снаряда, книга возвращается к вопросам сексуального рода. Подчас навязчивое повествование о явлениях сексуального свойства переходит в возбужденное фантазирование. В книге, к примеру, говорится «о тех ведьмах, которые собирают мужские члены в большом количестве, до двадцати или тридцати членов зараз, и скрывают их в птичьем гнезде или ящике, где они движутся, как живые, и принимают пищу». Подобные чувственные образы приписываются дьявольскому наваждению, порождаемому «воздействием на способность воображения посредством перемещения чувственных образов». Однако невольно закрадывается подозрение, что авторы сего труда и сами принимали какое-то психотропное средство, хотя бы для того чтобы измыслить подобные вещи, либо обладали воображением более извращенным и воспаленным, чем воображением Босха [22].

Авторы «Маллеуса» особенно одержимы совокуплениями с бестелесными демоническими сущностями – с инкубами (мужскими) и суккубами (женскими). Подобные сексуальные отношения с бесплотными существами зачастую могли быть не чем иным, как ночной поллюцией. В силу этого авторы книги уделяют большое внимание мужскому семени. Во всех подробностях они исследуют вопрос о том, как именно демоны совершают половой акт. Рассматривают вопрос о том, «всегда ли это сопровождается излиянием семени». Если это так, то, вопрошают авторы, откуда берется семя – является ли оно, например, дьявольским по своей природе или же похищается у смертных мужчин. Затем скрупулезному рассмотрению подвергается вопрос качества семени. По каким критериям демоны выбирают мужчин, у которых берут семя? Могут ли демоны собирать извергаемое во время «невинной» ночной поллюции семя и, так сказать, использовать его повторно? Ни одна возможность не оставляется неисследованной. Для авторов «Маллеуса» совокупление с бестелесной сущностью было особо тяжким и мерзким преступлением. В их глазах оно представляло собой богохульственную пародию на непорочное зачатие, то действие, посредством которого был зачат

святым духом Иисус. Через четыре столетия прозаик Карл Гюйсманс [23] будет строить догадки о таинственном, якобы не подлежащем упоминанию и неискушимом «грехе против Святого Духа» – том самом грехе, за который, как утверждалось, не было прощения. Гюйсманс определил этот грех – природа которого держалась Церковью в строжайшей тайне – именно как богохульственную пародию на непорочное зачатие, порождаемую сексуальными отношениями с бестелесной сущностью. Вполне возможно, что он был прав, а эта страшная тайна, возможно, была не такой уж тайной, каковой притязала быть. К примеру, в «В трагической истории доктора Фауста» Марло [24] – написанной в ту пору, когда «Маллеус», изданный столетием раньше, был все еще широко в ходу, – Фауст прибегает к дьявольскому посредничеству, чтобы вызвать бесплотную тень Елены Троянской. Тень Елены была бы определено отнесена к разновидности суккуба. И именно после плотского соединения с нею роковым образом решается его судьба, и он окончательно и бесповоротно осуждается на вечные муки.

Процессы над ведьмами

Вооруженная «Маллеусом», инквизиция принялась насаждать царство террора по всей Европе. В своих расследованиях и допросах она придерживалась простого критерия доказательства вины. Все, что клятвенно подтверждалось двумя или тремя свидетелями, признавалось правдой и полностью доказанным. Эффективно использовались каверзные вопросы, предназначенные для того, чтобы загнать в ловушку подозреваемого и свидетеля. Так, например, подозреваемого могли спросить, «верит ли он в существование ведьм и в то, что могут вызываться бури или околдовываться люди или животные. Отметь, что в большинстве случаев ведьмы поначалу отрицают это». Если же подозреваемый все-таки отрицает, что верит в колдовство, следует другой вопрос, захлопывающий ловушку: «В таком случае они безвинно осуждены, когда их сжигают? И подозреваемый должен ответить». Неважно, что отвечает подозреваемый, он уже обречен, ведь неверие в колдовство само по себе ересь.

При взятии ведьмы под стражу принимались всевозможные предосторожности, чтобы нейтрализовать ее чары. Дабы не допустить того, чтобы она соприкасалась с землей, а через нее с силами преисподней, ее следовало вносить в корзине или на плечах. В камеру суда ее полагалось вводить лицом назад, спиной к судье, чтобы не позволить ей околдовать его взглядом. Судьи и их помощники на процессе должны были следить за тем, «чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья их рук». Судьям также рекомендовалось носить у себя на шее соль, освященную в Вербное воскресенье, освященные травы и воск. Несмотря на повторяемые заверения о том, что инквизиторы и судьи защищены от колдовского влияния, надлежало всячески ограждать себя от него.

Процесс велся с немалой психологической изощренностью. Используемые приемы демонстрируют изрядные познания инквизиторов в деле вытягивания или вырывания информации. Инквизиторы сознавали, что ум подчас может быть самым страшным своим врагом, что в одиночестве и изоляции может рождаться страх, который нередко способен приносить не менее богатые плоды, чем физическая жестокость. Самый очевидный пример – страх пытки. Поэтому его внушали, поддерживали и доводили до панической формы, которая делала излишней саму пытку. Если обвиняемый тут же не признавался, ему сообщалось, что его ждет допрос с применением пытки. Однако пытка следовала не сразу. Вместо этого «Маллеус» советует, чтобы «обвиняемого

раздели. Если это женщина, то пусть ее отведут сначала в камеру для наказаний и разденут там надежные почтенные женщины».

Ее судьи могли затем «приступить к умеренным пыткам, не прибегая к кровопролитию», однако только после того, «как подержат в состоянии неопределенности, постоянно откладывая день допроса и часто прибегая к словесным увещаниям». Инквизитора поощряют использовать такие теперь знакомые методы, как «суровые» и «мягкие» служители Фемиды:

«Пусть он велит помощникам связать ее веревками и подвергнуть ее какой-нибудь пытке, а затем пусть заставит их подчиниться – сразу, но не радостно, скорее с видом, будто они расстроены своей обязанностью. Затем пусть ее снова освободят по чьей-нибудь настойчивой просьбе, отведут в другую комнату и снова станут увещевать сказать правду. При этом пусть ей пообещают, что она не будет предана смерти, если сознается».

«Маллеус» пропагандирует откровенное двуличие. Ведьма может быть оставлена в живых, но приговорена к пожизненному заключению на хлебе и на воде.

«Но ей не надо сообщать, что она будет содержаться в тюрьме. Ее надо лишь уверить, что жизнь будет ей сохранена и что на нее будет наложено некоторое наказание».

Но и для того, чтобы добиться этого двусмысленного помилования, она должна была выдать и назвать других ведьм. Впрочем, спешит уточнить «Маллеус», первоначальное обещание жизни на самом деле выполнять не обязательно. С ведьмой дозволено обращаться бесчестно, и многие инквизиторы «полагают, что это обещание надо держать лишь некоторое время, а потом ведьму все же следует сжечь».

Либо считается возможным, «чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, но смертный приговор обязан вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни».

Когда ведьму возвращают в ее камеру после пытки, «судье следует также позаботиться о том, чтобы заключенная все время между пытками была под наблюдением стражи. Ведь черт посетит ее и будет ее искушать наложить на себя руки».

Иными словами, самоубийство или попытку самоубийства под влиянием агонии и отчаяния тоже надлежит интерпретировать как результат действия дьявола и, следовательно, как вящее доказательство вины. Тем самым инквизиторы снимали вину с себя. Когда женщины пытались покончить самоубийством, втыкая себе в голову булавки, которыми скреплялись платки на голове, «то, поднявшись к ним, мы заставляли их в таком положении, словно они хотели воткнуть их нам в головы». Даже такие проявления крайнего отчаяния были бы приписаны зловредному намерению и истолкованы в пользу следствия.

В любом случае самоубийства или попытки к самоубийству были, судя по всему, довольно частым явлением. «Маллеус» отмечает, что «многие ведьмы, после того как под пыткой признаются в своих преступлениях, всегда пытаются повеситься». А «когда стражники проявляли небрежение, их обнаруживали повесившимися на завязках от ботинок или одежде».

Если же, несмотря на продолжительную пытку, ведьма по-прежнему отказывается сознаться, «Маллеус» рекомендует пускаться на более причудливые уловки. Например, ведьму могли отвезти в замок, владелец которого «делает вид, что уезжает. В это время к обвиняемой впускаются доверенные от инквизиции мужчины и женщины, близко стоящие к ведьме. Эти посетители обещают добиться ее полного освобождения, если только она обучит их тому или иному колдовству».

Многие обвиняемые, согласившись на это, были тут же обличены и принуждены были признаться в своих чародеяниях». В качестве последнего средства «Маллеус» предлагает самое откровенное и бесстыдное вероломство:

«И наконец, пусть судья войдет и пообещает, что будет милосердным, сделав мысленную поправку на то, что будет милосердным к себе или государству. Ибо все, что делается для безопасности государства, является милосердным».

Распространение массового помешательства

Мы все прекрасно знаем из опыта нашего собственного времени, как способен, словно эпидемия, распространяться тот или другой общественный «страх», приобретая размеры массовой истерии. Так, 1950-е годы в Соединенных Штатах были отмечены параноической кампанией сенатора Джозефа Маккарти по изобличению мнимых коммунистов. В своей пьесе «Салемские ведьмы» драматург Артур Миллер провел параллель между маккартизмом и салемскими процессами над ведьмами семнадцатого столетия. С появлением пьесы Миллера понятие «охота на ведьм» сделалось общепринятой современной идиомой для обозначения любых попыток выявления предполагаемых врагов путем внушения и распространения коллективного страха. В более недавнее время мы испытали на себе также и другие формы массовой паники. Мы были свидетелями того, как вслед за бомбардировками Ливии Рональдом Рейганом огромное число американских туристов стали менять планы своих путешествий и в ужасе отказываться от полетов на международных рейсах. Мы видели, как целые общины в Англии поддавались на голословные утверждения о якобы использовании детей в сатанинских ритуалах, приводившие к насильственному разлучению десятков родителей со своими детьми. Если принять во внимание эти примеры общественных страхов, нетрудно понять, как страх перед колдовством, пропагандировавшийся высшей религиозной инстанцией того времени, смог приобрести размеры паники в эпидемическом масштабе, стать, по сути, психологическим аналогом чумы. По словам одного историка:

«Это массовое помешательство на ведьмах было по существу болезнью воображения, порождавшейся и стимулировавшейся преследованием колдовства. Всякий раз, когда инквизитор или гражданский судья приходил, чтобы уничтожить его огнем, следом вырастал урожай ведьм».

Говоря о Церкви, тот же историк отмечает:

«Каждый инквизитор, которому поручалось искоренять колдовство, был активным миссионером, засеивавшим семенами этого поверья еще большие площади».

Оголтелое преследование колдовства началось под руководством инквизиции, когда церковь еще обладала неоспоримой властью над общественно-религиозной жизнью Европы. И в самом деле, инквизиция была столь одержима колдовством, что вскоре была застигнута совершенно врасплох появлением куда более серьезной угрозы – в виде впавшего в ересь монаха Мартина Лютера.

Впрочем, спустя тридцать лет после публикации «Маллеуса» волна «массового помешательства на ведьмах» докатилась и до новоиспеченных протестантских церквей. К середине шестнадцатого столетия и протестанты, и католики сжигали ведьм не единицами, а сотнями, и это поджигательское безумие продолжалось более столетия, достигнув своей кульминации во время массовой бойни Тридцатилетней войны в 1618-1648 годах. В период с 1587 по 1593 год архиепископ-курфюрст Трира сжег 368 ведьм, что составляло более одной ведьмы в неделю. В 1585 году две немецких деревни подверглись столь массовым казням, что в каждой из них в живых осталось только по одной

женщине. За трехмесячный период епископом Женевы были сожжены 500 мнимых ведьм. Между 1623 и 1633 годами принц-епископ Бамберга сжег более 600 женщин. В начале 1600-х годов принцем-епископом Вюрцбурга были сожжены 900 человек, среди которых были девятнадцать священников, один из его собственных племянников и немало детей, обвиненных в половых сношениях с демонами. В Савойе в тот же период были сожжены свыше 800 человек. В Англии во времена протектората у Кромвеля имелся свой собственный «генеральный обвинитель ведьм», пресловутый Мэтью Хопкинс. К концу семнадцатого столетия истерия перекинулась через Атлантический океан на колонии пуритан в Новой Англии, породив там печально известные судебные процессы над ведьмами в Салеме, ставшие материалом для пьесы Артура Миллера. Однако даже самые страшные преступления протестантства не могли сравниться с преступлениями Рима. В этом отношении послушной список инквизиции не знал соперничества. Инквизиция самолично похвалялась, что сожгла, по самым скромным подсчетам, около 30 тысяч ведьм за период в 150 лет. Церковь всегда была более чем склонна к женоненавистничеству. Кампания против колдовства обеспечила ей мандат на полномасштабный крестовый поход против женщин, против всего женского.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОРЬБА С ЕРЕСЬЮ ПРОТЕСТАНТИЗМА

Крестовый поход против колдовства позволил Церкви вволю потешить свое женоненавистничество и поставить женщин под авторитарный контроль, переводивший их на положение подчиненных и державший их на якобы предназначенном для них месте. В конечном счете, однако, имелись и не столь очевидные последствия. Ибо ведьма, как хранитель женских тайн и древней языческой религии, была также и олицетворением естественного порядка, мира природных явлений, с которым она имела куда более тесную, куда более интимную связь, чем священник. А ведь природа, как мы знаем, была по сути своей «нераскаявшейся». Природа по-прежнему пребывала в «падшем» состоянии, ей еще только предстояло быть искупленной, еще только предстояло быть приведенной в безропотное согласие с божественным законом – или по крайней мере с божественным законом в истолковании церковных умов мужского пола. Природе еще только предстояло быть прирученной и упорядоченной. Только тогда она перестала бы служить прибежищем, укрытием и потайным лазом для демонического. К несчастью для Церкви, эта проблема была не так проста. С самого начала – с тех самых дней, когда из иудаизма и язычества выросло узнаваемое и отличимое «христианское» учение, – церковные теологи сталкивались с трудностями при определении демонического. В периоды социальной, культурной, политической или духовной анархии, когда Церковь являла собой оплот порядка и последовательности, демоническое могло быть безопасно определено как любое проявление беспорядка. В такие периоды дьявол и правда был прямым потомком козлоподобного Пана, властелина «нераскаявшейся природы» со всей ее необузданной и, по всей видимости, хаотической энергией, которая, естественно, включала также и сексуальность. В такие периоды вера несла ярмо рационализма, а ее антитезой было демоническое – бесноватость, одержимость, разнузданность, иррациональность. Потому считалось, что демоническое проявляется в колдовстве и особенно в Вальпургиевой ночи, или «шабаше ведьм». И потому именно в колдовстве и в иррациональных, подчас сексуальных обрядах языческой религии инквизиция стремилась распознать исконного противника христианства – врага рода человеческого. Были, однако, и другие

примеры, когда сама Церковь плодила безумие, а вера объединялась не с рационализмом, но с иррациональностью. Если бы можно было вулканическую и буйную энергию Вальпургиевой ночи трансформировать в благочестие – в истерию, ассоциирующуюся, например, с некоторыми церковными праздниками или с самозабвенностью, нередко наблюдающейся в евангелических сектах сегодня, – ее могли бы признать и одобрить. Посещение суккуба в виде Елены Троянской, быть может, и послужило к осуждению Фауста на вечные муки, но тот же психологический механизм, породил он вместо этого видение Богоматери, мог даровать венец святости. Если в видении являлась Богоматерь, а не Елена, демоническим становилось то, что подвергалось сомнению действительность видения. Если брать шире, то демоническим становился скептический ум, который оспаривал правоту провозглашаемого Церковью. Если дьявол мог порой принимать вид бесноватого Пана, он также мог принимать вид холодного, хитрого, вкрадчиво обольстительного и убедительного Люцифера, коварного логика и искусителя, чья тонкая софистичная аргументация могла обмануть самого искусного богослова. Именно в таком виде – в облике змея в саду Эдема – дьявол якобы впервые явил себя в Ветхом Завете. И именно в таком виде, согласно христианским пропагандистам, Люцифер, вследствие своей интеллектуальной гордыни, был якобы впервые изгнан из рая и со своего места рядом с Богом. Если дьявол мог порой быть неистово иррациональным, значит, он также мог быть сверхрациональным, сверхинтеллектуальным.

Когда вера зависела от иррационального убеждения и беспрекословного послушания, дьявол становился принципом, который осмеливался задавать вопросы, – иначе говоря, любой вызывающе независимой мыслью. В эпоху Возрождения и лютеровской Реформации именно в таком виде, согласно инквизиции, являл себя дьявол и именно в таком обличье инквизиция пыталась поймать и уничтожить его. Это не значит, что преследование иррационального демонического прекратилось. Изобличения ведьм, колдунов и других последователей древней языческой религии продолжались, даже обрели новую силу, а только что созданные протестантские церкви охотились на них не менее усердно, чем Рим. Лютер самолично обрушился на дьявола и колдовство, а протестантские религиозные лидеры всех мастей быстро последовали его примеру. Протестантизм мог быть столь же нетерпимым, столь же узколобым, столь же фанатичным, невежественным и изуверским, как сама инквизиция. Но хотя католическая и протестантская полиция мысли совместно преследовала традиционные иррациональные формы демонического, инквизиции приходилось теперь бороться также и с демоническим в его антитетической форме – в форме интеллектуальной гордыни, независимой мысли, исследования и вопрошания, которые открыто не повиновались духовенству и преследовали свои собственные цели. Для инквизиции эпохи Возрождения и Реформации сатана мог быть различим в пожилой повивальной бабке или знахарке той или другой деревушки, но он также мог узнаваться – и даже более явственно – в облике таких фигур, как Мартин Лютер, Галилео Галилей, Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла. Чем же в таком случае было демоническое? В действительности все, что признавалось враждебным или опасным для Церкви, могло быть названо таковым. Действием инфернальных сил могли объясняться не только крайние проявления рационализма или иррационализма, но также и книги, философские учения, политические движения и все, что могло быть расценено как неповиновение папской власти. Само познание вскоре начнет рассматриваться как демоническое. На протяжении средних веков Церковь представляла собой оплот познания в мире дикого варварства. Однако, как наглядно демонстрирует в своем романе «Имя

Розы» Умберто Эко, Церковь также и осуществляла монополию на познание, которая эффективно служила тому, чтобы мир вне ее оставался диким и варварским. Знание, как известно, сила, и Церковь получала ее в свои руки главным образом с помощью знания, которое она монополизировала, хранила, контролировала и делала доступным обывателям только, так сказать, в микродозах. С наступлением Реформации такая ситуация изменилась самым драматичным образом. Реформация стала свидетелем в буквальном смысле взрыва знаний. Он порождался светскими источниками. Порождался новоиспеченными протестантскими «ересями», такими, как лютеранство. Порождался обретшей новую жизнь эзотерической традицией герметизма. И расширялся в беспрецедентном масштабе благодаря появлению книгопечатания и распространению печатной продукции. Лютеровский перевод Библии на местный язык и другие последовавшие переводы, такие, как женеvская Библия и Библия короля Якова на английском языке, сделали Священное Писание впервые доступным обывателю, который теперь получил возможность читать его самостоятельно – без толкований и купюр священнослужителей. Но всякое познание подобного рода, разумеется, было объявлено Церковью демоническим и потому привлекло внимание инквизиции.

В прошлом вне Церкви было очень мало ученых людей и еще меньше тех, кто мог надеяться высказать свои сомнения, не навлекая на себя тяжелых, даже фатальных последствий. Теперь же возводилась целая доктрина познания, которая дерзко игнорировала, а порой и нагло отрицала власть Рима. Если присутствие дьявола сквозило в разнузданной иррациональности колдовства, то теперь оно равным образом сквозило в красноречии печатного слова – и в дерзости вопрошающего, сомневающегося и независимого ума, который с безрассудной смелостью кидался туда, куда прежде боялись ступить ангелы, глупцы, священнослужители и даже святые.

Контрреформация

К Риму новая ситуация предъявляла новые требования. Не уступая больше, чем она была вынуждена уступить, Церковь стремилась приспособиться к новым условиям – и параллельно приспособить инквизицию. В тринадцатом столетии, во время крестового похода против альбигойцев, появление доминиканских монахов составило крупное нововведение в силу их учености – в силу их подготовленности в теологии и способности вести споры с катарами и другими еретиками на своих собственных условиях. В последующие три столетия, однако, доминиканцы, как и конкурировавшие с ними ордены, все больше предавались лени, сибаритству, почивая на лаврах, держась за власть и привилегии, которыми обладали, предпринимая мало усилий к тому, чтобы соответствовать новым требованиям. Их позиция в связи с повсеместно распространявшейся протестантской ересью была в лучшем случае оборонительной. Чаше же обычного они были попросту пассивными, надеясь, что протестантское движение сойдет на нет. Преследование за колдовство беспомощных женщин требовало мало усилий, мало дисциплины, мало организованности. Противодействовать влиянию искушенных и красноречивых ересиархов вроде Лютера, Кальвина и Цвингли было куда более хлопотным делом. Чтобы бороться с протестантизмом в шестнадцатом веке, Церковь нуждалась в аналоге того, чем были доминиканцы 300 годами раньше, – в когорте хорошо выученных и преданных идее служения истинной вере людей, которые могли бы реально дискутировать со своими противниками с равным знанием дела и умом, с равной тонкостью, с равной психологической изощренностью. А если протестантизм собирался устоять,

несмотря на все попытки по его уничтожению – что казалось все более и более вероятным, – то Церкви требовалось, по крайней мере, установить своего рода количественное превосходство – в плане размеров своей паствы и территории, над которой она осуществляла духовную власть. Среди прочего ей надлежало укрепить свои позиции в тех частях мира, которые только начинали исследовать, надо было обратить в истинную веру целые регионы и континенты язычников, прежде чем до них доберется протестантизм. Другими словами, Церковь нуждалась в организации или сети умных, образованных, преданных, хорошо обученных и хорошо вымуштрованных миссионеров – в новой гвардии Христа (или «милиции Христовой»), которая могла бы вести крестовые походы в сфере ума точно так же, как это делали на полях сражений Святой земли тамплиеры и госпитальеры [25]. Такой организацией, построенной на принципах воинской дисциплины и воинского духа и отвечавшей указанным задачам, стало «Общество Иисуса», более известное как орден иезуитов. «Общество Иисуса» было создано испанцем Игнатием Лойолой [26], чьей изначальной мечтой было снискать славу на военном поприще.

Во время осады Памплоны в 1521 году Лойола был тяжело ранен. Оправляясь от раны, он стал все больше предаваться размышлениям и чтению духовной литературы. После выздоровления он совершил паломничество в Монсеррат и повесил там в усыпальнице свое оружие, а затем вернулся и в течение года жил отшельником в пещере. В период этого затворничества он написал свое руководство «Духовные упражнения», в котором излагалась новая и риторичная программа христианской медитации. В 1523 году он предпринял второе паломничество – на этот раз в Иерусалим. Вернувшись в Испанию, он принялся изучать богословие в университете города Алькала. К 1526 году Лойола начал читать публичные проповеди – и навлекать на себя подозрения в ереси со стороны испанской инквизиции, которая арестовала его и продержала в своем застенке около трех недель, пока изучались его «Духовные упражнения». В конце концов его освободили, сняв выдвинутые против него обвинения, но запретили высказываться по вопросам веры в течение четырех лет. Чтобы обойти этот запрет, Лойола перебрался в 1528 году в Париж. Тут он собрал вокруг себя небольшой кружок преданных последователей, которые и стали первыми иезуитами. В 1534 году все они дали обет верности в церкви на Монмартре. 27 сентября 1540 года папа Павел III официально учредил орден иезуитов под его изначальным названием – «Общество Иисуса». Хотя иезуиты не носили оружия, их подготовка, дисциплина и терминология по существу своему имели военный характер. Утверждалось даже, и не без оснований, что в качестве модели для своего ордена Лойола взял иерархию и внутреннюю организацию ордена рыцарей Храма. В следующие полтора столетия иезуиты станут головным отрядом Контрреформации, проводником методических усилий Церкви по установлению новых сфер влияния, равно как и по возвращению по крайней мере некоторых территорий, сданных под нажимом протестантизма. Подобно военным штабам, иезуиты организовывали свои кампании в соответствии с законами стратегии. Чтобы заручиться средствами и доверием, они были вполне готовы присоединиться к общему преследованию колдовства. По словам Хью Тревора-Роупера, «если доминиканцы были проповедниками средневековой Контрреформации, то иезуиты были проповедниками Контрреформации шестнадцатого столетия, и если протестантские проповедники приносили помешательство в страны, которые они завоевывали для реформаторского движения, то эти католические проповедники точно так же приносили его в страны, которые они отвоевывали для Рима. Некоторые из самых известных миссионеров-иезуитов прославились

распространением ведовского помешательства». В конечном счете, однако, колдовство или ведовство имело второстепенное значение для иезуитов.

Главный их интерес состоял в другом. Вскоре, например, для Церкви будут взборонены Богемия и Польша, оказавшиеся благодатной почвой для протестантизма. А спустя несколько лет сеть иезуитских миссий, как в прошлом общины тамплиеров и госпитальеров, охватит весь мир. Они расширят свое влияние на запад – через Атлантический океан – до Южной и Северной Америки, на восток до Индии, Китая, Японии и островов Тихого океана. В пределах же европейских владений иезуиты являлись орудием обновления инквизиции – ее организации, внешнего облика, названия и целей. К 1540 году, когда папа Павел III официально учредил орден иезуитов, окончилось «вавилонское пленение» в Авиньоне, а с ним завершилась и «Великая схизма», которая расколола Церковь более чем на столетие. Спустя пять лет Тридентский собор сформулировал программу, которая будет определять статус папы, административный аппарат, ориентацию и иерархию приоритетов в последующие три с четвертью столетия. И для вновь объединившейся Церкви первостепенной заботой неизбежно был крестовый поход против ереси протестантизма. В качестве прелюдии к собору в Триденте папа Павел произвел радикальное реформирование папского правительства и администрации. Для управления различными делами Церкви был создан целый ряд отдельных канцелярий или служб. Все эти службы ставились под непосредственный контроль папы и именовались как «конгрегации» и «советы». Инквизиция теперь становилась одной из таких «конгрегаций». Лойола, который сам пострадал от рук испанской инквизиции, вероятно, не питал к ней особой любви, но его восхищала ее дисциплина, ее действенность, отлаженный механизм ее работы. В немалой степени с подачи иезуитов прежняя папская или римская инквизиция была реконструирована – и сделано это было именно по модели ее испанского аналога. Точно так же как испанская инквизиция служила инструментом политики испанских королей, папская – или римская – инквизиция делается инструментом политики Церкви. Другими словами, ее главным приоритетом будет полагаться больше не «чистота» веры, а стабильность и благополучие папства и Церкви. Ее официальным названием будет являться отныне «Священная конгрегация римской и вселенской инквизиции, или Священная канцелярия». В 1908 году ее название снова будет изменено и трансформируется в «Конгрегацию Священной канцелярии».

Большинство комментаторов впоследствии чаще обычного пользовались сокращенной формой – просто «Священная канцелярия». Редкий случай, чтобы столь безобидное, даже как будто бы похвальное название приобретало столь зловещие ассоциации. В целях очищения от этих ассоциаций и придания еще более благовидного облика инквизиция была еще раз переименована в 1965 году, теперь в «Конгрегацию доктрины веры». Под этим названием она действует и сегодня, являясь прямым потомком и преемником первоначальной инквизиции, созданной в 1234 и реконструированной в 1542 году. Лойола и иезуиты были одним из главных факторов влияния при создании обновленной инквизиции, или Священной канцелярии. Не меньшее влияние оказал честолюбивый и фанатичный доминиканец Джованни Караффа. В период между 1515 и 1522 годами Караффа состоял папским нунцием в Испании, где его, как и Лойолу, поразила эффективность машины испанской инквизиции. По возвращении в Италию он стал лидером благочестивого кружка из высокопоставленных священнослужителей, одержимых идеей восстановления чистоты и моральных устоев Церкви. Одним из средств достижения этого для Караффы и одновременного

привлечения к себе внимания была кампания против фрески Микеланджело с изображением Страшного суда в Сикстинской капелле. Когда фреска была открыта для обозрения публикой в 1541 году, Караффа и его кружок подняли шум. Они были возмущены откровенным фаллическим символизмом Микеланджело, изображенной им сценой, в которой одного мужчину тащат за гениталии, а другие целуются, и с гневом осудили произведение как непристойное. Их негодованию скоро вторили коллеги-единомышленники, и критика не умолкала в течение ближайших двадцати четырех лет.

В 1551 году, например, видный доминиканец писал, что Микеланджело «превосходно изображает обнаженные тела людей и их половые органы», и посетовал, что «совершенно неприлично повсеместно видеть всю эту наготу – на алтарях и в храмах Божьих». В конце концов Тридентский собор постановил, что на фреске надлежит сделать «исправления». В 1565 году для этой цели был специально нанят художник, который благопристойно облек все оскорбляющие взор выпуклости набедренными повязками и одежаниями. До сих пор сохранилась расписка, удостоверяющая в том, что он получил за свои старания «причитающуюся сумму в 60 скудо... в оплату работы, которую выполнил в 1565 году, прикрыв половые органы фигур в капелле папы Сикста». К тому времени сам Караффа был уже мертв. Но его нападки на фреску в 1541 году вызвали сочувственный интерес папы Павла III, который произвел Караффу и пятерых других членов его кружка в кардиналы. В конце концов в 1555 году Караффа и сам стал папой; он взял имя Павел IV и занимал Престол Святого Петра вплоть до своей смерти в 1559 году.

Поддержанный Лойолой и доминиканским кардиналом, архиепископом Бургоса, Караффа, снискав расположение папы Павла III, стал настаивать на учреждении постоянного трибунала инквизиции по модели инквизиционного трибунала в Испании. Потому-то в 1542 году была создана Священная канцелярия. Караффа был назначен первым инквизитором-генералом реконструированного института. Папа зарезервировал за собой право помилования. Не считая этого, новой папской инквизиции, или Священной канцелярии, была дана практически неограниченная власть, включая право делегировать полномочия другим священнослужителям и в случае необходимости прибегать к помощи светских властей. Сразу же после получения своего назначения Караффа завладел солидным каменным домом в Риме и оборудовал его тюремными камерами. Затем он издал четыре процессуальных правила, которых должны были придерживаться все инквизиторы. Им надлежало «наказывать даже по подозрению». Им надлежало «не щадить великих». Им надлежало быть суровыми со всяким, кто «прикрывается властью». И им надлежало «никому не давать пощады, тем паче кальвинистам». По поводу этих предписаний в частных разговорах Караффа особо подчеркивал необходимость наносить удары по людям на высоких постах, «ибо... от их наказания зависит спасение подчиненных им классов». Разумеется, ему не было надобности говорить, что подобное наступление на влиятельных особ эффективно нейтрализовывало любых его потенциальных соперников или претендентов на власть. Затем последовали чистки, ставшие прообразом тех чисток, которые проводились уже в наше время Гитлером, Сталиным и другими более мелкими тиранами того же пошиба. По словам одного историка, вся Италия «была парализована». Глава ордена капуцинов бежал в Женеву. Другие видные деятели, как светские, так и церковные, искали убежища в других местах. В 1546 году был распущен весь университет в Модене. Однако Караффу по-прежнему раздражала готовность папы миловать и то, в какой степени это подрывало способность

Священной канцелярии проводить свой террор. Только став папой в 1555 году, Караффа наконец получил столь долгожданную лицензию на полную свободу действий. Чтобы сполна ею воспользоваться, он передал свои инквизиторские полномочия своей правой руке – доминиканцу Микеле Гислиери. В 1557 году Гислиери был назначен кардиналом, а год спустя – великим инквизитором. Впоследствии, в 1566 году, Гислиери тоже в свою очередь станет папой под именем Пия V. Едва Караффа вззошел на Престол Святого Петра, как началось самое настоящее царство террора. В 1556 году в Анконе были сожжены двенадцать обращенных евреев, – видимо, их обращение сочли недостаточно полным. В 1557 году в тюрьму был заключен кардинал. В том же году немалое число венецианцев было обвинено в ереси, их доставили в Рим и отправили на костер. Когда Караффа умер в 1559 году, он пользовался такой ненавистью у жителей Рима, что городской люд взял приступом помещения Священной канцелярии, разрушил здания, разграбил и сжег все записи. Невзирая на это, однако, Священная канцелярия продолжила свою деятельность. В 1562 году в жестокой бойне в Южной Италии лишились жизни примерно 2 тысячи вальденсов. В 1567 году был обезглавлен видный флорентийский гуманист. В 1570 году в Сиене был казнен с помощью гаротты профессор риторики. В 1573 году Священная канцелярия взялась «изучать» картину Веронезе «Пир в доме Левия», и для допроса на трибунал был вызван сам Веронезе. Он избежал наказания, но получил предписание изменить картину за свой собственный счет.

Между тем Церковь претерпела значительную трансформацию. Уже в 1523 году быстрое распространение протестантизма сделало полностью очевидной необходимость в реформе. Высказывалось предложение, что такую реформу лучше всего провести на общем церковном соборе. Поначалу папа и курия были напуганы таким предложением, боясь, что любой собор может объявить себя выше папы. Действительно, стоило перспективе собора получить огласку, как резко упали в цене продававшиеся духовные должности в Риме. В конце концов, однако, в 1545 году папа Павел III все-таки созвал Тридентский собор. Тридентский собор был одним из важнейших соборов в истории Церкви, сыгравшим эпохальную роль в определении Церкви и папства в том виде, в каком они дошли до нас. Отмеченный длительными перерывами, собор растянулся в общем итоге на восемнадцать лет и продолжался с 1545 по 1563 год. Он пережил и папу Павла III и Караффу в его ипостаси папы Павла IV.

Собор открылся попыткой – не имевшей, правда, поддержки в самых влиятельных кругах – найти компромисс и примирение с протестантизмом. Впрочем, быстро стало понятно, что любая подобная попытка обречена. Посему собравшиеся священнослужители обратились к тому, как бороться с протестантизмом, и, дабы делать это наилучшим образом, к тому, как приспособить Церковь к этой борьбе. Собор провозгласил, например, «равный авторитет Священного Писания и предания». Другими словами, постановлялось, что Церковь, как воплощение предания, обладала авторитетом, равным авторитету самого Писания. Это, естественно, было по сути своей несовместимо с протестантизмом, который признавал только авторитет Библии. Размежевание с протестантизмом было еще более отчетливо обозначено другими решениями собора – например, формулировкой доктрины первородного греха и отказом признать правомерность утверждения Лютера об оправдании верой. Одновременно Тридентский собор взялся прояснить позицию папского престола в отношении епископов и церковных соборов. Так, к примеру, некоторые реформаторы поначалу пытались «утвердить примат собора даже по отношению к папе и тем самым провозгласить свой верховный

авторитет». В конечном счете, однако, именно папский престол оказался верховным авторитетом, осуществляющим контроль над епископами, равно как и над церковными соборами. Тысячелетием раньше Церковь была преимущественно децентрализованной, а папа был всего лишь епископом Рима, как говорилось – «первым среди равных». В последующие столетия его власть постепенно все больше расширялась, но как таковая она не признавалась официально. После Тридентского собора Церковь стала аналогом абсолютной монархии – с папой в роли правителя. С этого момента иезуиты, Священная канцелярия и все остальные институты римско-католической церкви в меньшей степени заботились о предполагаемой «чистоте» веры, чем о сохранении устоев папства и Церкви.

А устои и границы Церкви уже сильно пострадали от широкого распространения еретических и гражданских идей. В регионах, где укрепился протестантизм, мало что можно было сделать для исправления нанесенного ущерба. В других же местах Церковь делала попытки восстановить и вернуть себе хотя бы подобие той монополии на знания, которой она обладала прежде. С этой целью была введена новая форма цензуры. Она приняла вид пресловутого «Индекса запрещенных книг» Священной канцелярии. Уже в 1554 году местные трибуналы Священной канцелярии – к примеру, в Венеции и Милане – составили свои собственные списки книг, на которых накладывался запрет. В 1559 году, в своем качестве папы Павла IV, Караффа опубликовал свой собственный нормативный «Индекс либрорум прохибиторум». В него входили не только еретические тексты, но также и те произведения, которые Священная канцелярия сочла аморальными. Среди них были произведения герметистов, таких, как Генрих Корнелий Агриппа Неттесхеймский, и гуманистов, таких, как Эразм Роттердамский. Были запрещены все труды Мартина Лютера, как и работы Яна Гуса. Подверглись запрещению книги, касавшиеся магии, алхимии и астрологии. Та же судьба постигла цикл сказаний о короле Артуре и собрание пророчеств, приписываемых Мерлину. Под запретом оказался Талмуд – вместе с тридцатью переводами Библии в ее целом виде и одиннадцатью переводами Нового Завета. Прилагался также список шестидесяти двух неблагонадежных печатников, большинство из которых находились в протестантском Базеле. В 1564 году Индекс Караффы был официально одобрен Тридентским собором и переиздан с целым рядом добавлений.

В 1571 году Микеле Гислиери – в прошлом соратник Караффы и великий инквизитор, а теперь папа Пий V – создал под началом Священной канцелярии особую «Конгрегацию Индекса», чьей единственной обязанностью было надзирать за соблюдением, сохранением и обновлением списка запрещенных книг. Этот институт просуществовал в таком виде вплоть до 1917 года, когда его обязанности вновь были вверены непосредственно Священной канцелярии. Последнее полное издание Индекса, отпечатанное в Ватикане, появилось в 1948 году. Среди авторов и книг, на которых налагался запрет, были (в алфавитном порядке) Иоганн Валентин Андреэ [27], Бальзак, Джордано Бруно, Вольтер, Виктор Гюго, Декарт, Дюма (отец и сын), Золя, молитвенник англиканской церкви, Джон Локк, Джон Стюарт Милль, Монтень, Генри Мур, Эрнест Ренан, Руссо, Сведенборг, Спиноза, Стендаль, Лоренс Стерн, Фенелон, Роберт Фладд [28], Флобер, Фридрих Великий Прусский, Яков I Английский, все исторические документы о масонстве и все исторические документы о самой инквизиции. В 1950-х годах вдогонку этому списку был опубликован перечень целого ряда других писателей – Сартр, Альберто Моравия, Жид, Казандзакис, Унамуно и Симона Бовуар. Такой список ставит огромные проблемы перед католическими историками и литературоведами. Одному из авторов настоящей книги вспоминается его первый год обучения в Чикагском университете, где

программа основного курса включала обязательное чтение Стендаля. Среди студентов в то время присутствовали несколько семинаристов и две или три монахини. Чтобы получить разрешение прочесть «Красное и черное», они были обязаны обратиться через местного архиепископа в Священную канцелярию и получить специальное письменное уведомление. Впрочем, к тому времени шлюзовые ворота уже открылись. «Улисс», «Любовник леди Чаттерлей», «Лолита» и другие значительные произведения, которые прежде были запрещены гражданскими властями, сделались широко доступными массовому читателю. То же произошло и с целым рядом других менее крупных, но все же значимых произведений – например, Уильяма Берроуза, Генри Миллера и Хьюберта Селби. Библиотеки монастырей и семинарий оказались одуроченными шутниками и накопили множество экземпляров «Богоматери цветов» Жене [29], которую также из озорства предлагали не подозревающим подвоха монахиням. Для блюстителей «чистоты» морали и теологии из Священной канцелярии уже сам процесс отслеживания предположительно порочных книг, а тем более их запрещения, должен был казаться поистине сизифовым трудом. Наконец, в 1966 году Индекс был официально упразднен, что – как хотелось бы считать – было актом капитуляции и отчаяния.

Преследуя волхвов Ренессанса, Церковь вышла из Тридентского собора с новой консолидацией папской власти и двумя институтами – иезуитами и инквизицией в ее новом обличье Священной канцелярии – в качестве авангардной силы Контрреформации. В отвоевывании для Рима таких территорий, как Польша и Богемия, равно как и в распространении влияния Церкви за морями, эти институты демонстрировали энергию, изобретательность и рвение подчас эпического масштаба. В конечном же счете война уже была проиграна, и за небольшими исключениями ведшиеся сражения носили оборонительный характер – это были попытки удержать еще остававшиеся островки влияния Церкви.

Вначале, например, протестантизм означал исключительно лютеранство, вероучение, которое проповедовал в Германии Мартин Лютер. Однако новая ересь протестантизма очень скоро оказалась под стать гидре многоголовой, и с пугающей быстротой появлялись все новые протестантские секты. За Лютером последовали Кальвин в Женеве, Цвингли в Цюрихе, Джон Нокс в Шотландии. Хотя вряд ли он руководствовался при этом богословскими соображениями, Генрих VIII создал англиканскую церковь и разорвал связи с Римом. Наблюдалось также и возрождение некоторых древних ересей в новых формах, и был целый ряд мессианских или милленаристских [30] движений и течений – к примеру, самозванные анабаптисты, которые сначала объявились в протестантской Голландии, а затем, в 1534 году, захватили немецкий город Мюнстер, провозгласили свое собственное «царство Сиона» [31] и установили режим анархической вседозволенности и разнузданности нравов. Даже католические схоласты все больше подпадали под влияние «заразных» еретических учений. К тому времени, когда в 1563 году завершился Тридентский собор, мир изменился. Благодаря книгопечатанию и быстрому распространению идей светская ученость и протестантизм сделались свершившимся фактом, который Церковь была не в состоянии ни признать, ни отменить. Не прошло полстолетия, а прежняя гегемония Рима в духовной жизни Европы была ощутимо поколеблена, его духовные владения сократились примерно на треть. Массовые преследования ведьм продолжались – и столь же фанатически проводились протестантизмом, как и Церковью. Не считая этого, впрочем, деятельность Священной канцелярии стала носить более направленный, более специальный, более выверенный, более интеллектуальный и точечный характер. С середины шестнадцатого столетия

история переименованной инквизиции сделалась больше историей отдельных случаев, чем повсеместного террора и преследований всех без разбора, – правда, некоторые из этих отдельных случаев касались ряда наиболее выдающихся имен в истории западной цивилизации.

Среди главных мишеней Священной канцелярии были фигуры фаустианского типа, ставшие известными под именем «волхвов Ренессанса». Это были люди, чьи жажда знаний, дерзания духа и визионерские устремления охватывали искусство, науку, богословие, философию, медицину, технику и целый ряд дисциплин под общим названием «эзотерика», включавший астрологию, алхимию и магию. В первой трети шестнадцатого столетия наиболее значительной из этих фигур были Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, впоследствии известный попросту как Парацельс, и Генрих Корнелий Агриппа Неттесхеймский, основной прототип как доктора Фауста Марло, так и Фауста Гете. И Парацельс и Агриппа имели целый ряд памятных для них встреч с инквизицией. Однако в их время это была еще старая инквизиция, еще не трансформированная в Священную канцелярию. Потому оба уцелели, хотя и подвергались время от времени запрету или заключению на короткое время. Агриппа клеймил инквизиторов своего времени как «кровожадных стервятников» и бичевал глупость церковников, считавших, что еретиков «должно вразумлять не Священным Писанием и убеждениями, а костром и огнем». В одном из случаев, в бытность свою должностным лицом вольного города Меца, он выступил в роли защитника женщины, обвиненной в колдовстве, против местного инквизитора-доминиканца, которого не побоялся разбить в пух и прах в открытом суде. Судьба «волхвов», живших после Парацельса и Агриппы и имевших дело с обновленной Священной канцелярией, была не столь счастливой. В 1591 году, например, Томмазо Кампанелла, доминиканец-мистик с «розенкрейцерскими», как позже будет замечено, тенденциями, опубликовал книгу, отстаивавшую законность эмпиризма – и веры – в философии. Книга была осуждена Священной канцелярией, а Кампанеллу заключили в тюрьму за ересь. В 1599 году, вскоре после своего освобождения, он снова навлек на себя беду, на этот раз своей подрывной политической деятельностью. Как и полагается, его арестовали, пытали и приговорили к пожизненному заключению. Позднее друг, навещавший его в камере, сообщал, что «его ноги были все в синяках, а ягодицы почти без плоти, которую отрывали кусок за куском, дабы вытянуть из него признание в преступлениях, в которых его обвиняли». Во время своего тюремного заключения Кампанелла написал свою самую известную книгу «Ла читта дель соли» («Город Солнца»), рисующую образчик того идеального утопического общества, о котором мечтали в то время писатели-мистики. В другом произведении он утверждал, что вся природа живая и что мир обладает душой, «которую сотворил и вдохнул в него Бог». Это вызвало гнев инквизиторов, которые указали в своем обвинении, что если бы утверждение Кампанеллы было верно, то мировая душа наделила бы своими качествами «паразитов и другие недостойные предметы». В 1626 году, после более четверти века, проведенных в заключении, Кампанелла наконец-то был освобожден. К 1634 году он снова оказался под угрозой заточения и бежал во Францию.

Еще более трагичной, чем участь Кампанеллы, была судьба Джордано Бруно (1548-1600). Подобно Парацельсу и Агриппе до него, Бруно являл собой как раз подлинный образец «волхва Ренессанса». Среди многих прочих вещей он был поэтом, драматургом, философом, теологом, ученым, визионером и самозванным чародеем. В некоторых отношениях (например, его мегаломания) он, быть может, и был в немалой степени сумасшедшим, но он также неоспоримо был гением, одним из

самых глубоких, блестящих, оригинальных и необыкновенных умов своего времени, чьи мысли докатились до нашего столетия и оказали влияние на такую фигуру, как Джеймс Джойс. По прошествии пятнадцати лет, проведенных в доминиканском монастыре в Неаполе, Бруно бежал в 1576 году и пустился странствовать по миру, параллельно пропагандируя свою мистическую систему через проповеди, частные уроки и лекции, а также через книги. К 1581 году он сделался известной фигурой в Париже и пользовался благосклонностью при дворе. В 1583 году он прибыл в Англию, остановившись в резиденции французского посла. Он выступил в знаменитой публичной дискуссии в Оксфорде, дал подробное истолкование теории Коперника о том, что Земля обращается вокруг Солнца, и оказал заметное влияние на такую фигуру, как поэт Филип Сидни. В последующие восемь лет он путешествовал по Германии, Швейцарии и Богемии, а в Праге свел знакомство с императором Священной Римской империи Рудольфом II. К несчастью для Бруно, успех породил у него излишнюю самоуверенность и неуместное чувство собственной неприкосновенности. В 1591 году по приглашению одного знатного венецианца он опрометчиво вернулся в Италию. Год спустя Священная канцелярия получила на него донос, после чего его арестовали, переправили в Рим и там заключили в тюрьму. На протяжении семи лет, несмотря на самые страшные и мучительные пытки, он упрямо препирался с инквизиторами. На все их требования отречься от своих убеждений он вновь и вновь отвечал непреклонным отказом. Наконец, в 1600 году его официально осудили как еретика и приговорили к смерти. 17 февраля того же года он взошел на костер. В рот ему вставили кляп, дабы его еретические речи не смущали его палачей и не приводили в замешательство собравшихся зрителей.

Для современных читателей самой известной жертвой Священной канцелярии периода Контрреформации несомненно является Галилео Галилей (1564-1642), который сегодня знаком каждому школьнику. Хотя телескоп был изобретен совсем незадолго до него, Галилей в 1609 году сконструировал свой собственный более мощный вариант этого инструмента и стал использовать его – впервые – для изучения звездного небосклона. Его астрономические наблюдения позволили ему продемонстрировать эмпирически, что теория Коперника была верна – что Земля и другие планеты Солнечной системы действительно обращаются вокруг Солнца и что Земля, таким образом, не является центром Вселенной. Это шло вразрез с учениями церкви, которые покоились на библейском повествовании о сотворении мира из Книги Бытия, – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потому Галилей был арестован Священной канцелярией и провел последние восемь лет своей жизни в тюрьме, осужденный за ересь. С огромным опозданием Ватикан снял с него обвинения в 1992 году – спустя три с половиной столетия после его смерти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СТРАХ ПЕРЕД МИСТИКАМИ

В «Братьях Карамазовых» великий инквизитор Достоевского готов безжалостно отправить на костер самого Иисуса во имя сохранения устоев и законности Церкви. Чтобы понять такой менталитет – понять, в сущности, роль инквизитора в европейской истории и культуре, равно как и ее собственные приоритеты, – необходимо провести разграничение между религией и «духовностью». Или, если слегка перефразировать, необходимо провести разграничение между «религией» и «религиозным опытом». Это разграничение имеет основополагающее, по сути решающее, значение для понимания любых религиозных вопросов. И однако оно почти неизменно выпускается из виду, затушевывается

или нарочно игнорируется. Для большинства людей слова «религия» и «духовность» означают одно и то же и употребляются нераздельно и взаимозаменяемо. Данный момент можно проиллюстрировать простой, даже по видимости легкомысленной аналогией. Давайте представим себе человека, никогда не сталкивавшегося с электричеством в том виде, в котором знакомы с ним сегодня мы, – в виде прирученной силы, подвластной человеческому контролю, приводящейся в движение одним щелчком выключателя. Этот гипотетический человек мог бы быть из так называемого «примитивного» общества, подобно, например, тем жителям некоторых островов в Тихом океане во время Второй мировой войны – приверженцев «карго культа» [32], – которые воспринимали солдат союзников как настоящих богов, спускающихся с небес на огромных металлических птицах, и продолжали спустя уже немало времени после прекращения военных действий поклоняться на алтарях, сооруженных из останков самолетов, брошенных джипов, резиновых покрышек или даже консервных банок из-под супа «Кэмпбелл». Либо наш гипотетический человек мог бы быть из прошлого – к примеру, американским индейцем до прихода белого человека или даже одним из наших собственных средневековых предков, телепортированным, как в некоторых научно-фантастических фильмах, в настоящее.

Такой человек был бы ошеломлен, даже напуган тем окружением, в котором вдруг оказался. Но при всех тех чудесах, с которыми ему пришлось бы столкнуться, его, вероятно, мало поразили бы змееподобные провода, соединяющие наши лампы, наши холодильники, наши телевизоры и другие электроприборы с розетками в стене. Если бы ему сказали, что эти розетки являются источником огромной силы, наш гипотетический человек вполне мог бы воспринять это скептически. Если бы, однако, он засунул свой палец в одну из таких розеток, он испытал бы своего рода откровение. Говоря современным языком, его бы здорово потрянуло. С ним бы произошло нечто драматическое, даже травматическое, последовавшее с незамедлительностью и интенсивностью, которые не терпели ни сомнения, ни акта веры или неверия. Допустим, что его не убило бы на месте током, тогда наш гипотетический индивид испытал бы на несколько секунд «состояние измененного сознания». Его волосы встали бы дыбом. Он потерял бы способность ориентироваться. Он утратил бы способность связно думать, тем более связно говорить. Он мог бы расплакаться или закричать, притом совершенно невольно. Он был бы вырван из самого себя, из своего привычного умственного жилища, и перенесен в какое-то другое измерение чувств. Для стороннего наблюдателя переживания нашего гипотетического индивида были бы, естественно, достаточно реальными, «объективно» реальными. Он ведь не просто вообразил происходящее, не просто испытал галлюцинацию чувств. Был бы задействован узнаваемый механизм не только физиологически, но также и психологически. Тем не менее это было бы совершенно объяснимо с рационалистической позиции. Для нашего же гипотетического человека испытанное им было бы абсолютно другого порядка. Реальность, с которой он столкнулся внутри своей психики, сильно бы отличалась от реальности стороннего наблюдателя. Эта реальность узурпировала бы все другие реальности, наполнила бы и захватила его сознание, вытеснив из него все остальное. Она могла бы даже полностью затмить его сознание. Допустим, что он выжил бы, тогда наш гипотетический индивид, несомненно, вернулся бы к жизни в состоянии глубокой дезориентации. Придя в себя и оправившись от шока, он захотел бы узнать, что же произошло с ним, что же вызвало столь экстраординарные переживания, далеко выходящие за пределы его обычного жизненного опыта. Он не смог бы отмахнуться от своих переживаний или

усомниться в их реальности, не смог бы отрицать их, но был бы не в состоянии объяснить, что они означают, на что указывают. В этот момент перед ним встала бы проблема, которая сопровождает всякий религиозный опыт, всякую попытку его осмысления, установления его связи с повседневным существованием и обществом в целом – проблема интерпретации. Поскольку сам он не имел бы контекста или опыта, чтобы объяснить то, что он испытал, мы могли бы предложить нашему гипотетическому индивиду интерпретацию, которую он, вероятно, склонен был бы принять за отсутствием какой-либо альтернативы. Мы могли бы сказать ему, что он только что вступил в прямой и непосредственный контакт с Великим Богом Электричеством. Мы могли бы дать красноречивые описания могущества этого божества. Могли бы объяснить, как это божество снабжает нас неисчислимыми запасами божественной энергии, которая освещает наши дома и наши города и позволяет нам обращать ночь в день, которая дает нам возможность принимать волшебные звуки из воздуха с помощью наших радио и волшебных движущихся картинок из наших телевизоров, которая приводит в действие наши автомобили, холодильники, телефоны, стиральные машины и все другие приборы и приспособления современной цивилизации. Мы могли бы затем разработать подробнейшую теологию, основанную на Великом Боге Электричестве. Могли бы описать, как добиться милости этого божества и как умиротворить его. Могли бы показать и объяснить, как это божество можно убедить служить нам. И после этого мы могли вернуть нашего гипотетического человека в его прежнюю среду обитания, предварительно снабдив его, скажем, переносным генератором электрической энергии и всем необходимым, чтобы он мог познакомить свое общество с этим могущественным божеством.

В его собственной среде наш гипотетический индивид мог бы без особых трудностей создать культ, а сам сделаться верховным жрецом. Имея при себе переносной электрогенератор, он мог бы «посвящать» в «тайнства» своего культа своих соплеменников – возможно, многих из них, а возможно, небольшое избранное их число. Для большинства было бы достаточно просто стать свидетелем того, как новое божество «тряхнуло» друга, родственника или знакомого. После этого человек с готовностью принял бы нового бога на веру, не имея надобности самому переживать «контакт» с божеством. Благодаря демонстрируемой и контролируемой им силе наш гипотетический индивид мог бы насаждать свою собственную теологию, а с ней и свою собственную космологию, свою собственную доктрину, свой собственный морально-этический кодекс, свои собственные заповеди, свой собственный каталог запретов и заветов. В отсутствии другого толкования его интерпретация считалась бы окончательной истиной, а его власть была бы абсолютной. До тех пор пока кто-нибудь, бродя по лесу во время грозы или запуская самодельного змея, как якобы делал Бенджамин Франклин, не установил бы свой собственный – уникальный и независимый от господствующей теологии и доктрины – контакт с Великим Богом Электричеством. Тогда он открыл бы, что значимо только само это переживание – то, что получено из первых рук, – а все интеллектуальные толкования, все апостериорные интерпретации не имеют никакого значения.

Подозрения в адрес христианских мистиков

Эта аналогия может вполне показаться легкой. Но, однако, она позволяет проиллюстрировать разграничение между «религиозным переживанием», с одной стороны, и сочетанием веры и интеллектуальной интерпретации, составляющим «религию», с другой. «Религиозное переживание» – которое можно в действительности уравнивать с «духовностью» – выше всякого опыта. Оно не

требует «убеждения» или «веры». Оно подразумевает, что испытываемое человеком в данный момент может восприниматься только в виде непосредственного и не требующего доказательств знания, а знание исключает всякую необходимость в убеждении. Если человек знает, самым что ни на есть прямым и непосредственным образом, ему нет нужды верить. Если человек дотрагивается рукой до горячей плиты или до открытого огня, ему нет нужды «верить» в боль. Боль переживается, прямым и непосредственным образом, с интенсивностью, которая захватывает все сознание целиком, не оставляя места для убеждения и интеллектуальных интерпретаций, делая их малозначимыми, второстепенными и вторичными по отношению к прямому восприятию и знанию. В первые два столетия христианской эры такое непосредственное восприятие именовалось «гнозисом», что означает всего-навсего «знание». Те, кто искал «гнозиса» или пережил его, назывались или называли себя сами «гностиками». Сегодня мы, вероятно, стали бы называть их мистиками и приписывать их переживания психологическому феномену под названием «состояние измененного сознания». Но какую бы терминологию мы ни использовали, всегда остается сам этот непосредственный и неразбавленный опыт, освобожденный от всех рационалистических истолкований, привязанных к нему постфактум. Религия же основана не на «гнозисе», а на теологии, которая является интеллектуальной интерпретацией, присовокупляемой постфактум к непосредственному восприятию «гнозиса». Теология пытается объяснить религиозное переживание, определить, что это переживание «означает», – даже если оно может вовсе ничего не «означать», по крайней мере в интеллектуальном смысле. Теология предполагает доктрину, символы веры, кодексы морально-этических норм, запреты и заветы, обряды и ритуалы. Чем сложнее и прихотливее становятся эти вещи, тем дальше и оторваннее они оказываются от того первоначального переживания, которое их вдохновило и породило. В конечном итоге теология утрачивает всякий контакт с изначальным опытом и делается самодовлеющей и самодостаточной интеллектуальной системой, независимой и самоценной. Религия, базирующаяся на теологии, больше не имеет ничего общего с «духовностью». Она превращается в не что иное, как в инструмент приручения и контроля. И в таком случае является просто-напросто социальным, культурным и политическим институтом, возлагающим на себя обязанности по регулированию моральных норм и сохранению – или в иных случаях по ниспровержению – гражданского порядка. А для иерархической структуры власти такого института «гнозис» составляет угрозу, поскольку делает эту властную структуру излишней. Чтобы защитить властную структуру, ее хранители должны превратиться в великого инквизитора Достоевского. Теология и основанная на ней организованная религия олицетворяются священнослужителем. Религиозное переживание олицетворяется мистиком. Священнослужитель пропагандирует веру и обращается к интеллектуальной доктрине, к интерпретации и кодификации. Одним словом, он имеет дело с экзотерическим измерением того, что принято называть «духовным», и очень часто это измерение со временем перестает быть «духовным», превращаясь в вопрос привычного убеждения, воспринятого из вторых рук, или рационалистической и интеллектуальной доктрины. Напротив, мистик имеет дело с эзотерическим, частным, личным или «скрытым» измерением «духовного». Он переживает его как собственный внутренний опыт и воспринимает его в виде прямого знания, с теми интенсивностью и непосредственностью, которые исключают необходимость интерпретации и убеждения.

С учетом этих различий едва ли удивительно, что большинство оформленных и организованных

религий, как правило, с беспокойством относятся к своим собственным мистическим традициям, к мистикам среди своих прихожан. Мистик всегда остается потенциальным инакомыслящим, потенциальным диссидентом, потенциальным вероотступником или апостатом, потенциальным еретиком, а следовательно, потенциальной мишенью для преследования. Вследствие своего настойчивого стремления к непосредственному опыту он не нуждается в священнике-интерпретаторе и даже не обязательно испытывает в нем потребность. Фактически мистик делает существование священника и всей церковной иерархии излишним и ненужным. И мистики различных религиозных традиций мира обычно будут иметь больше общего друг с другом, чем любой из них – со своим официальным духовенством. Эзотерическое переживание мистического задевает общий знаменатель, общий психологический механизм. Эзотерическая теология духовенства будет неизменно разниться от теологии других, конкурирующих религиозных традиций, а это различие будет зачастую выливаться в насилие. На протяжении всей человеческой истории верующие вели друг против друга войны. Гностики или мистики никогда. Люди с такой готовностью расположены убивать только во имя теологии или веры. Во имя знания они менее склонны это делать. Потому готовые убивать ради веры будут заинтересованы в удушении голоса знания.

Таким образом, христианские мистики, даже те, что пребывали в лоне Церкви, неизбежно должны были оказаться на подозрении. И вследствие этого по крайней мере некоторые из них – те, кто порождали заметный публичный интерес к своим мистическим переживаниям, – неизбежно должны были попадать под пристальное внимание со стороны Церкви и подвергаться преследованию. Такая судьба постигла Иоганна Экхарта – того, кого многие сочли бы величайшим мистиком Средневековья. Экхарт – известный в наше время обычно как Майстер Экхарт – родился в Германии около 1260 года. Вступив в орден доминиканцев, он получил степень магистра в Парижском университете в 1302 году, а двумя годами позже был назначен первым приором Саксонии. В 1307 году сделался главой доминиканского ордена в Богемии. В 1311 году преподавал теологию в Парижском университете. В 1313 году вернулся в Германию и преподавал там вплоть до своей смерти в 1327 году.

Представления Экхарта были типично мистическими. Несмотря на то что он преподавал теологию, его собственные мистические переживания убедили его в том, что ничто в конечном счете не отделимо от Бога. Бог включает в себя, охватывает и заполняет собой всю целостность творения, включая человечество. Другими словами, между Богом и человеком нет различия. Для передачи своего ощущения вездесущности божественного Экхарт изобрел знаменитое понятие «Istigkeit», которое точнее всего переводится словом «бытийствование». Превознося примат такой лично переживаемой имманентности, он недвусмысленно отвергал всякий «внешний культ». Инквизиторам среди его собратьев доминиканцев, а также архиепископу Кельна утверждения Экхарта показались опасно близкими к пантеизму, который почитался ересью. Действительно, Экхарта подозревали в тайном сочувствии некоторым еретическим сектам, осужденным как раз за свои пантеистические воззрения. В 1326 году папе были направлены жалобы, в которых утверждалось, что Экхарт проповедует ошибочную доктрину, и для расследования этих обвинений был назначен специальный инквизитор. Как выяснилось впоследствии, инквизитор и сам оказался мистически ориентированным и сочувственно настроенным к взглядам Экхарта. Между критиками Экхарта и его сторонниками разгорелась длительная дискуссия, и его дело тянулось почти целый год. Не дождавшись решения,

сам Экхарт умер, но судебные разбирательства длились еще в продолжение двух лет после его смерти. Наконец, в 1329 году было официально объявлено, что в его трудах содержится семнадцать примеров ереси и одиннадцать положений, вызывающих подозрение в ереси. Только с помощью длительной судебной тяжбы удалось избавить его от посмертного унижения и не позволить эксгумировать и сжечь его останки.

В Англии инквизиция не действовала и не имела постоянных трибуналов. Во время судов над тамплиерами, совпавших по времени с карьерой Майстера Экхарта, инквизиторам приходилось приезжать в страну из-за границы, при этом они сталкивались с откровенно холодным приемом и в лучшем случае с неохотным сотрудничеством. Вследствие этого английская мистическая традиция смогла пустить глубокие корни, а мистики, такие, как мать Юлиана (или Юлиан) из Нориджа, остались нетронутыми. Тем не менее даже английские мистики сознавали опасный менталитет инквизиции. Среди наиболее значимых английских мистических текстов анонимный труд четырнадцатого столетия под названием «Покров неведения», в котором содержатся утверждения, практически дословно перекликающиеся с положениями Майстера Экхарта. Как и Экхарт, «Покров неведения» поучает читателя, что «вы и Бог в действительности составляете до такой степени единое существо, что в некотором смысле... вас и вправду можно назвать божественными». И далее: «Смирение, рождаемое этим эмпирическим знанием божьей доброты и любви, я называю совершенным... Ибо иногда люди, далеко продвинувшиеся в созерцательной жизни, будут получать такую милость от Бога, что будут внезапно и полностью вырываться из себя и не будут ни помнить, ни заботиться о том, святые они или грешные».

Но под защитой свободной от инквизиции Англии «Покров неведения» мог осмелиться выражать явное осуждение инквизиторам, даже заходить так далеко, что клеймить их как приспешников inferнальных сил:

«Опять же дьявол будет обманывать некоторых людей с помощью еще одного коварного замысла. Он будет воспламенять их огнем усердного служения закону Божию путем искоренения грехов из сердца других... он подстрекает их принимать на себя роль усердного прелата, надзирающего за каждой стороной христианской жизни... он утверждает, что им движет любовь Бога и огонь братского сострадания. Но в действительности он лжет, ибо воспламеняет его огонь ада в его мозгу и воображении».

Если английские мистики избежали преследований и остались невредимыми, то мистики в Испании пользовались особо пристальным вниманием со стороны тамошней инквизиции. Несмотря на это, однако, Испания стала колыбелью мистицизма такого масштаба, который не встречался, судя по всему, нигде в остальной Западной Европе. В самом деле, в XVI-XVII столетиях Испанию поразила в буквальном смысле эпидемия мистицизма. Ставшие якобы жертвами этой «заразы» были известны под общим названием «алумбрадос», которое переводится как «иллюминаты». Нужно признать, что испанские алумбрадос довольно сильно отличались от позднейших баварских иллюминатов восемнадцатого столетия. В отличие от своих более поздних немецких соименников, испанские алумбрадос не являлись организованным и иерархически структурированным тайным обществом, исповедующим идею социальной или политической революции. Напротив, они представляли собой всего-навсего разрозненные группы людей, большинство из которых не имели никакого контакта друг с другом в рамках общего движения, равно и никакой общей программы. Некоторые из них

безусловно испытали «состояние измененного сознания», которое включает в себя мистическое переживание. Другие, не пережив его сами, просто уверовали в примат мистического опыта над традиционным актом веры, – а уверовав, совершили свой собственный, не столь традиционный, акт веры. Во всяком случае, – и каковы бы ни были их изначальный мистический опыт или его отсутствие, – алумбрадос характерным образом говорили о внутреннем свете, о единстве всего творения, о неразделимости человека с Богом, о необходимости отдаваться всем импульсам и порывам, почитавшимся божественными в своем истоке. Во многих отношениях их утверждения являются отражением гораздо более древней и более организованной ереси братьев Свободного Духа, которая со Средних веков господствовала в Германии, Фландрии и Голландии. В то время Голландия была, естественно, испанскими Нидерландами. В шестнадцатом столетии она была оккупирована и разграблена испанскими войсками. Не лишено вероятности, что принципы, изначально проповедовавшиеся братьями Свободного Духа, снова проникли в Испанию вместе с возвращавшимися солдатами. Испанская инквизиция обошлась с алумбрадос особенно сурово. Все труды алумбрадос были внесены в Индекс.

В 1578 году инквизиция видоизменила свою официальную декларацию веры, дабы объявить многие из положений алумбрадос еретическими и теологически ошибочными. С тех пор преследование испанских мистиков приобрело новую силу и жестокость. Более мягкие наказания – штрафы, епитимьи, заключение, даже пытки – стали все больше уступать место костру. Вероятно, самый прославленный испанский мистик этого периода – Тереса Санчес де Сепеда-и-Аумада, более известная сегодня как Санта Тереса де Хесус или святая Тереса из Авилы (1515-1582). Рожденная в благородной семье, Тереса получила начатки образования, что позволило ей провести большую часть своего детства за чтением рыцарских романов – тех самых романов, которые спустя три четверти века будет высмеивать в «Дон Кихоте» Сервантес. Вскоре им на смену пришли религиозные произведения. На протяжении всей своей жизни Тереса страдала многочисленными нервными болезнями, которые сказывались на ней и физически и психологически, и, возможно, среди них была разновидность эпилепсии. В Испании того времени ее некрепкое здоровье исключило ее из мирских обязанностей в виде замужества и деторождения. Во всяком случае она почувствовала религиозное призвание и в 1535 году в возрасте двадцати лет вступила в кармелитский монастырь в Авиле. Двадцать лет спустя, молясь в часовне, она пережила свой первый мистический опыт. С этого момента мистические или визионерские переживания – то, что она сама называла «вознесением», – стали постоянным явлением в ее жизни.

По совету своих духовников она составила автобиографию, в которой описала свои религиозные переживания. Инквизиция запретила публикацию автобиографии при ее жизни, возможно, из страха, что вокруг нее мог вырасти культ, подобно тому, который вырос вокруг святого Франциска двумя с половиной столетиями раньше. Вместо этого Тересе было дозволено последовать своему желанию вести более простой и строгий образ жизни и основать свой собственный монастырь. Она назвала его общиной босоногих кармелиток. Ведя затворническую жизнь в своем монастыре, она продолжала писать. Она завершила свою автобиографию, описав последовательные этапы, посредством которых человеком достигался союз с Богом в виде «жилищ» [33]. Она написала историю основания своего монастыря, который вскоре уже насчитывал семнадцать сестринских обителей. Составила духовный путеводитель для монахинь своего ордена и руководство по духовным упражнениям. Оставила также

внушительное количество поэтических произведений. Из ее обширной корреспонденции сохранилось более 400 писем. Поздние комментаторы уделяли большое внимание эротической природе мистических переживаний Тересы. В поразительно откровенных сексуальных образах она, к примеру, описывает, как ею «овладевает» божественный любовник или божественная любовь; и ее экстаз порой создает впечатление духовного – или одухотворенного – оргазма. Безусловно, в мистицизме Тересы есть элемент патологии, который фрейдист приписал бы сублимации подавленной сексуальности. Было бы ошибочно, однако, сводить весь ее мистицизм только к этому. Мистические и эротические переживания всегда были тесно связаны в своих психологических проявлениях, и нередко то или иное из этих переживаний выражалось в образах другого. За сексуальными образами Тересы остается нечто такое, что вновь и вновь пытаются выразить мистики всех времен и всех религиозных традиций, даже самые уравновешенные в сексуальном отношении. Так, например, Тереса описывает, как во время ее состояния «вознесения» душа растворяется в Боге – вплоть до того, что уничтожается всякое понятие о различии. Душа, говорит ей Господь, «полностью растворяется... чтобы все больше и больше покоиться во Мне. Уже не она сама живет, а Я». По традиции мистиков, Тереса указывает на конечную бесплодность попыток выражения мистического опыта:

«Блаженство, которое я ощущала внутри себя, нельзя передать на письме, ни тем паче словами; оно непостижимо для того, кто не испытал его».

И она признается:

«Было кое-что, о чем я не подозревала вначале. Я в действительности не знала, что Господь присутствует во всех вещах; и когда Он показался мне таким близким, мне подумалось, что это немислимо».

Любая попытка описать Тересу как элементарную неврастеничку или истеричку была бы опровергнута ее автобиографией и ее письмами, которые демонстрируют удивительную пронизательность в мирских делах, замечательный прагматизм и здравомыслие, присущее ей чувство юмора. Они также свидетельствуют об остром сознании опасности со стороны инквизиции. Тересу явно беспокоит, что ее свидетельство будет осуждено как ересь. Она пишет своему исповеднику, что он должен принять ее работу только в том случае, «если мое повествование находится в согласии с истинами нашей святой католической церкви. Если же нет, то преподобный отец должен немедленно предать ее огню, и я согласна на ее уничтожение. Я буду вести летопись моего опыта, с тем чтобы он мог принести некоторую пользу, если не противоречит христианскому вероучению».

В своей автобиографии она утверждает, что некоторые клирики отказывались выслушивать ее исповеди. Некоторые из тех, кто соглашался, говорит она, заявляли, что она одержима демонами и нуждается в экзорцизме. Один исповедник, сообщает она, решительно объявил, что дьявол вводит ее в заблуждение. И она также рассказывает о друзьях, приходивших предупредить ее, «что против меня может быть выдвинуто обвинение и что я могу оказаться в руках инквизиторов».

Основания для подобного беспокойства, несомненно, были. Радикальный мистицизм Тересы был по внутренней своей сущности враждебен иерархической структуре Церкви, ибо рождал сомнение в значимости роли, играемой официальным духовенством. Она ничтоже сумняшеся обращается к различию, проведенному в начале этой главы, между мистическим опытом и интерпретацией его а

posteriori. Она признает, что «в делах духовных мы часто пытаемся толковать вещи по-своему, словно они принадлежат этому миру, и тем самым искажаем истину». Она смело заявляет, что «ношение сутаны не является достаточным, чтобы сделать из человека монаха [34], и не предполагает того состояния великого совершенства, которое подобает монаху». И тут же, вдруг становясь осторожной, она прибавляет: «Я больше не скажу ничего на эту тему».

Не менее крамольны утверждения Тересы о том, что простое соблюдение ритуальных обрядов, с каким бы усердием и как бы долго они ни выполнялись, не делает милость Божью – то есть мистическое переживание – сколько-нибудь более определенным:

«Порой мы придаем значение ничтожным делам, совершаемым нами для Господа, которые в действительности нельзя было бы считать важными, даже если бы мы совершали их очень часто».

И также:

«Мы полагаем, что можем измерить наше духовное развитие числом лет, в течение которых мы предаемся молитвам. Мы даже полагаем, что можем измерить Того, Кто оделяет нас неисчислимыми дарами для Своего собственного удовольствия и Кто может давать больше одному человеку за шесть месяцев, чем другому за много лет».

И снова:

«Опасно вести счет годам, истраченным на молитвы. Ибо, хотя это даже может делаться в унижении, это всегда может оставлять у нас ощущение, что своим служением мы снискали какую-то заслугу... и любой духовный человек, верящий в то, что простым исполнением молитвы в течение ряда лет заслужил эти духовные утешения, не сможет, я уверена, достигнуть вершин духовности».

Еще более опасно было то, что Тереса воинственно утверждала невозможность иметь какую-либо собственность – не только монахами, братьями и монахинями, но также и другим духовенством:

«Кто-то однажды попросил меня узнать у Бога, будет ли он служить Ему, приняв епархию. После общения Господь сказал мне: «Скажи ему, что если он подлинно и ясно понимает, что истинная власть состоит в том, чтобы ничем не владеть, тогда он может принять ее». Этим Он хотел сказать, что всякий, кому предстоит облечься властью, должен быть очень далек от желания ею обладать. По крайней мере, он никогда не должен стремиться к получению должности».

Тересе, без сомнения, повезло в том, что ко времени прихода к ней известности Торквемада был уже давно мертв. Если не считать запрета на публикацию своих работ при жизни, она избежала гонений со стороны инквизиции, что, вероятно, нужно отнести к разряду чуда в такой же степени, как и все остальное в ее жизни. В 1622 году, спустя сорок лет после ее смерти, она была канонизирована. Но если Тереса не попала в руки инквизиции, были многие другие мистики – некоторые из них знакомые ей лично, – которых не миновала эта участь. Главным среди них был один из самых значительных поэтов того времени Хуан де Йепес-и-Альварес, который взял себе имя Хуан де ла Крус. Хуан имел скромное происхождение и родился на поколение позже Тересы – в 1542 году. В 1563 году, в возрасте двадцати одного года, он вступил в реформированный Тересой орден босоногих кармелиток и в 1572 году стал духовным настоятелем ее монастыря в Авиле. В своих мистических поэмах, имеющих право на то, чтобы их помнили потомки, он обращался к сверхчувственным переживаниям и «темной ночи душ», которая им предшествует. Хуан также писал, что «церковные обряды, образы и места поклонения предназначены только для непосвященных, они вроде игрушек, которые развлекают детей. Посвященные должны

освободиться от этих вещей, которые только отвлекают от внутреннего созерцания».

Неудивительно, что за такие утверждения на него неоднократно доносили инквизиции. Он регулярно оказывался в роли обвиняемого и подвергался преследованиям. В 1576 году трибуналом инквизиции в Толедо он был заключен на девять месяцев в тюрьму с особо строгими условиями. За несколько лет до своей смерти в 1591 году он был сослан в так называемую «пустынь» [35] в Андалусии. В конечном итоге его реабилитировали и канонизировали в 1726 году.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МАСОНСТВО И ИНКВИЗИЦИЯ

В Европе начала семнадцатого столетия – более неподвластной гегемонии Церкви – повсюду множились и процветали ереси, мистицизм и мистически ориентированные философские системы. Был целый ряд в конечном счете бесплодных попыток институционализировать мистический опыт и оформить его как новую, всеобъемлющую мировую религию – со своей, как ни парадоксально, собственной – и неизбежной в таком случае – доктриной, выхолащивающей и искажающей его. И также предпринимались попытки адаптировать мистицизм к политике и создать идеальное государство-утопию, покоящееся на мистических основаниях. Это, к примеру, проповедовалось в так называемом учении розенкрейцеров, которое стало распространяться около 1614 года и объявлялось его представителями как предвестник нового «золотого века». Несмотря на то что розенкрейцерство было более «гностическим» в своем подходе, более всеохватным, более терпимым, более сложным в психологическом плане и более честным в духовном плане, чем католицизм или протестантство, оно тоже опиралось на интеллектуальную интерпретацию эмпирического опыта; и чем сложнее становилась эта интерпретация, тем больше сам опыт отходил на задний план, подменяясь еще одной теологией.

Церковь несомненно воспринимала розенкрейцерство как угрозу, и, как и следовало ожидать, Священная канцелярия включила розенкрейцеров в свой список вероотступников. Подобно ведьмам, розенкрейцеры подлежали преследованиям, изобличениям и суровым наказаниям. Но главным виновником в глазах Рима оставался протестантизм, с которым розенкрейцерство более или менее устойчиво ассоциировалось. В конце концов, именно протестантизм породил обстоятельства и духовный климат, в которых могли плодиться розенкрейцерство и другие формы неортодоксальной мысли. И, следовательно, протестантизм оставался главной мишенью Контрреформации. Если иезуиты и переименованная Священная канцелярия олицетворяли собой Контрреформацию в сфере мысли, вероучения и доктрины, то соответствующее социальное, политическое и военное наступление велось – по крайней мере первоначально и внешне – католическими армиями Габсбургской Испании и Габсбургской Священной Римской империей.

Это наступление переросло в Тридцатилетнюю войну (1618-1648) – конфликт сродни мировой войне в современном смысле и, надо сказать, стал самым ужасным, кровавым и катастрофическим военным конфликтом, который просуществовал на европейской земле до двадцатого столетия. В этой войне Церковь была не только проигнорирована в конечном итоге, но, в ее собственных глазах, скандальным образом предана. К тому времени, когда завершились боевые действия, власть Рима оказалась еще более дезинтегрирована и непрочна, чем раньше. Погрязнув в своей собственной гражданской войне, Англия под протекторатом Кромвеля была еще более безнадежно протестантской, чем когда-либо. В равной мере неприступным был протестантизм скандинавских и

северогерманских государств, а протестантская Голландия сделалась крупной мировой державой, по крайней мере на море и за границей. Протестантские морские державы Англия и Голландия боролись теперь друг с другом за контроль над океанами и колониями, в которых прежде безраздельно господствовали католические Испания и Португалия. Но хуже всего для Церкви было то, что Франция сменила Испанию в роли главной военной державы на континенте и добилась этого, вступив в союз с заклятым врагом.

Французская политика во время Тридцатилетней войны вершилась не апатичным Людовиком XIII, а его главным министром кардиналом Ришелье. И Ришелье, католический кардинал, заправляющий политикой в преимущественно католической стране, пошел на использование католических войск во имя дела протестантизма. Хотя и другие страны, особенно Швеция, неоднократно скрещивали оружие с военной державой Церкви, именно армия католической Франции в конечном итоге сокрушила военную гегемонию католической Испании. Тридцатилетняя война началась как преимущественно религиозный конфликт, в котором католические армии пытались уничтожить протестантизм в Богемии и Германии. К тому времени когда война завершилась, она превратилась в конфликт держав, борющихся за господство на континенте, а религия сделалась случайным и второстепенным фактором по отношению к приоритетам секулярной власти. Теперь в Европе доминировала Франция, когда-то считавшаяся «старшей дочерью Церкви», однако ее главные интересы стали меньше вращаться вокруг Престола святого Петра, чем вокруг Престола «Короля Солнце» Людовика XIV и его двора в Версале. Режим ревностно оберегал свою независимость от папского контроля. Он даже обладал правом назначать своих собственных епископов. Такова была ситуация в ближайшие десятилетия после Тридцатилетней войны и во вторую половину семнадцатого столетия. К 1725 году власть Церкви на континенте была подорвана еще сильнее, ее положение стало еще более шатким. В 1688 году Яков II Английский обратился в католичество, и на краткий миг папству представилась возможность потешить себя надеждой на восстановление в качестве официальной религиозной державы на Британских островах. Однако Британия осталась непреклонной в своем неприятии папизма, подданные Якова отреклись от него и предложили Корону его зятю Вильгельму Оранскому. Последовала осада Лондондерри, а в 1690 году – решающая битва на реке Бойне. В результате Яков был низложен, а парламент принял закон, по которому отныне католику воспрещалось занимать английский престол. Правившие до сих пор католики Стюарты отправились в изгнание, откуда неоднократно пытались поднять мятежи в Шотландии, кульминацией которых стала военная кампания Карла Эдварда Стюарта в 1745-1746 годах. Но эти попытки ни к чему бы не привели. Даже если бы кампания 1745 года увенчалась успехом, сомнительно, чтобы пресвитерианские сторонники Карла Эдварда приняли католического монарха, а привелось ему выбирать между Церковью и английским престолом, принц почти наверняка бы выбрал последний. На континенте Испания, прежде игравшая роль верховного военного и морского пристава Церкви, была низведена до положения банкрота, и к 1704 году другие великие державы Европы, совершенно равнодушные к Риму, воевали из-за того, будет ли все более дряхлеющая Испанская империя управляться Бурбонами или Габсбургами. Австрия номинально оставалась католической и умудрялась отражать сильный исламский прорыв на запад. К середине семнадцатого века, однако, ее влияние в Центральной Европе стало оспариваться и нейтрализовываться появлением нового и опасного протестантского государства к северу,

новоиспеченным королевством Пруссия, созданным в 1701 году. В войнах этого периода на шахматной доске европейской политики также дебютировала Россия, неся дополнительную угрозу Риму в лице Православной церкви. Из католических держав, которые прежде были оплотами Церкви в светских сферах, оставалась только одна Франция. Впрочем, Франция яростно отстаивала свою независимость от Рима. И, хотя номинально являясь католической, теперь она стала представлять наибольшую угрозу из всех – угрозу в мире идей и ценностей, а потому более опасную, чем любая военная или политическая угроза. Под влиянием картезианского рационализма [36] Франция к середине восемнадцатого столетия сделалась авангардом антиклерикальных настроений и стала настоящим рассадником враждебности по отношению к организованной религии вообще и по отношению к католицизму в частности. В трудах «les philosophes» – таких мыслителей, как Монтескье, Дидро и в наибольшей степени Вольтер, – когда-то могущественная и незыблемая Церковь не только отвергалась, но и открытым, скандальным и богохульным образом высмеивалась. К глубокому огорчению церковной иерархии Рим сделался разновидностью расхожего анекдота, объектом безжалостной насмешки. Внеся авторов этой насмешки в списки Индекса, Священная инквизиция стала выглядеть только еще более инфантильно, еще более униженно беспомощной. Если картезианский рационализм и труды французских философов бросали Церкви серьезный вызов, то не менее серьезную угрозу для Церкви представляло собой распространение масонства. Организация, известная в нынешнее время как масонство, оформилась, по крайней мере в своей более современной нам форме, в Шотландии и Англии в начале семнадцатого столетия. К концу протектората Кромвеля и реставрации Стюартов на английском престоле в 1660 году масонство, судя по всему, уже широко распространилось на Британских островах и оказывало все возрастающую поддержку правящей династии. Если бы оно и впредь ограничивалось Британией, которая в глазах Рима в любом случае была отрезанным ломтем, союз вольных каменщиков, возможно, и не получил бы столь пристального внимания со стороны Церкви. Но когда Стюарты отправились в изгнание, они принесли с собой на континент масонские идеи, которые в последующие годы быстро разошлись по Европе.

Согласно дошедшим до нас документам, первая ложа вне Британских островов была создана в Париже в 1726 году Чарльзом Рэдклифом, позднее графом Дервентвотерским, незаконнорожденным внуком Карла II. В 1746 году Рэдклиф будет казнен в Лондоне за свою роль в притязаниях Карла Эдварда Стюарта на английский престол. До своей смерти, однако, он создал еще несколько лож во Франции, и масонство приобрело невиданный размах. Первая ложа Австрийской империи была учреждена в Праге в 1726 году, вскоре после создания Рэдклифом ложи в Париже. В 1730 году, будучи посвященным в масоны пятью годами раньше, Франсуа, герцог Лотарингский, женился на Марии Терезии фон Габсбург, тем самым сделавшись соправителем Австрийской империи. Он основал ложу в Вене и оказывал покровительство масонам во всех владениях Габсбургов.

В Италии первая ложа была основана в 1733 году, в Голландии в 1734 году, в Швеции в 1735 году, в Швейцарии в 1736 году. Первая ложа в Германии была учреждена в Гамбурге в 1737 году. Годом позже в масоны был посвящен будущий Фридрих Великий Прусский [37], впоследствии основавший свою собственную ложу в своем замке в Рейнсберге. В 1740 году была основана ложа в Берлине. К этому времени количество лож в Голландии и Швеции стало достаточно большим, чтобы давать право на создание Великой ложи. К 1769 году в одной только Женеве насчитывалось десять лож.

Ложы также были учреждены перед самым носом инквизиции – в Испании и Португалии. К середине восемнадцатого столетия масонство проникло в каждый уголок Западной Европы. Оно уже распространилось через Атлантический океан на Южную и Северную Америку. Вскоре оно проникло на восток в Россию, а также в европейские колонии в Азии, Индостане и Тихом океане. Помимо Фридриха Великого и императора Священной Римской империи Франсуа Лотарингского, ряды масонства включали таких коронованных особ, как Станислав II Польский, Адольф Фредерик Шведский и, по неподтвержденным данным, Людовик XV Французский. В их число входили также многие «отцы-основатели» будущих Соединенных Штатов, такие деятели, как Бенджамен Франклин и Джордж Вашингтон. Масонами были видные литературные фигуры, такие, как Монтескье, Дидро, Вольтер, а к концу восемнадцатого века Гете и Шиллер. В Британии масонами являлись видные представители правящей Ганноверской династии, а также Поп, Свифт, Босуэлл [38] и Хогарт [39].

Угроза, которую представляло собой для Церкви масонство, была многолика. В первую очередь многие, если не большинство лож того времени, придерживались, по крайней мере отчасти, картезианского рационализма и тем самым служили в качестве рассадника враждебных католицизму умонастроений. Масонство никогда не претендовало на то, чтобы быть конкурирующей или альтернативной религией, однако оно задавалось духовными вопросами и в силу этого подрывало догматическую, нерассуждающую и безропотную веру, которой требовал Рим. В то время как Рим упрямо цеплялся за доктрину, в течение столетий остававшуюся неизменной, масонство восприняло быстро меняющийся мир восемнадцатого столетия – с его коммерцией, промышленностью и научным прогрессом. Тот мир также включал значительную социальную реформу с беспрецедентным акцентом на равенстве и правах человека. В то время как Церковь смотрела назад, масонство смотрело вперед, а когда Рим заглядывал в будущее, это будущее представлялось более благосклонным к ложам, чем к святому престолу. Были и другие основания для беспокойства. До Реформации Церковь являлась, пусть только в теории, верховным арбитром западного христианского мира. Фактически она представляла собой, пусть и условно, международный форум – аналог Лиги Наций или Организации Объединенных Наций того времени. Теоретически секулярные споры между соперничающими монархами, к примеру, подлежали рассмотрению Церковью. Церковь была уполномочена действовать в качестве посредника между враждующими сторонами, в качестве миротворца и третейского судьи. Эта роль была драматичным образом ограничена Реформацией. Протестантские церкви были едва ли готовы принять католический авторитет в духовных или мирских вопросах. Но католицизм по-прежнему сохранял достаточное влияние на европейском континенте – во Франции, в Австрии и Южной Германии, в Италии, Испании и Португалии, – чтобы предложить по крайней мере какую-нибудь общую основу, на которой можно было добиться сближения. Именно на этой территории масонство грозило покуситься на традиционные функции Церкви, возможно, даже узурпировать их. В отличие от Церкви, разветвленная сеть масонских лож переступала границы конфессий, позволяя католикам и протестантам говорить друг с другом без оков доктрины и догмы. Разраставшаяся паутина лож являла собой одновременно канал для передачи сообщений и форум для межправительственных и международных контактов на высшем уровне, для неформальных обсуждений договоров, для щекотливых дипломатических переговоров. Так, к примеру, протестантская Пруссия при Фридрихе Великом и католическая Австрия при Марии Терезии и Франсуа Лотарингском могли находиться в

состоянии войны – как это и было в действительности в двух случаях между 1742 и 1763 годами. Но и Фридрих и Франсуа были масонами, равно как и многие их министры и военачальники.

Посредством лож могло производиться дипломатическое зондирование на предмет возможности мирных переговоров и находиться общее основание для сближения и объединения усилий, что с помощью Церкви было уже невозможно делать. При посредничестве лож могли оформляться новые союзы, для поддержания баланса сил создаваться новые альянсы и образования. Это, без сомнения, способствовало подвижности политической жизни эпохи, в силу чего могли возникать такие явления, как знаменитая «Дипломатическая революция». Во время войны за австрийское наследство (1742-1748) Австрия выступала в союзе с Англией против Пруссии и Франции. В результате «Дипломатической революции» противоборствующие стороны поменялись союзниками. Во время Семилетней войны (1756-1763) Австрия выступала уже в союзе с Францией против Пруссии и Англии.

Само собой разумеется, конечно, что возможности, предлагавшиеся ложами, далеко не всегда реализовывались, а чаще обычного оставались чисто теоретическими. Но и способность Церкви выступать в роли арбитра тоже редко выходила за рамки теории, да и ложи добились по меньшей мере таких же успехов в претворении теории в практику, что и Церковь. Даже если войну нельзя было предотвратить, можно было договориться о тщательном соблюдении, насколько это возможно, оговоренных правил и некоторых достижений Просвещения, отстаиваемых ложами. И в самом деле, войны восемнадцатого столетия, в отличие от войн семнадцатого века, велись так же «цивилизованно», «по-рыцарски» и «по-джентльменски», как может вестись любая война, в строгом соответствии с международно признанными и принятыми принципами и стандартами поведения. Отчасти это отражало перелом в сознании, произошедший вследствие эксцессов таких конфликтов, как Тридцатилетняя война, но это также имело своей причиной отсутствие религиозной вражды и религиозного фанатизма и признание определенных кодексов поведения, пользовавшихся все большим уважением. Эти кодексы были в немалой степени обязаны тем идеям, принципам и ценностям, которые проповедовались ложами.

Наступление на масонство

Встревоженная буйным распространением масонства и угрозами, которые исходили от этого института, Церковь принялась действовать. 25 июля 1737 года во Флоренции была созвана тайная конференция Священной канцелярии, вероятно, под председательством самого папы Климента XII. На конференции присутствовали три кардинала, главы основных папских конгрегаций и генеральный инквизитор. Единственной темой их обсуждения было масонство.

Тогда почти так же широко были распространены утечки информации из высокопоставленных источников, как и сейчас, и вскоре в берлинском журнале были опубликованы сообщения об этом тайном конклаве. Согласно этим сообщениям, собравшиеся на конклаве церковники были убеждены, что масонство являлось лишь прикрытием для какой-то гораздо более обширной, всеохватывающей, тайной ереси совершенно нового вида. Трудно вообразить, что за ересь мнилась клирикам, чтобы вызвать у них такое крайнее беспокойство. Как бы то ни было, по сообщениям берлинского журнала, масонов уже арестовывали. Позже в том же году в целом ряде городов вспыхнули антимасонские выступления, за которыми угадывался чей-то заказ. Становилось все более очевидно, что влиятельные закулисные силы начали ополчаться против масонства. Девять месяцев спустя после

конференции во Флоренции – 28 апреля 1738 года – папа Климент издал первую из целого ряда следовавших за ней булл по этому вопросу, приобретающих с каждым разом все более воинственный тон. Булла («In eminenti») начиналась словами:

«Осуждение союзу, ложам... вольных каменщиков, под страхом отлучения, следующего *ipso facto* [40], а освобождение от него оставляется за верховным понтификом».

В дальнейшем тексте папа заявлял, что «мы желаем и требуем, чтобы как епископы, прелаты и другие местные служители, так и уполномоченные по делам еретиков инквизиторы повсеместно предпринимали действия и устраивали следствия против преступников, невзирая на их положение, звание, статус, сан или известность, подвергали их заслуженным наказаниям, как если бы их подозревали в ереси, и принуждению».

Оговоренное в данном случае «принуждение» – тюремное заключение и сопутствующее наказание – должно было при необходимости производиться и осуществляться с «помощью светских властей».

Не желая наживать себе врага в лице Церкви, целый ряд европейских режимов тотчас принялся действовать. Еще предыдущим летом полиция во Франции начала проводить аресты членов ложи и конфисковывать их литературу, из которой мы и черпаем большую часть знаний о французском масонстве того времени. В Польше масонство было запрещено на всей территории королевства. В Швеции участие в масонских обрядах стало наказываться смертной казнью. Воодушевленная такой реакцией, Церковь ужесточила свою позицию. 14 января 1739 года кардинал Жозеф Фиррао, государственный секретарь Ватикана, издал новый эдикт. Всем масонам повсеместно грозили конфискация их имущества, отлучение от Церкви и смерть.

В феврале 1739 года был осужден, внесен в Индекс и подвергнут официальному сожжению на Пьяцца Санта-Мария Минерва в Риме масонский текст – написанный по-французски, но изданный в Дублине. Вскоре после этого был арестован, заключен в тюрьму и подвергнут пыткам целый ряд масонов во Флоренции. Одному из них удалось получить свободу, когда несколько английских лож сделали «денежное пожертвование» – иначе говоря, заплатили штраф – Священной канцелярии. Другие были освобождены благодаря вмешательству Франсуа Лотарингского, который среди прочего носил титул эрцгерцога Тосканского. В 1751 году преемник папы Климента XII Бенедикт XIV выпустил вторую буллу против масонства, в которой повторялось осуждение первой, но присовокуплялись еще более строгие наказания. Однако, несмотря на подобные меры и глубокое возмущение Священной канцелярии, католики продолжали в больших количествах вступать в ложи. Еще более тревожным было то, что ложи начали привлекать к себе не только мирских католиков, но также и священников, и даже некоторых высокопоставленных клириков. К примеру, ложа в Майнце состояла почти полностью из духовных лиц. В другой ложе, в Мюнстере, состояли приближенные главного епископа. В Эрфурте будущий епископ сам основал ложу, которая собиралась в помещениях аббатства в известном монастыре. Ложа в Вене включала двух королевских капелланов, ректора теологического заведения и еще двух священников. Среди членов другой венской ложи насчитывалось не менее тринадцати священнослужителей. К концу восемнадцатого столетия список высокопоставленных масонов-католиков пополнился многочисленными аббатами и епископами, одним имперским капелланом, одним кардиналом и по меньшей мере пятью архиепископами. Масонство превращалось в такую же многоголовую гидру, так же стремительно и неостановимо разрасталось, как и за 200 с небольшим лет до этого протестантизм. А Церковь, все больше лишаясь

поддержки военных держав, с помощью которых можно было бы утвердить свои власть и авторитет, была куда более беспомощной, чем во времена Реформации. Но там, где указы Священной инквизиции все еще пользовались силой, масоны были законной добычей и преследовались с таким же усердием, как в прошлом ведьмы. Так обстояло дело особенно в Испании и Португалии, где по-прежнему действовала национальная инквизиция, подконтрольная короне. Вскоре после первого папского выступления против масонов в 1738 году испанская инквизиция совершила рейд на ложу в Мадриде и арестовала ее членов, восемь из которых были приговорены к работам на галерах. В 1748 году инквизиция завершила четырехлетнее расследование дела о масонстве. Все масоны, по ее заключению, подлежали автоматическому отлучению от Церкви как «упрямые нечестивцы, действующие против чистоты святой веры и общественной безопасности королевства». Тремя годами позже – в 1751 году – инквизиция вытребовала у короны указ, санкционировавший автоматическую смертную казнь для масонов и отрицавший за ними даже право на суд. В том же году один из инквизиторов – некто отец Жозеф Торрубиа – самолично вступил в ложу, дабы шпионить, собирать информацию и доносить на членов ложи.

Согласно его сообщениям, в Испании того времени было девяносто семь лож. Несмотря на предпринимаемые против них драконовские меры, число лож будет увеличиваться, а их борьба с инквизиционными преследованиями будет продолжаться еще три четверти столетия. В конечном итоге они выйдут победителями. После наполеоновских войн и реставрации испанской монархии уничтожена была как раз инквизиция. Ложи выжили и разрослись – как в Испании, так и в испанских колониях Латинской Америки. Сходная история была в Португалии. В некоторых своих произведениях романист Хосе Сарамаго, обладатель Нобелевской премии по литературе 1998 года, рисует вездесущую португальскую инквизицию восемнадцатого столетия. Как и ее аналогу в Испании, ей нужен был козел отпущения, чтобы оправдать свое затянувшееся существование, а масонство представлялось очевидным кандидатом на эту роль. Одним из печально известных примеров деятельности португальской инквизиции было дело Джона Кустоса, гранильщика алмазов швейцарского происхождения, который с детства проживал в Англии, натурализовался и был посвящен в масоны. В 1736 году Кустос учредил свою собственную ложу в Париже. В 1741 году, побуждаемый открытием алмазов в Бразилии, он перебрался в Лиссабон и основал ложу там. Среди ее членов не было португальцев, только иностранцы – гранильщики алмазов, купцы, коммерсанты, ювелиры и капитан корабля. Тем не менее на нее донесли португальской инквизиции, которая – в марте 1743 года – взялась за дело. Первым, кого арестовали из членов ложи, был французский ювелир. Под деловым предлогом агенты инквизиции навестили его в полдень как раз в тот момент, когда он закрывал свою лавку на время сиесты. Без долгих рассуждений его арестовали, обыскали на предмет оружия, а также приказали ему молчать. Затем его быстро затолкали в небольшую закрытую карету, увезли и бросили в застенок дворца инквизиции, не позволяя ему вступать с кем-либо в контакт. Чтобы объяснить его исчезновение, инквизиция распространила слух, что он сбежал, прихватив с собой алмазы. Спустя четыре дня – 5 марта 1743 года – арестовали самого Кустоса. В десять часов вечера он вышел из кофейни, где проводил время за беседой с двумя друзьями. На улице его поджидали девять служителей инквизиции с традиционной небольшой закрытой каретой. Изъяв у него шпагу, ему надели наручники и быстро доставили его во дворец инквизиции, где его также бросили в застенок. Здесь он пробыл в одиночестве в течение двух дней, лишенный права

принимать посетителей, слыша только стоны и крики, доносившиеся из соседних камер и коридоров. Наконец, началась длинная череда пыток и допросов. Как выяснилось, инквизиция желала знать все что можно о масонстве и деятельности лож в Португалии.

Не будучи мазохистом или особо героическим человеком, Кустос старался удовлетворить любознательность своих истязателей. В ходе нескольких допросов он добровольно поведал немало сведений относительно обрядов и практики масонства и назвал двенадцать других членов своей ложи, иностранцев по рождению, большинство из которых были французами. Однако, несмотря на все эти исчерпывающие сведения и добровольное признание, инквизиторы не были уверены, что узнали все, что мог им поведать Кустос. Сверх того, они настаивали, чтобы он обратился в католичество. Это он отказался сделать, даже когда были приведены, чтобы склонить его к этому, английские и ирландские монахи, находившиеся в Лиссабоне. Материалы инквизиции по делу Кустоса сохранились до наших дней и достигают 600 страниц. Среди них имеется текст наиболее подробнейшего признания. Несмотря на это признание, трибунал постановил «прибегнуть к пыткам, дабы получить от него признание... что ряд пунктов, вменяемых ему в вину, соответствуют истине». Другими словами, Кустоса надлежало подвергнуть пыткам для того, чтобы получить от него признание, подтверждающее правдивость его предыдущего признания. Согласно дошедшим до нас документам инквизиции, 6 марта 1744 года – почти год спустя после его первого признания – Кустоса «покрутили на решетке». Сам Кустос позднее описал, что предполагала эта внешне невинная фраза. Его привели в квадратное помещение, напоминавшее башню, без окон и освещения, если не считать двух свечей. Двери были обиты войлоком, чтобы заглушать всякий звук. Жертву схватили шесть помощников инквизиторов, раздели почти догола и закрепили на решетке с помощью железного кольца на шее и железного кольца на каждой лодыжке, двух веревок на каждой руке и двух на каждой ноге. Затем четыре человека принялись растягивать жертву за конечности, туго натягивая веревки – так, что они врезались в плоть жертвы и вызывали кровотечения из всех восьми ран. Когда он потерял сознание, его снова перевели в камеру.

Через шесть недель – 25 апреля 1744 года – Кустоса снова подвергли пытке. Материалы инквизиции описывают, с какой педантичностью соблюдались все формальности. Так, «врач, хирург и другие исполнители пытки приблизились к судьям и поклялись на Библии, возложив на нее руки и пообещав верой и правдой исполнять свои обязанности. После чего было приказано начинать пытку, назначенную для обвиняемого, и его, разоблаченного от тех одежд, которые могли воспрепятствовать правильному проведению пытки, поместили на решетку и начали привязывать. Затем я, нотариус, сообщил ему, что в случае, если он умрет во время процедуры, или получит увечье, или у него будет сломана конечность, вина за это будет возложена на него, а не на инквизиторов».

На этот раз Кустосу тянули руки назад на деревянной раме, вывихнув плечи и вызвав кровотечение изо рта. Процедуру повторяли три раза, после чего его вернули в камеру. Здесь врач и хирург вправили ему суставы, причинив ему этим «неописуемую боль». Спустя примерно два месяца Кустоса подвергли пытке в третий раз. Вокруг живота его обмотали толстой цепью и привязали ее на каждой руке к веревке, которая последовательно натягивалась при помощи ворота. От такой процедуры его живот был весь в кровоподтеках, его плечи снова были вывихнуты, как и его запястья. После того, как хирург вправил ему суставы, вся процедура была повторена. В течение

нескольких недель после этой пытки он не мог поднести руку ко рту. 21 июня 1744 года состоялся публичный суд над Кустосом. Вместе с другими жертвами его заставили пройти процессией до церкви Святого Доминика, в которой собрались и ожидали король, принцы, знать и огромная толпа простого народа. Кустоса обвинили в том, что он «не сознался в еретической, постыдной и преступной цели, ради которой намеревался ввести новую доктрину в католическом королевстве, как и не объявил о тех делах, для которых требуется такая страшная секретность». Он был приговорен к четырем годам на галерах, но очень скоро так сильно заболел, что вынужден был провести два месяца в тюремном лазарете. Тут его опять навестили ирландские монахи, которые пообещали ему освобождение в обмен на обращение в католичество. Кустос снова отказался, однако из лечебницы ему удалось тайно переправить письмо своему шурину, служившему в доме видного масона графа Харрингтонского. Граф поговорил с государственным секретарем того времени герцогом Ньюкаслским, который отдал распоряжение британскому послу в Лиссабоне содействовать освобождению Кустоса. Это наконец и случилось в октябре. Поблизости не было британских кораблей, однако на приколе в это время случилось стоять небольшому голландскому флоту, и командовавший им адмирал дал разрешение на проход Кустоса на голландское судно. Инквизиция крутилась вокруг, выискивая повод для нового его ареста. Потому ему разрешили незамедлительно подняться на борт. Он оставался там в течение трех недель, в то время как агенты инквизиции сновали вокруг, пытаясь определить корабль, на котором он нашел приют. С серьезно подорванным здоровьем он вернулся в Лондон 15 декабря 1744 года. О своих злоключениях он писал:

«У меня слишком много причин опасаться, что я буду испытывать на себе последствия этой жестокости до конца моих дней. Время от времени я мучаюсь жуткими болями, которыми никогда не страдал, пока меня не постигло несчастье попасть в безжалостные и кровавые руки инквизиторов».

Два года спустя он умер. Перед этим он подробно изложил свои злоключения в книге «Страдания Джона Кустоса за масонство», которая увидела свет в конце декабря 1745 года, когда якобитский мятеж [41], инспирированный Карлом Эдвардом Стюартом, был все еще в разгаре. Неудивительно, что книга была использована в целях антикатолической и, следовательно, антиякобитской пропаганды. Она еще долгое время продолжала оказывать влияние, оставляя в умах английских читателей и английской общественности неизгладимый портрет инквизиции. Следы этого портрета можно различить в некоторых образцах «готической литературы» конца восемнадцатого и начала девятнадцатого столетия, в таких произведениях, как роман Мэтью Льюиса «Монах».

Калиостро и Казанова

Поддерживаемые юридической, гражданской и военной властью своих корон, испанская и португальская инквизиции продолжали ревностно бороться с ересью масонства на протяжении восемнадцатого столетия не только дома, но и в колониях за границей. Обе были уничтожены во время наполеоновской оккупации Иберийского полуострова и последующей кампании по его отвоеванию под руководством будущего герцога Веллингтона, – а масоны как в британской, так и во французской армиях выказывали мало симпатии к институту, который прежде их преследовал. К концу войны на Пиренеях инквизиция была снова учреждена реставрированными монархиями в Испании и Португалии. Ее новое существование было, впрочем, кратковременным. К концу первой четверти девятнадцатого века испанская и португальская инквизиции прекратили свое

существование, а в бывших колониях Латинской Америки были созданы республики, которые управлялись главным образом масонами.

В других странах католической Европы Священная канцелярия, лишенная секулярной поддержки ее испанских и португальских аналогов, действовала с меньшими успехами. Но, несмотря на всю шаткость своего положения в менявшемся мире, она все же продолжала вести наступление на масонство, и, особенно в Италии, масоны по-прежнему испытывали на себе ее заботу и попечение.

Среди наиболее видных жертв был Жозеф Бальзамо, более известный как граф Калиостро.

Родившийся в Палермо в 1743 году, Калиостро много путешествовал и был посвящен в масоны в Лондоне в 1777 году. Впоследствии он ввел свой обряд или ритуал масонства, который пытался распространить по всей Европе. В 1789 году он прибыл в Рим, ища аудиенции у папы Пия VI, который, как ему мнилось, должен был отнестись с сочувствием к его масонскому ритуалу и принять его на благо Церкви. Это могло показаться наивным, однако в действительности Калиостро нашел римский клир крайне восприимчивым к своим проповедям и свел дружбу с высокопоставленными фигурами в целом ряде католических институтов, включая орден мальтийских рыцарей.

Окрыленный своим успехом, он учредил свою собственную ложу в Вечном городе, которая предположительно собиралась во дворце Мальтийского ордена. По свидетельствам, в число ее членов входили не только рыцари и знать, но также функционеры-клирики, священнослужители и по меньшей мере один кардинал.

Папа, однако, уже передал досье на него Священной канцелярии. В конце декабря 1789 года – спустя примерно семь месяцев после своего приезда в Рим – Калиостро был арестован вместе с восемью членами своей ложи, одним из которых был американец. В течение следующих восемнадцати месяцев он подвергался допросам в Кастель Сант-Анджело [42]. 21 марта 1791 года Священная канцелярия осудила его за ересь и приговорила к смерти – этот приговор был заменен папой на пожизненное заключение. 4 мая 1791 года папа приказал, чтобы все документы и манускрипты, масонские регалии и одеяния Калиостро были сожжены муниципальным палачом на Пьяцца Санта-Мария Минерва. Одна папка с документами, содержащая отдельные бумаги, личные записи и письма, по-видимому, каким-то образом избежала этой участи. В 1970-х годах итальянский автор Роберто Джервазо обратился с просьбой изучить этот материал, но получил отказ от главы Священной канцелярии. Сам Калиостро умер в заключении в 1795 году.

Другим известным масоном, ставшим жертвой Священной канцелярии в Италии, был современник Калиостро Джакомо Джироламо Казанова ди Сейнгальт (1725-1798). После исключения из семинарии за, как утверждалось, непристойное поведение Казанова, как и Калиостро, много путешествовал и в 1750 году был посвящен в масоны. Позже он напишет, что вступление в ложу было обязательной ступенью в образовании, развитии и карьере всякого умного молодого человека с хорошим воспитанием, желавшего оставить след в мире. Когда Казанова вернулся в свою родную Венецию, он был схвачен Священной канцелярией, которая обвинила его в безбожии и занятиях магией. Сначала его принуждали шпионить за масонами и другими подозрительными фигурами, а затем заключили в тюрьму. В конечном итоге, при обстоятельствах, достойных приключенческого романа Дюма, ему удалось бежать, после чего он вступил на путь, который и сделал его впоследствии известным.

Посмертно изданные мемуары Казановы создали ему репутацию авантюриста, шарлатана,

мошенника, соблазнителя и любовника, победам которого позавидовал бы сам Дон Жуан. Но он также был талантливым эгоистом [43], умевшим рекламировать свой образ, а в его мемуарах безусловно немало преувеличений, гипербол, поэтических вольностей. Впрочем, помимо щедрой саморекламы они предлагают читателю очень яркую и точную панораму нравов того времени. Более того, Казанова был даровитым писателем. Он являлся автором исторических трудов, написанных по-итальянски, и фантазмагоричного романа, не лишенного литературных достоинств, написанного по-французски. В 1788 году он опубликовал подробный отчет о своем пребывании в застенках Священной канцелярии и о своем побеге из заключения – «Histoire de ma fuite des prisons de Venise» [44], – который составляет один из ценнейших источников имеющихся у нас сведений о деяниях Священной канцелярии во второй половине восемнадцатого столетия.

Папская паранойя

Удивительно, но факт: вплоть до 1790-х годов – уже после войны за независимость в Северной Америке, во времена французской революции, когда Западная Европа уже вступила в эпоху Нового времени, – Священная инквизиция все еще обладала властью заключать в тюрьмы людей, даже приговаривать их к смерти. Впрочем, вскоре эта власть будет урезана и упразднена. Французская революция, революционные движения, которые последовали в Италии, и наполеоновское вторжение на Апеннинский полуостров до основания потрясли Церковь, папство и Священную канцелярию. То же действие имело французское ограбление ватиканских архивов, большая часть из которых до сих пор остается в Париже – в Арсенальной библиотеке. В нескольких итальянских городах масоны искали мести своим прежним преследователям, и немалое число инквизиторов вынуждены были спастись бегством от разъяренной толпы. С падением Наполеона Церковь, подстрекаемая Священной канцелярией, возобновила свою вендетту против масонства, которая по ходу девятнадцатого столетия будет становиться все более оголтелой и все более фанатичной. В 1814 году – после первого отречения Наполеона – была выпущена новая булла против масонства. Затем последовали другие осуждения масонства со стороны пап – Пия VII (1800-1823), Льва XII (1823-1829), Пия VIII (1829-1830) и Григория XVI (1831-1846). Папа Пий IX, который впоследствии объявит себя непогрешимым, издал в 1846 году, в первый год своего понтификата, энциклику с осуждением масонства и затем еще семь раз в разные годы выступал по этому вопросу. Масонство было осуждено как «синагога сатаны» и «проклятая секта безбожников». Преемник Пия IX Лев XIII вззошел на папский престол в 1878 году и занимал его до 1903 года. В 1884 году он издал энциклику, которая явилась самым злобным осуждением масонства, когда-либо исходившим из Церкви. Энциклика была прочитана с паперти каждой церкви по прямому указанию папы и начиналась так: «Человеческая раса делится на две разных и противостоящих друг другу партии... Одна из них – Царство Божие на земле, то есть Церковь Иисуса Христа; другая – царство сатаны».

Затем речь в энциклике шла непосредственно о масонстве:

«В наши дни... по-видимому, те, кто следуют стезей зла, строят заговоры и ведут все вместе борьбу под предводительством и с помощью общества крепко укоренившихся и повсеместно распространившихся людей, коих называют масонами».

Далее папа объявляет без обиняков источник возмущения Церкви – боязнь предполагаемого конкурента.

Масоны «открыто говорят о том, что они уже длительное время вынашивали втайне... что у папы

должна быть отображена его духовная власть, и что Божественный институт римского понтификата должен исчезнуть из мира».

В своем романе «Les caves du Vatican» («Подземелья Ватикана»), написанном в 1914 году, Андре Жид описывает в художественной форме эпизод, который, как считается, имел место в реальности. Он повествует о том, как в конце девятнадцатого столетия во время понтификата Льва XIII двое ловких мошенников бродят по провинциям Южной Франции. Они одеты в монашескую одежду и имеют при себе тщательно составленный и подробный список богатых католиков, проживающих поблизости. Они являются в дома своих жертв и рассказывают им, требуя сохранить это в строжайшей тайне, ужасную историю. Человек, сообщают они, который появляется время от времени на балконе собора Святого Петра, не является папой. На самом деле он его двойник, похожий на него человек, самозванец, восшедший на Святой престол в результате масонского заговора. Подлинный папа похищен масонами. Его удерживают в качестве заложника под надежной охраной в каком-то неизвестном месте. Если вовремя не будет собран требуемый выкуп, его казнят, а папский престол будет захвачен масонами. Поэтому к верным и преданным католикам обращаются тайно за пожертвованиями для выкупа папы. Немудрено, что эти два ловких пройдохи наживают в результате кругленькое состояние. Такие истории были не редкостью в то время. Трудно сказать, какую из нескольких подобных историй имел в виду Жид или насколько вольно он обращался с реальными фактами этого жульничества. Но его повествование служит красноречивым свидетельством тех страхов, которые имела в отношении масонства Священная канцелярия, и той непримиримости, которой были подвержены Церковь и ее сторонники. Это продолжается до наших дней. Не далее как в начале 1990-х годов по почтовым ящикам в лондонской Бельгравии [45] были распаханы четырехстраничные брошюры, щедро отпечатанные реакционной католической организацией, в которых снова утверждалось о гнусном масонском заговоре, нацеленном на мировое господство, – и в числе масонов ошибочно упоминался такой человек, как граф Маунтбаттен Бирманский, который масоном никогда не был.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗАХВАТ ПАПСКОЙ ОБЛАСТИ

К последней трети девятнадцатого столетия Церковь, а вместе с ней и Священная канцелярия оказались в настоящей осаде. Со времени выхода романа Дидро «Монахиня», опубликованного более чем за столетие до этого в 1760 году, священники, монахи, аббаты, епископы, кардиналы и особенно инквизиторы все чаще стали выступать в литературных произведениях в роли главных злодеев, фигурируя в таких «готических романах», как роман «Монах» Мэтью Льюиса, и в произведениях более серьезных писателей, таких, как Стендаль. А в 1879-1880 годах великий инквизитор из «Братьев Карамазовых» Достоевского оставил в русском и западном сознании прочный и неизгладимый образ циничного и безжалостного патриарха, готового ради интересов Церкви и ее иерархов отправить на костер самого Иисуса. Но не только благодаря «высокой культуре» Рим получал отчетливо недоброжелательную прессу. Церковь всегда вызывала враждебность у значительных слоев населения. Теперь же, благодаря все большей свободе слова, распространению образования и огромному числу газет, журналов и популярной литературы, подобная враждебность по отношению к Церкви получала все более эффективные средства для своего выражения, находя поддержку и подкрепление в тех культурных ценностях и установках,

которые проповедовались просвещенными умами. В преимущественно протестантских странах, таких, как Англия и Германия, неприятие расширения власти Церкви было общепринятой данностью. В Соединенных Штатах, несмотря на приток иммигрантов-католиков из Италии и Ирландии, были широко распространены антикатолические настроения. Церкви грозили и другие опасности. В 1859 году Чарльз Дарвин опубликовал «Происхождение видов». За этой работой последовало в 1871 году «Происхождение человека» – еще более взрывоопасная в теологическом отношении работа, ставившая под сомнение подлинность картины Творения, излагаемой в Священном Писании. Почти три столетия веса западных ценностей опасно колебались между наукой и организованной религией. Теперь они как бы разом решительно качнулись в пользу науки, и западная цивилизация приобрела атеистическое измерение, которое еще совсем недавно казалось немислимым. В прошлом любое отклонение от религиозной догмы, не говоря уже об атеизме, было уголовно наказуемым преступлением. Еще в конце восемнадцатого столетия в протестантской Англии Шелли [46] был изгнан из Кембриджа за атеизм, а наказания в тех частях света, где Церковь обладала непосредственной властью, были куда более суровыми. Теперь, однако, всего каких-нибудь шестьдесят с небольшим лет спустя, атеизм и провозглашенный Томасом Гексли и Гербертом Спенсером агностицизм стали не просто уважаемы, а в высшей степени модны. Такой же популярностью – в кругах еще более шумных и многоголосых – пользовался «диалектический материализм» Карла Маркса с его критикой религии как «опиума для народа», – правда, в конечном итоге оказалось, что сам марксизм является не менее страшным опиумом. По христианскому миру разносились подобные опасные идеи, а Церковь, лишившись власти для их подавления, могла только беспристрастно наблюдать за происходящим. Инквизиторы Священной канцелярии, бывшие в прежние времена сворой гончих, теперь бездействовали.

Дополнительную угрозу представляли собой развитие исторической и археологической наук в Германии и используемая ими методология. До середины девятнадцатого века методологии исторических и археологических исследований, которую в наше время мы принимаем более или менее как нечто само собой разумеющееся, попросту не существовало. Не имелось никаких общепринятых стандартов, никаких предпосылок для создания целостной дисциплины и методики обучения ей. Не было никакого подлинного осознания того, что подобные исследования могут составлять какую-то «науку» – или что они могут требовать точности, объективности, систематичности, которых требует всякая наука. Под влиянием немецких ученых такое положение вещей изменилось радикальным образом. Ярким примером этого изменения был Генрих Шлиман (1822-1890), родившийся в Германии, а в 1850 году принявший американское гражданство. С детства Шлиман был захвачен эпическими поэмами Гомера о Троянской войне – «Илиадой» и «Одиссеей». С возрастом в нем все больше крепло убеждение, что эти поэмы были не просто выдуманными сказками, а мифологизированной историей – хрониками, возведенными в ранг легенд, однако основанными на реально бывших когда-то событиях, людях и местах. Осада Трои, настаивал Шлиман, действительно имела место в истории. Троя не была всего лишь плодом поэтического воображения Гомера. Напротив, когда-то это был реальный город.

Шлиман руководствовался в своих археологических изысканиях предположением, что поэмами Гомера можно было пользоваться как картой, с помощью которой можно было распознать некоторые географические и топографические указания. Можно было рассчитать примерную скорость

передвижения в то время и посредством этого оценить расстояния между одним и другим местом, которые упоминались в греческих текстах. Тем самым, утверждал Шлиман, можно было проследить маршрут греческого флота и определить подлинное место Трои. После выполнения соответствующих расчетов Шлиман был уверен, что нашел «тот X, который помечал место».

Занимаясь коммерцией, Шлиман сколотил большое состояние. Имея в своем распоряжении значительные финансовые ресурсы, он занялся тем, что его современникам казалось донкихотским предприятием, – взялся за полномасштабные раскопки на месте «X», которое он определил. В 1868 году, начав с Греции и используя в качестве путеводителя поэму, насчитывавшую две с половиной тысячи лет, он пустился по маршруту греческого флота, как это описано у Гомера. Добравшись до места в Турции, которое он счел своим местом «X», он начал раскопки. И, к изумлению и восхищению мира, обнаружил там Трои – или, во всяком случае, город, который соответствовал описаниям Трои в гомеровских поэмах. На самом деле Шлиман нашел несколько городов. За время четырех раскопок он откопал не менее девяти городов, располагавшихся друг поверх друга.

Шлиман убедительно доказал, что археология может делать больше, чем просто подтверждать или опровергать историческую подлинность архаических легенд. Он также продемонстрировал, что она может облекать плотью подчас скудные, очень упрощенные скелеты-хроники прошлого. Может обеспечивать понятный человеческий и социальный контекст таким хроникам, общий фон из повседневной жизни, обрядов и ритуалов, воссоздающих ментальность и среду, в силу которых они возникли. Более того, он продемонстрировал применимость к археологии точных научных методов, таких, как тщательное наблюдение и фиксирование данных. В своих раскопках девяти расположенных друг над другом городов Трои Шлиман использовал тот же подход, который незадолго до него стал широко применяться в геологических исследованиях. Это привело его к признанию того, что для современного ума может показаться самоочевидным, – что один слой или пласт («страта») залежей можно отличать от других по той основной посылке, что самый нижний является самым ранним.

Шлиман, таким образом, стал пионером археологической дисциплины, известной в наше время под названием «стратиграфия». Практически в одиночку он совершил революцию в сфере археологических исследований и методологии. Очень быстро пришло понимание, что научная ориентация Шлимана могла быть продуктивно использована в рамках библейской археологии. Уже через несколько лет британские исследователи вели активные археологические работы в Египте и Палестине, производя раскопки, среди прочих мест, под Иерусалимским храмом. Сэр Чарлз Уилсон, в то время капитан королевских инженерных войск, обнаружил здесь, как считалось, конюшни царя Соломона. Научная методология, которая оказалась столь эффективной в археологии, также применялась к истории. В конце концов, открытия Шлимана стали в немалой степени результатом скрупулезного изучения эпических поэм Гомера, его последовательного стремления отделить факты от вымысла, применения им систематического подхода. Неизбежно поэтому, что другие исследователи обратили тот же метод безжалостного и бескомпромиссного научного исследования на изучение Священного Писания. Главным зачинщиком этого процесса стал французский историк и теолог Эрнест Ренан. Родившийся в 1823 году, Ренан вообразил, что предназначен для духовной карьеры, и поступил в семинарию св. Сульпиция. В 1845 году, однако, он оставил стезю священнослужителя, в чем немало повинны немецкие библеисты, заставившие его усомниться в

истинности буквальной трактовки христианской доктрины. В 1860 году он предпринял археологическую поездку в Палестину и Сирию. В 1863 году он опубликовал свою в высшей степени смелую книгу «Жизнь Иисуса». В своей книге Ренан пытался демистифицировать христианство. Он рисует Иисуса как «несравненного человека», но не более чем как человека – как личность смертную и лишенную божественности, – и выстраивает иерархию ценностей, которая может быть вполне созвучна «секулярному гуманизму» наших дней.

Книга Ренана почти сразу же была внесена в Индекс. В последующие годы Священная канцелярия запретит не менее девятнадцати его трудов. Однако Ренан не был кабинетным ученым, писавшим малопонятным широкой публике языком на академические темы. Не был он и автором, стремившимся произвести сенсацию. Напротив, он был одним из наиболее уважаемых и почитаемых умов своего времени. Потому «Жизнь Иисуса» стала одним из сильнейших потрясений в интеллектуальной жизни девятнадцатого столетия. Она стала одной из полдюжины самых популярных книг столетия и пользуется спросом и поныне. Для образованных классов того времени Ренан был столь же привычным именем, как, возможно, Маркс, Фрейд или Юнг в наше время, а если учесть отсутствие кинематографа и телевидения, то его, вероятно, читали куда более часто. В один миг «Жизнь Иисуса» революционизировала отношение к библейской науке, произведя немыслимый переворот в умах людей. А последующие тридцать лет Ренан будет оставаться самозванным оводом для Церкви, публикуя полемические исследования канонических церковных текстов и раннего христианства в контексте имперской культуры Рима. По сути, Ренан выпустил из прежде закупоренной бутылки джинна, которого христианству так и не удалось посадить обратно или приручить.

Гарибальди и объединение Италии

Наука – в лице Дарвина и его последователей – представляла для Церкви все более и более серьезную угрозу. Дополнительную угрозу являла собой недавно возникшая прикладная методология библейской археологии и науки, базировавшаяся на точных и строгих научных принципах. Были также и влиятельные и широко читаемые философы – например, Шопенгауэр и Ницше, провозгласивший «смерть Бога», – которые подвергали сомнениям и даже святотатственным нападкам традиционные христианские этические и теологические положения. Под влиянием доктрины французского писателя Теофиля Готье «l'art pour l'art» («искусство ради искусства») искусство стало превращаться в свою собственную независимую религию, все больше посягая на священную территорию, от которой традиционная религия, казалось, уже почти всецело отказалась. Так, например, театр Вагнера в Байройте по сути превратился в храм нового культа, а образованные европейцы считали, что быть «вагнерианцем» допустимо вполне так же, как и быть христианином. К концу столетия композитор узурпировал роль священнослужителя, сделавшись, по знаменитой фразе Джойса, «жрецом воображения».

Вдобавок ко всему этому, все больше нагнеталась политическая ситуация. В период между 1805 и 1808 годами Наполеон установил свой собственный режим в Италии, разделив страну на королевства, которыми управляли он сам и один из его братьев, а затем один из его маршалов, Иоахим Мюрат. В 1809 году Наполеон аннулировал всякую мирскую власть и владения папского престола. В ответ на отлучение от Церкви папой Пием VII «корсиканское чудовище» бросил понтифика в тюрьму. От такого унижения папский престол так никогда полностью и не оправился.

Сразу же вслед за окончательным крушением Наполеона в 1815 году были предприняты попытки восстановить старый порядок в Европе, в связи с чем последовал период реакции, продолжавшийся в некоторых странах около двух десятилетий. В Италии, однако, старый порядок был бесповоротно подорван. Большая часть территорий Апеннинского полуострова находилась под прямым или косвенным правлением австрийских Габсбургов, но сама династия Габсбургов все более слабела. Остальная часть страны была поделена между герцогствами Габсбургов и Бурбонов, папское государство номинально управлялось папой, Неаполитанским королевством Бурбонов и обеими Сицилиями, которые охватывали юг и на северо-западе только что возникшее Пьемонтское королевство, правил из Турина Савойский дом. Таким образом, Италия была столь же раздробленной, как и до французской революции и наполеоновских войн, и еще менее устойчивой. В такой ситуации едва ли можно было надеяться на сохранение какого бы то ни было политического равновесия. Национализм и стремление к объединению, которые захлестнули всю Европу в девятнадцатом столетии, в скором времени вспыхнут и в Италии.

К 1815 году уже получили толчок события, которые спустя около пятидесяти пяти лет приведут к объединению страны и появлению новой европейской державы. Одним из ключевых факторов в этом процессе были карбонарии, члены тайных обществ, которые видели свою цель в революции, изгнании с итальянской земли всех иностранных держав, объединении страны и создании независимого демократического правительства. Общества карбонариев были организованы по образцу масонских лож. В действительности многие комментаторы описывали их как по сути своей масонскую организацию. Несомненно, между карбонариями и вольными каменщиками было немало родственного, хотя бы то, что видные представители первых также принадлежали и к числу последних. Одним из таких деятелей был Джузеппе Мадзини, оказавшийся в изгнании во Франции в 1830 году, где двумя годами позже он создал тайное общество – «Молодая Италия». Еще через год к Мадзини присоединился двадцатилетний революционер Джузеппе Гарибальди. К этому времени общее количество членов «Молодой Италии» и карбонариев насчитывало свыше 60 тысяч человек. С точки зрения папского престола и Священной канцелярии, все они были масонами, а их деятельность служила доказательством наличия масонского заговора. Выступления папы против масонства делались все более частыми и более яростными.

В 1848 году практически всю Европу охватила волна революций, и Италия не избежала этой заразы. 9 января началось восстание в Палермо, которое быстро распространилось на остальную Сицилию. В марте свою независимость провозгласила территория Габсбургов на севере – Ломбардия и Венеция, – а Пьемонт, стремясь ее аннексировать, объявил войну Австрии. К маю пьемонтская интервенция в Ломбардию была отражена австрийскими войсками, а реакционные войска Неаполя принялись подавлять восставшую Сицилию. Однако в ноябре в Риме был убит папский премьер-министр, и папа Пий IX был вынужден в переодетом виде бежать из города. В феврале Мадзини при поддержке Гарибальди провозгласил вместо папского государства Римскую республику. С этих пор почти бесперерывно продолжались гражданские и политические потрясения. По крайней мере на время, силы старого порядка взяли власть в свои руки. Вторая пьемонтская интервенция против Австрии потерпела поражение, и Римская республика Мадзини и Гарибальди была повержена французскими войсками, посланными Луи Наполеоном, впоследствии ставшим императором Наполеоном III. К 1849 году, однако, на пьемонтский престол взошел новый король – сдержанный,

умеренный в своих амбициях, Виктор Эманнуил II. Год спустя он ввел в свой кабинет пылкого реформатора и прогрессиста Камило ди Кавура. До конца своих дней Кавур посвятит себя делу объединения Италии. К 1857 году он учредил монархистскую и унионистскую политическую партию. Гарибальди стал его вице-президентом. В 1859 году Пьемонт опять вступил в войну с Австрией за контроль над Северной Италией. На этот раз, однако, благодаря тайной дипломатии Кавура не блиставшие победами пьемонтские силы были подкреплены полномасштабной французской армией под личным командованием Наполеона III. Последовали два главных сражения – при Мадженте и Сольферино, и потерпевшие поражение Габсбурги были изгнаны из Ломбардии. В январе следующего года Гарибальди, при тайной поддержке Кавура, отплыл из порта неподалеку от Генуи с отрядом добровольцев, известным под названием «Тысяча». В мае они высадились на Сицилии и быстро овладели всем островом. В августе они захватили Неаполь. 26 октября 1860 года Виктор Эманнуил встретился с Гарибальди на территории бывшего Неаполитанского королевства, и Гарибальди провозгласил пьемонтского монарха королем Италии. Королевство Италия было официально провозглашено 17 марта 1861 года в столице Пьемонта Турине. За исключением папской области, вся Италия теперь была объединена. В июле 1862 года Гарибальди разослал циркулярное письмо во все масонские ложи на Сицилии, в котором писал о том, что «братья, как граждане и как масоны, должны объединить свои усилия с тем, чтобы Рим стал итальянским городом и столицей великой и могущественной нации. И их долг не только в том, чтобы помогать всеми силами патриотическому движению, но и в том, чтобы убеждать непосвященных, что без Рима судьба Италии всегда будет неопределенной и что с Римом будет положен конец всем бедам».

Но одно дело – пропагандировать захват Рима и папского государства и совсем другое – претворять это стремление на практике. Папство по-прежнему находилось под защитой французской армии, считавшейся в то время непобедимой. А у Наполеона III не было желания видеть, как объединенная и потенциально опасная Италия нарушает баланс сил в Европе. Когда в 1867 году Гарибальди попытался силой аннексировать папскую область, он получил отпор со стороны французских войск. Впрочем, вскоре представилась еще одна возможность. 19 июля 1870 года Наполеон III – роковым образом переоценивший свои собственные военные ресурсы и недооценивший ресурсы своего противника, – ввязался в войну с Пруссией. Последовала череда тяжелейших поражений для французской армии, и вскоре войска, защищавшие папство, были отозваны. Их перевод на театр боевых действий мало что изменил в ходе продолжавшейся войны. Менее чем через три месяца Франко-прусская война фактически закончилась. 1 сентября 1870 года сражение под Седаном стало кульминацией в цепочке неудач французской армии. Войска Наполеона III были разгромлены, а за этим последовало его отречение и крушение Второй французской империи. Тремя неделями позже – 20 сентября – итальянские солдаты победоносно вступили в Рим, легко подавив по большей части чисто символическое сопротивление игрушечной армии папы. Отказавшись признать поражение, папа удалился в Ватикан и провозгласил себя узником. Королевство Италия теперь распространялось на всю территорию Апеннинского полуострова, а его столица скоро переедет из Турина в Рим. Угроза, которую представляли для Церкви наука, археология, библеистика и «культ» искусств, примером чему служил Байройт, была довольно реальна. Объединение Италии, однако, было совершенно другим делом, настоящим *coup de grace* [47] для Церкви предыдущих столетий. Теперь папство было полностью лишено всякой светской власти, возможности утверждать свой авторитет

физической силой, способности подвергать физическим наказаниям тех, кто выказывал несогласие. Несмотря на все свое богатство и великолепие, несмотря на всю свою пышность и помпезность, Римско-католическая церковь была теперь такой же беспомощной в секулярном мире, как и в полулегендарные дни «раннего христианства». Кому принадлежит власть в Церкви? В добавление ко множеству разных давлений извне Церкви также угрожало раскол внутри нее. И как это часто бывало в прошлом, этот раскол исходил по большей части из Франции. Когда же он не шел непосредственно из Франции, он обуславливался происходящими там событиями. Франция традиционно считалась «старшей дочерью Римско-католической церкви», но часто бывала непокорной и мятежной дочерью. В начале четырнадцатого столетия Филипп IV похитил папу, перевез папский престол в Авиньон и фактически превратил его в инструмент своей собственной политики.

Последовавшая за этим схизма продолжалась 108 лет и безвозвратно скомпрометировала авторитет папства. В семнадцатом столетии два французских кардинала, Ришелье и Мазарини, безжалостно подчинили интересы Церкви интересам французской короны. В конце восемнадцатого столетия французская революция истребила, по некоторым оценкам, 17 тысяч священников и в два раза больше монахинь, разрушила церковные здания и угодья, разграбила церковные сокровища и, пусть и на краткое время, установила режим, который ни во что не ставил Рим. Вскоре после этого Наполеон превратил папское государство всего лишь в еще одну завоеванную им территорию, заключил папу в тюрьму, разграбил сокровища Святого престола и секретные архивы Ватикана, демонтировал Священную Римскую империю, которая олицетворяла собой светскую власть Церкви, прогнал рыцарей святого Иоанна с Мальты и бесповоротно подорвал во Франции отношения между Церковью и государством. Во время Второй империи Наполеона III Церкви во Франции, хотя она больше не имела прежнего господства в государстве, удалось восстановить некоторое равновесие. К 1870 году, однако, это равновесие также сделалось шатким и непрочным.

К 1870 году Вторая империя и устойчивость, которую она давала, были на грани краха, а к концу этого года он сделался полным и окончательным. Никто, разумеется, не мог предвидеть в точности, какие за этим последуют события – прусская блокада и осада Парижа, братоубийственные дни Коммуны, краткий период Третьей республики, триумфальное создание Германской империи. Но даже к середине 1870 года было ясно, что при любом развитии событий Церковь неминуемо пострадает.

В конце концов, четыремя годами раньше прусская военная машина почти небрежно сокрушила Габсбургскую Австрию – единственную остававшуюся католическую державу с политическим весом на европейском континенте – всего за каких-то шесть недель. Было сомнительно, чтобы Вторая французская империя смогла выдержать подобный натиск, но даже если бы она выдержала, позиции Церкви все равно бы серьезно пошатнулись. А что касается военной мощи, то вскоре в Европе будет существовать только одна «сверхдержава», монолитное военное государство на севере, в котором Рим не имел ни малейшей власти и где ненавидимая Лютеранская церковь фактически являлась придатком военного министерства. На этом фоне французские церковники подняли смуту внутри самой Церкви. Со Средних веков не прекращался диспут о том, кому принадлежит верховная власть в Церкви. Является ли она прерогативой папского престола и лично папы? Или она по праву принадлежит многочисленным епископам Церкви, выражающим свое коллективное мнение с помощью церковных соборов? Должен ли папа полностью подчиняться решениям соборов

епископов? Или же соборы епископов подчинены папе? Как быть в том случае, например, если бы Престол святого Петра был занят папой-еретиком? Кто обладает властью, чтобы низложить такого понтифика? Излишне говорить, что Рим настаивал на верховенстве папства. Епископы Франции, поддерживаемые многими епископами в Германии, отстаивали примат соборов. Возможность появления на Святом престоле папы-еретика с тринадцатого столетия рассматривалась и трактовалась церковными правоведами. Чтобы уберечь Церковь от такой возможности, правоведаы доказывали, что верховная власть принадлежит в конечном счете Собору. Убедительность их аргументации была подкреплена во время так называемого авиньонского пленения, когда за Престол одновременно спорили два или даже три соперничающих папы и антипапы, осуждая и предавая анафеме друг друга. В 1378 году Джон Уиклиф заметил из Англии: «Я всегда знал, что у папы раздвоенные копыта. Теперь же у него и раздвоенная голова».

Наконец, в 1414 году был созван Констанцкий собор – тот общий собор, который отстаивали церковные правоведаы, – чтобы разрешить трудную и щекотливую ситуацию. 6 апреля 1415 года собравшиеся иерархи постановили, что «Собор выше папы». Все христиане, включая папу, были обязаны подчиняться решениям Всецерковного собора, который, как считалось, наследовал свою власть напрямую от Бога:

«Священный Констанцкий синод, который образует экуменический собор... провозглашает следующее:

Первое. Этот синод, законно собравшийся во Святом Духе, который образует экуменический собор и олицетворяет собой ныне Католическую церковь, имеет прямую власть от Христа; всякое лицо, любого положения или звания, даже если это сам папа, обязано подчиняться ему во всем, что касается вопросов веры».

По словам современного теолога Ганса Кюнга, «власть в Церкви принадлежит не верховному лицу, но самой Церкви, коей папа является слугой, а не хозяином». Как объясняет Кюнг, «легитимность... всех последующих пап до наших дней зависит от легитимности Констанцкого собора». И далее присовокупляет, что «невозможно уклониться от фундаментального обязательного характера постановлений Констанца. Никакой папа никогда не осмеливался отменить это решение собора... или провозгласить его необязательный характер». Постановления Констанца, которые устанавливали примат общего собора над самим папой, были приняты с особым энтузиазмом Церковью во Франции. В 1682 году собор французских епископов и других клириков изложил свою позицию – впоследствии известную как «галликанизм» [48] – в четырех главных пунктах, так называемых «галликанских статьях». «Галликанские статьи» утверждали, что папа не имеет власти над светскими делами и что короли не подчинены папе. Одобрялись постановления Констанцкого собора и заявлялось, что всецерковные соборы обладают большим авторитетом, чем папа. Вновь утверждалась традиционная независимость Церкви во Франции, а некоторые ее прерогативы – право назначать своих собственных епископов – объявлялись вне юрисдикции папы. И наконец, «галликанские статьи» утверждали, что никакое решение папского престола не является полностью обязательным до его одобрения на общем соборе. В ходе последующих метаморфоз французской истории «галликанизм» с его приверженностью к примирительной власти будет оставаться присущим церкви во Франции. По самой своей природе он был враждебен папству. Доведенный до своего логического конца, «галликанизм» фактически сводил бы папу к его изначальному

положению епископа Рима, одного из многочисленных епископов, обладающего некоторым номинальным или символическим старшинством, но лишённого какой-либо реальной власти. Короче говоря, Церковь была бы децентрализована.

Противоположная позиция, которая отстаивала примат папы над епископами и соборами, стала известна как «ультрамонтанство» [49]. К 1870 году события девятнадцатого столетия довели 450-летний антагонизм между «галликанской» и «ультрамонтанской» позициями до критической точки. Из ситуации их решающего столкновения возникнет современное папство, то папство, которое мы знаем сегодня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ НЕПОГРЕШИМОСТЬ

Один из историков и апологетов католицизма охарактеризовал в 1950-х годах папское государство в постнаполеоновский период как «благожелательную теократию». В период с 1823 по 1846 год около 200 тысяч людей в этой «благожелательной теократии» были отправлены на галеры, превращены в изгнанников, приговорены к пожизненному заключению или смерти. Инквизиторы Священной канцелярии регулярно прибегали к пыткам. В каждой общине, будь то маленькая деревушка или крупный город, на центральной площади всегда имелась виселица. Везде рыскали папские шпионы, репрессии и слежка были постоянным делом. Официально запрещалось собираться вместе более чем трем людям. Были запрещены железные дороги, поскольку папа Григорий XVI считал, что они могут «причинить вред религии». Газеты также находились под запретом. Согласно указу папы Пия VIII, всякий, имеющий книгу, написанную еретиком, сам признавался еретиком. Всякий, слышавший критику в адрес Священной канцелярии и не донесший об этом властям, считался виновным наравне с высказывавшим критику. За чтение книги, включенной в Индекс, или употребление мяса в пятницу человека могли упрятать в тюрьму.

В 1846 году умер папа Григорий XVI, и на Престол Святого Петра взошел новый понтифик под именем Пия IX. Это был взрывоопасный момент в европейской истории. С 1815 года – со времени окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо и установления Венским конгрессом нового порядка – Европа прошла через тридцатилетний период сравнительной стабильности, характеризовавшийся крайне реакционным консерватизмом. Теперь же на континенте снова царил беспокойное оживление. Среди различных идей, вызывавших брожение в умах, две были особенно опасны и зловредны – революция и национализм. Довольно странно, что, учитывая его последующую карьеру, Пий IX начал свое правление, имея репутацию реформатора. Он относился с сочувствием по крайней мере к некоторым формам итальянского движения за объединение и национализм. Ему мнилось, что он служит в своем качестве понтифика божественным инструментом и проводником возрождения Италии. Он мечтал о роли главы Конфедерации итальянских государств. Он даже возбудил надежду на поддержку у Мадзини и Гарибальди, которые в своей наивности вообразили, что могут обрести нового союзника в лице Церкви.

Какие бы иллюзии ни питал Пий поначалу, они быстро испарились вместе с его популярностью. Очень скоро стало очевидно, что та Италия, которую представлял себе папа, была далека от какого-либо конституционного управления. В 1848 году он наотрез отказался предоставить свою поддержку мятежной военной кампании против австрийского владычества на севере. Его показной нейтралитет был воспринят как трусливое предательство, а последовавшая за этим яростная реакция народа

вынудила его позорно бежать из Рима под видом священника в карете баварского посланника. В 1850 году папа был водворен на престол с помощью французских штыков. Теперь его политическая позиция, однако, не делала никаких уступок либерализму или реформаторству, а установленный им в своих владениях режим делался все более ненавистным.

В результате войны между Австрией и Францией в Северной Италии в 1859 году вся прежняя папская область была аннексирована новым королевством Италией, за исключением Рима и непосредственно прилегающих к нему территорий – района примерно в 120 на 30 миль. Даже в этих маленьких владениях положение папы было шатким и ненадежным и нуждалось в постоянном французском военном присутствии. Защищенный таким образом, папа воспользовался развитием транспорта и сообщения для дальнейшего ослабления авторитета католических епископов и для все большей централизации власти в собственных руках. К примеру, Алоис Гётцль, видный францисканский профессор философии и теологии, был вызван высочайшим повелением из Мюнхена в Рим из-за того, что защищал писателя, вызвавшего неодобрение папы и Священной канцелярии. Гётцля безотлагательно осудили и приговорили к отбыванию покаянного срока в римском монастыре. Его освободили только благодаря настойчивым обращениям баварского посланника, действовавшего по прямому указанию короля Людвига II; но даже в этом случае Гётцль был вынужден официально отречься от своих взглядов.

Внутри своих собственных владений папа Пий IX правил как абсолютный монарх. Старые ограничения, вроде тех, что отменяли право собрания, по-прежнему имели силу закона. Никакие независимые газеты не разрешались. Сообщения репортеров и корреспондентов, работающих в папском государстве, перехватывались полицией, прежде чем могли быть отправлены за границу. Всякая критика цензурировалась или подавлялась, а сами критики нередко оказывались под запретом.

Нежелательные книги и журналы изымались. Все произведения, в которых отстаивалась церковная реформа или хотя бы «галликанская» позиция, автоматически вносились в Индекс. Однако невозможно было совершенно игнорировать ценности и взгляды времени. Так, например, Священная канцелярия больше не обладала прерогативой сжигать людей. Были также и некоторые ограничения касательно пыток. Но Священная канцелярия, по папскому указу, по-прежнему сохраняла за собой право «отлучать, конфисковывать, запрещать, осуждать на пожизненное заключение, а также приговаривать к тайной казни в случае тяжких преступлений». Папская полиция и шпионы продолжали быть вездесущими и быстро реагировали в случае проявления политического или теологического своеволия. Аресты были обычным делом и проводились массовым порядком. Случаи политических преступлений разбирались особыми судами, в которых в качестве судей выступали исключительно священнослужители, обладавшие неограниченной властью. «В лучших традициях» инквизиции обвиненным никогда не дозволялось встречаться со свидетелями, которых использовало против них следствие, как не разрешалось им пользоваться услугами адвоката. Врачам запрещалось продолжать лечение любого пациента, который, после третьего посещения, не консультировался со своим духовником. Врачам-евреям воспрещалось практиковать вообще. Вследствие давления со стороны папы они также оказались под запретом на прилегающей территории Тосканы.

Таков был светский режим Пия IX. Слово для того чтобы также окружить себя армией небесных стражей, папа принялся канонизировать беспрецедентное количество святых. В 1862 году, например,

он причислил к лику святых двадцать шесть человек, одновременно канонизировав двадцать шесть миссионеров, убитых в Японии в 1597 году.

Он назначил в епархии близких себе по духу епископов и учредил свыше 200 новых диоцезов. Действуя только от своего имени – то есть без согласия Всецерковного собора, о котором говорилось в постановлении Констанцкого собора, – он наделил статусом официального догмата доктрину Непорочного Зачатия. Вопреки ошибочному толкованию некатоликов, этот догмат имел в виду не предполагаемое Непорочное Зачатие Иисуса. Скорее он утверждал то, что Мария, дабы послужить сосудом для воплощения Бога в Иисусе, должна была сама родиться свободной от греха.

Благодаря провозглашенному папой догмату Ее непорочность стала «истинной» в силу обратной связи.

В 1864 году, в то время как гражданская война в Соединенных Штатах достигла своей кровавой кульминации, а прусская военная машина под руководством Бисмарка за шесть дней сокрушила Данию, папа провозгласил свою собственную войну против «прогресса, либерализма и современной цивилизации». Эти явления были официально преданы анафеме в послании, направленном всем епископам Римско-католической церкви, в котором понтифик выразил свою мечту увидеть весь мир объединенным под властью одной религии – религии Рима.

К энциклике прилагался «Силлабус», или «Перечень главнейших заблуждений нашего времени», – каталог всех взглядов и убеждений, которые папа считал опасными, ошибочными и еретическими. Не удивительно, что «Силлабус» осудил рационализм, тайные общества и евангелические секты. По словам папы, было ошибочным также полагать, что каждый человек «свободен выбирать и исповедовать ту религию... которую он сочтет истинной».

Равно ошибочным было мнение, что «более нецелесообразно сохранять за католической религией положение единственной религии государства ценой исключения всех других форм отправления культа». Было неправильным считать, «что люди... должны иметь возможность свободно исповедовать выбранную ими веру». Восемнадцатое и последнее заблуждение, осужденное папой, состояло в мнении, что он сам, римский понтифик, «может и должен примириться и пойти на компромисс с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией».

«Силлабус» сопровождался кратким введением кардинала Антонелли, статс-секретаря папского государства и одного из кардиналов, возглавлявших Священную канцелярию, которая теперь именовала себя Святой римской и вселенской инквизицией. Антонелли писал, что папа «повелел, чтобы перечень тех же самых заблуждений был составлен и разослан всем епископам католического мира, дабы эти епископы могли иметь у себя перед глазами заблуждения и вредные доктрины, которые он предал анафеме и осуждению». Как вполне справедливо заметил один историк, «Силлабус» «воспринимался многими как жест проклятия, брошенный оскорбленным папой в адрес девятнадцатого столетия». В сущности, папа пытался превзойти короля Кнута. Ему хотелось в конечном счете того, чтобы Бог отменил и аннулировал целиком и полностью весь девятнадцатый век. Когда Господь не пошел ему навстречу, папа попытался присвоить и узурпировать Божественную прерогативу, провозгласив себя непогрешимым. В течение нескольких лет до этого шага Пий IX предпринимал меры, направленные на трансформацию папства. В то время, когда даже самые авторитарные светские режимы начали хотя бы немного двигаться к демократии, Церковь в правление Пия двигалась в прямо противоположном направлении – к нефеодалному абсолютизму.

Могло показаться, что папа и переименованная инквизиция стремились компенсировать все большую утрату светской власти, сосредотачивая в своих руках все возрастающее психологическое и духовное влияние. Если великий инквизитор больше не мог законно отпирать людей на костер, теперь он принимался наказывать их изнутри, действуя внутри сознания людей с помощью методов, близких к методам вуду. По сути, дух папства стремился «овладеть» верующим. Лишенная мирского господства, Церковь пыталась теперь установить для себя новое владение главным образом внутри уязвимых границ души католика. Начало этому переносу «театра боевых действий» Церкви было положено I Ватиканским собором, который был созван под председательством папы Пия IX в декабре 1869 года.

Он продолжался около десяти с половиной месяцев, а когда работа собора вынужденно завершилась 20 октября 1870 года, папство было трансформировано. Собор начался довольно предсказуемым образом – с более или менее традиционного осуждения атеизма, материализма и пантеизма. Однако очень скоро стала очевидна его подлинная повестка – окончательное разрешение векового конфликта из-за власти между епископами, которые желали видеть Церковь более децентрализованной, и папством, которое стремилось к верховной и авторитарной власти. Ко времени окончания работы собора восторжествовали притязания папства.

I Ватиканский собор не был свободным собором. Напротив, он характеризовался давлением, запугиванием и принуждением. Его решения определялись всецело желаниями папы, а в силу того, что тайное голосование было не предусмотрено, несогласные с мнением папы оказывались беззащитны. Те, кто шел против воли папы, хорошо понимали, какие беды навлекут на свою голову. В лучшем случае их заставили бы покинуть Епископскую кафедру или просто-напросто изгнали бы с нее. В худшем – можно было ожидать ареста папской полицией, которая действовала заодно с инквизицией.

Поначалу события не давали повода к столь крайним мерам со стороны папства. В конце концов, многие епископы финансово зависели от Ватикана и, значит, от благорасположения папы. Свыше 300 из них приехали в Рим за счет понтифика. Сделав их таким образом своими должниками, он мог полагаться на их лояльность в теологических спорах.

Получив перевес в свою пользу, папа мог быстро, безжалостно и решительно разбираться со всяким несогласным. Так, например, когда хорватский епископ осмелился утверждать, что даже протестанты способны любить Иисуса, его речь потонула в громком негодующем крике. Когда он далее осмелился «оспаривать возможность решения доктринальных вопросов простым большинством голосов», большинство взорвалось яростными криками линчующей толпы: «Люцифер! Анафема! Второй Лютер! Вышвырните его вон!»

Не брезговал приемами запугивания и сам папа. Когда, например, иерусалимский патриарх позволил себе возражать против предложенной буллы, дававшей папе дополнительные полномочия по назначению священнослужителей, папа сердито призвал его на аудиенцию в одну из комнат своих покоев. Как только он вошел в комнату, понтифик, трясаясь от ярости, закрыл за ним двери на засов. Его поставили перед выбором – либо он письменно отдает свой голос в пользу буллы, либо лишается сана. Если он не сделает ни того ни другого, он никогда не выйдет из комнаты. В этот раз патриарх уступил. Когда же позже он снова выступил на соборе против папы, он был без долгих рассуждений смещен со своего поста. В этой атмосфере запугивания и угроз мало церковных деятелей имели

достаточно мужества открыто протестовать. Многие из них покинули собор еще до окончания его работы. Папа поощрял их бегство, будучи рад избавиться от противников. Вскоре стало очевидно, что главная и конечная цель I Ватиканского собора заключалась в провозглашении догмата о папской непогрешимости. Этот вопрос, однако, не был объявлен заранее. В действительности его хранили в строжайшей тайне. Префект секретных архивов Ватикана лишился места за то, что позволил некоторым друзьям заглянуть в папский регламент дебатов; а на случай, если у него был ключ, который он мог передать своему преемнику, дверь, ведущую из его комнат в архив, замуровали. Инквизиция же была осведомлена о планах папы. В ее задачу входило сохранять их в тайне до соответствующего момента, а затем проводить их в жизнь, несмотря на возможную оппозицию. Из пяти лиц, которые председательствовали на I Ватиканском соборе, трое были кардиналами, все из которых являлись членами инквизиции. Из различных комиссий, действовавших на соборе, самой важной была комиссия по вопросам теологии и догматики. По совету кардинала Джузеппе Бизари, также члена инквизиции, было постановлено, «что Священная канцелярия должна составлять основу комиссии, наделенной прерогативой решать доктринальные вопросы». Когда один кардинал выразил беспокойство по поводу вынесения вопроса о непогрешимости папы, ему сказали, чтобы он не беспокоился и предоставил все инквизиции, а обо всем остальном позаботится Святой Дух.

В булле, которая объявляла о созыве собора, не содержалось никакого упоминания о вопросе папской непогрешимости. Никак этот вопрос не упоминался ни в подготовительной литературе, ни в изначальной повестке. Вопрос был поднят не ранее февраля 1870 года, когда собор работал уже в течение двух полных месяцев, а ряды оппонентов папы заметно поредели. Потому, когда вопрос о папской непогрешимости был наконец вынесен на собор, большинство собравшихся епископов были застигнуты врасплох. Многие из них были ошарашены. Немалое их число пришло в настоящий ужас. Как и в вопросах меньшего значения, несогласные подвергались крайнему давлению и запугиванию. Некоторым угрожали сокращением финансовой поддержки. Когда аббат-генерал армянского монашеского ордена высказался против непогрешимости, взбешенный папа припугнул его отставкой, затем приговорил к отбыванию «покаянного срока» в местном монастыре, что было, по сути, разновидностью домашнего ареста. Сходный приговор получил еще один армянский клирик. Когда он отказался его выполнять, папская полиция попыталась арестовать его на улице, и последовавшая потасовка переросла в бунт. Сразу после этого все армянские епископы потребовали разрешения покинуть собор. Когда им отказали в этом, двое из них бежали. Всего 1084 епископа имели право принимать участие и голосовать на I Ватиканском соборе, из которых в действительности присутствовало около 700. Примерно пятьдесят из них были яростными сторонниками желания папы приписать себе непогрешимость, около 130 были его ярыми противниками, а остальную часть составляли изначально индифферентные или неопределившиеся епископы. К тому времени, когда дело дошло до голосования, насильственные методы папства решительно склонили чашу весов в пользу папы. Во время первого голосования 13 июля 1870 года 451 голос был отдан «за» и восемьдесят восемь – «против». Четыре дня спустя – 17 июля – пятьдесят пять епископов официально выступали в оппозиции, однако заявили, что, из уважения к папе, воздержатся от голосования, назначенного на следующий день. Все они затем покинули Рим, как и очень многие другие до них. Второе и заключительное голосование состоялось 18 июля. Число сторонников папской позиции возросло до 535 человек. Только двое были против, один из них –

епископ Эдвард Фицджеральд из Литл-Рока, штат Арканзас. Из 1084 епископов, имевших право на голосование по вопросу непогрешимости папы, в конечном итоге положительно проголосовали общим числом 535 епископа – «большинство», насчитывавшее чуть больше 49 процентов. Благодаря этому «большинству» 18 июля 1870 года папа был официально провозглашен непогрешимым в силу своего положения, а «не в силу согласия Церкви».

Как заметил один комментатор, «это устранило всякие примирительные толкования роли папства». Решающее голосование 18 июля состоялось на фоне бурных политических событий. На следующий же день – 19 июля – Наполеон III объявил войну Пруссии, явившуюся фактически самоубийством для него и империи. Политический хаос, наступивший во Франции, отвлек внимание от религиозных вопросов и, без сомнения, ослабил реакцию со стороны независимых в своих суждениях французских клириков, которая в ином случае могла бы вылиться в мятеж. В других же странах бунт все-таки воспоследовал. Предубежденность против Церкви, по всей видимости, получила новое оправдание; и по всей Европе и Северной Америке прокатилась волна антикатолических настроений. В Голландии произошел настоящий раскол. В Австро-Венгерской империи Габсбургов правительством был аннулирован конкордат [50], прежде заключенный с папством. Папский нунций в Вене сообщал государственному секретарю Ватикана, что «почти все епископы Австро-Венгрии, отвернувшиеся теперь от Рима, в ярости из-за формулировки непогрешимости»; а двое из них публично потребовали начать дебаты по отмене решения собора. Более года венгерские епископы отказывались принять постановление собора. Епископ Роттенбурга открыто назвал папу «нарушителем спокойствия Церкви». В Браунсберге видный профессор опубликовал манифест, в котором понтифик величался «еретиком и ниспровергателем Церкви», а местный кардинал и местный епископ своим молчанием выразили согласие с этим осуждением. В Пруссии Бисмарк ввел законы, которые радикально меняли статус Церкви и ее взаимоотношения с государством. Иезуиты оказались фактически под запретом на территории империи. Был создан институт назначения священнослужителей. Гражданские брачные церемонии сделались обязательными. Все учебные заведения были взяты под надзор государства. В ответ на такую реакцию папство стало просто-напросто выказывать еще большую агрессивность. Всем епископам было приказано письменно признать новый догмат, а те, кто отказывался это сделать, наказывались или смещались со своих постов. Так же поступали с мятежными преподавателями и профессорами богословия. Папские нунции имели приказ предавать анафеме и осуждать как еретиков несогласных клириков и ученых. Все книги и статьи, оспаривавшие или хотя бы бросавшие тень сомнения на догмат папской непогрешимости, автоматически включались в Индекс. По меньшей мере однажды была предпринята попытка избавиться от враждебной книги путем подкупа. Многие протоколы самого собора были конфискованы, сокращены, подвергнуты цензуре или уничтожены. Например, один из противников нового догмата, архиепископ Винченцо Тиццани, профессор истории Церкви в Папском университете в Риме, написал подробный отчет о работе собора. Сразу же после его смерти Ватикан приобрел его рукопись и с тех пор держит ее под замком.

В плане противодействия ходу истории от новоиспеченной непогрешимости папы было мало проку. В начале сентября французская армия была разбита под Седаном: Наполеон III отрекся от престола, Вторая империя пала. В безнадежно запоздалой попытке отвлечь катастрофу на театр боевых действий были брошены французские войска, защищавшие Ватикан. 20 сентября итальянские

солдаты победоносно вступили в Рим. Заседания I Ватиканского собора были прерваны, а сам собор завершился двумя неделями позже. В июле 1871 года Рим стал столицей объединенного и секуляризованного королевства Италии. Монарх нового государства, Виктор Эммануил, обосновался в бывшем папском дворце на Квиринале. Два месяцами ранее – в мае – итальянское правительство издало закон о гарантиях. Согласно ему, папе гарантировалась безопасность и предоставлялся статус правящего суверена в Ватикане [51]. Город Ватикан – участок земли общей площадью примерно в 108,7 акра внутри древних стен самого Ватикана – объявлялся независимым владением, не являющимся частью итальянской земли. Не удовлетворенный этим, папа принялся изображать из себя обиженного. Отказываясь покинуть Ватикан, он жаловался, что его держат в качестве узника. Оставаясь в добровольном заточении в своем игрушечном владении, он стремился предать забвению внешний мир, и есть некоторые свидетельства того, что к этому времени непогрешимость ударила ему в голову. По отчету одного комментатора того времени:

«В последнее время папе взбрело в голову испытать свою непогрешимость. Будучи на прогулке, он крикнул паралитику: «Встань и иди». Бедняга попробовал встать и рухнул наземь, что крайне расстроило наместника Бога... Мне и правда кажется, что он лишился рассудка».

В течение последующих пятидесяти восьми лет папство продолжало упорно не признавать итальянское государство. На протяжении всего этого времени ни один папа не посетил Рим и не снизошел до того, чтобы ступить на итальянскую землю. Наконец, в феврале 1929 года был заключен Латеранский договор. Город Ватикан был официально признан и объявлен суверенным государством в соответствии с международным правом, а католицизм провозглашен государственной религией итальянского народа. Взамен папство официально признало итальянское правительство – правительство Бенито Муссолини. К тому времени папа Пий IX был уже давно мертв. Он умер в 1878 году. Он был одним из самых влиятельных пап современности, но также и одним из самых непопулярных. В 1881 году его тело было провезено во время пышной погребальной процессии из собора Святого Петра через Тибр и по улицам Рима. Толпы народа собирались на площадях и кричали вслед катафалку: «Да здравствует Италия!» «Смерть папе!» «Бросьте свинью в реку!» Вдоль пути следования процессии в катафалк летели камни, и шесть человек были арестованы полицией – по всей видимости, за то, что пытались схватить гроб с телом понтифика и бросить его в Тибр. Их обвинили в «нарушении отправления религиозного обряда», а правящий папа Лев XIII направил итальянскому правительству официальный протест по поводу «оскорбления» достоинства папства. Несмотря на подобную враждебность, однако, Пий IX оставил в истории неизгладимый след:

«Ко времени своей смерти он фактически создал современное папство, лишенное... своих светских владений, но в компенсацию вооруженное расширенной до огромных масштабов духовной властью».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ СВЯЩЕННАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

За последнюю треть девятнадцатого столетия Церковь лишилась большей светской власти, чем за тысячу с половиной лет своего предшествующего существования. Но мало что можно было сделать, чтобы исправить ситуацию. В некоторых странах время от времени велись разговоры о создании Священной лиги, подобной той, что существовала в семнадцатом веке, которая объединяла

католические державы Европы. Однако после 1870 года на европейском континенте осталось мало держав, которые официально считались католическими. Наиболее мощной из них была Австро-Венгерская монархия Габсбургов; но она, как позже скажет Роберт Музилль [52], «тратила на свою армию ровно столько, чтобы сохранять свое положение второй по силе из великих держав». Самой же слабой из всех европейских сверхдержав была недавно ставшая единой Италия, население которой по-прежнему оставалось преимущественно католическим, но чье правительство, в конце концов добившееся своей независимости от Церкви, едва ли было готово стать ее военным оплотом. Нельзя было надеяться и на то, что Италия вступит в союз со старым врагом Австрии. Как и Италия, Франция оставалась преимущественно католической страной; но Третья французская республика не отказалась от отделения Церкви от государства, провозглашенного прежним революционным правительством. А после катастрофических поражений, которые Франция потерпела в войне с Пруссией, французское правительство было не расположено бросать вызов недавно созданной Германской империи – Второму рейху, который теперь являлся главной военной силой на континенте. Испания и Португалия по-прежнему официально оставались католическими странами, но они больше не входили в число сверхдержав. Одновременно с этим на востоке возникла новая угроза. В течение столетий Восточная православная церковь играла с точки зрения светского могущества вторую скрипку после Рима. Но, будучи официальной Церковью все более укрепляющей свою международную силу царской России, она могла получить в свое распоряжение куда большие светские ресурсы, чем Рим; а в таких балканских княжествах, как Босния, она активно притязала на бывшие католические владения. Трения между Католической и Православной церквями усиливались. К 1914 году эти трения достигли немалого накала и были не в последнюю очередь причиной выстрелов в Сараеве [53], которые спровоцировали Первую мировую войну.

Однако если в секулярном мире Церковь была болезненно уязвима и беззащитна, то в других сферах она считала себя вооруженной новыми возможностями. Доктрина папской непогрешимости если и не давала ничего другого, то обеспечивала, мнилось, неприступную защиту от святотатственных поползновений науки. По крайней мере для верующих, папская непогрешимость упреждала и заранее лишала смысла любые споры. Не имея возможности справиться со своими оппонентами, Церковь уберегала себя от поражения тем, что предупреждала самую возможность столкновения. Для правоверных католиков папская непогрешимость образовывала новую «скалу» [54], о которую волны движимой inferнальными силами науки могли лишь тщетно биться.

По отношению к науке, таким образом, Церковь могла пребывать в состоянии своего рода постоянного сдерживания. По отношению к своему главному оппоненту в мире идей – то есть по отношению к исследованиям в области истории, археологии и библеистики – она считала себя в состоянии перейти в наступление. Это убеждение обернется унижительным конфузом католического модернистского движения. Модернистское движение выросло из совершенно определенного желания дать отпор опустошительным набегам на Писание комментаторов вроде Ренана и немецких библеистов. Посредством модернизма новая воинствующая Церковь – воинствующая в сфере идей – попыталась повести свое контрнаступление. Изначальным намерением модернистов было использовать строгость, систематичность и точность немецкой методологии не для опровержения Писания, а для его защиты и поддержки. Было целенаправленно и усердно взращено целое поколение католических ученых, чтобы обеспечить папство своего рода академической ударной

силой, призванной подкрепить буквальную истину Писания при помощи всей тяжелой артиллерии самых современных критических методов и средств. Подобно доминиканцам в тринадцатом столетии, подобно иезуитам в шестнадцатом веке, модернисты были мобилизованы для крестового похода, имевшего целью отвоение утраченных территорий. К стыду и ужасу Рима, однако, кампания обернулась против него же самого. Чем больше Церковь стремилась снабдить молодых клириков средствами, необходимыми для ведения борьбы на полях современных полемических баталий, тем больше эти самые клирики бросали дело, для которого они были призваны.

Скрупулезное изучение Библии обнаружило множество расхождений, противоречий и двусмысленностей, которые были пугающе опасны для официальной догмы и выставляли доктрину папской непогрешимости в еще более сомнительном свете. Прежде чем кто-либо успел вполне осознать происходящее, как уже сами модернисты начали своими сомнениями и вопросами подрывать и опрокидывать те самые положения, которые они по своему статусу должны были защищать. Они также начали оспаривать идею централизации власти в Церкви. Так, например, Альфред Луази, один из самых видных и уважаемых модернистов, публично задавался вопросом, какие из доктрин Рима могут по-прежнему сохранять свою значимость после всех библейских и археологических изысканий современности. «Иисус провозгласил приход царства, – отмечал Луази, вторя великому инквизитору Достоевского, – но пришла Церковь». Луази продемонстрировал, что многие доктринальные положения оформились как исторически обусловленная реакция на определенные события, произошедшие в определенное время и в определенном месте. Их, следовательно, нельзя воспринимать как раз и навсегда установленные и непреложные истины, в лучшем случае их можно воспринимать как символы. Согласно Луази, такие базовые послышки христианского учения, как Непорочное Зачатие и божественность Иисуса, более не подлежали буквальному толкованию.

В 1893 году Луази был отстранен от преподавательской деятельности, однако это не спасло ситуацию, поскольку продолжал все так же часто выступать в печати. В связи с Луази и его коллегами-модернистами Церковь пребывала в положении поджигателя, оказавшегося в ловушке в здании, которое он сам же и поджег. Модернизм теперь был не просто источником смущения, он демонстрировал, что может стать настоящим разрушителем и ниспровергателем. В 1892 году, за девять месяцев до своей смерти, папа Лев XIII образовал Папскую библейскую комиссию для надзора и контроля за работой католических ученых-библеистов. Официальной задачей комиссии было «насколько возможно стараться сделать так, чтобы слово Божие... было ограждено не только от всякого искажения, но даже и от всякой оценки». В ее задачу входило следить за тем, чтобы ученые «старались оберегать авторитет Писания и давать правильное толкование». Лев XIII умер в июле 1903 года, его преемником стал Пий X. Новый папа незамедлительно укрепил свое положение двумя назначениями, которым суждено было оказать заметное влияние на характер Церкви в двадцатом столетии. Одно из этих назначений касалось кардинала Рафаэля Мерри дель Валь (1865-1930), зловещего и холодного человека, родившегося в Лондоне от англичанки и испанского аристократа-дипломата. Он состоял на дипломатической службе Ватикана, а в 1898 году стал консультантом департамента, уполномоченного по делам Индекса запрещенных книг. Мерри дель Валь играл ключевую роль в избрании Пия X понтификом и обладал огромным влиянием на нового папу, который возвел его в сан кардинала и назначил статс-секретарем Ватикана, – эту должность он

занимал до смерти Пия в 1914 году. Его человеческая и доктринальная реакционность задавали общий тон правлению Пия. Он питал сильнейшую ненависть к модернизму и посвятил себя его уничтожению, даже способствовал учреждению сети информаторов, которые доносили на клириков и преподавателей, замеченных в склонности к модернизму. Когда Пий умер, Мерри дель Валь сделался префектом Священной канцелярии, или великим инквизитором, и занимал этот пост до своей смерти в 1930 году. Вторым назначенцем Пия был кардинал Мариано Рамполла дель Тиндаро (1843-1913), отпрыск знатной сицилийской семьи. В 1887 году он сделался кардиналом и предшественником Мерри дель Валь на посту государственного секретаря Ватикана. Во время понтификата Пия X он стал секретарем Священной инквизиции. Он также назначен членом, а затем президентом Папской библейской комиссии, которая тем самым была поставлена под начало инквизиции. Вместе Рамполла дель Тиндаро и Мерри дель Валь трансформировали комиссию в то, что один комментатор охарактеризовал как «воинствующий рупор их собственных интересов». В 1905 году комиссия официально объявила, что библейские тексты надлежит рассматривать как «подлинную» историю в абсолютном и буквальном смысле слова. Ею также были изданы декреты о «правильном преподавании Писания», соблюдение которых в 1907 году папа Пий X сделал обязательным для всей Церкви.

Взойдя в 1903 году при поддержке Рамполлы дель Тиндаро и Мерри дель Валь на Святой престол, Пий X незамедлительно включил в Индекс запрещенных книг модернистские труды Альфреда Луази. В 1904 году новый папа выпустил две энциклики, направленные против любых научных попыток изучения истоков и ранней истории христианства. Семинарии и богословские школы сделались объектом инспекции со стороны приспешников Ватикана. Все католические преподаватели, заподозренные в модернистских тенденциях, без долгих рассуждений отстранялись от работы или сняты со своих постов.

Модернисты, представлявшие собой наиболее образованную, эрудированную и творческую часть духовенства, не оставались в долгу. Они пользовались активной поддержкой светской интеллигенции – видных мыслителей, общепризнанных деятелей культуры и литературы, таких, как Антонио Фогаццаро в Италии и Роже Мартен дю Гар – впоследствии нобелевский лауреат в области литературы – во Франции. В 1896 году Фогаццаро был избран сенатором. Он также почитался как «главный католик-мирянин своего времени» и, по крайней мере своими современниками, как величайший романист Италии со времен Мандзони [55]. В романе «Святой», опубликованном в 1905 году, Фогаццаро писал:

«Католическая церковь, величая себя источником истины, сегодня противодействует поискам истины, когда объектом изучения становятся ее основы – священные книги, формулировки ее догматов, ее предполагаемая непогрешимость. Для нас это означает, что она больше не доверяет самой себе».

Излишне говорить, что само произведение было тут же внесено в Индекс. А кампания Церкви против модернистского движения, которое она взрастила и взлелеяла, усилилась. В 1907 году папа издал энциклику, которая официально осудила модернизм. В том же году инквизиция опубликовала декрет, в котором обрушилась на модернистов, дерзнувших усомниться в доктрине Церкви, папском авторитете и исторической достоверности библейских текстов. В сентябре 1907 года модернизм был объявлен ересью, а на все модернистское движение был официально наложен запрет. Количество

книг в Индексе вдруг возросло драматическим образом. Была введена новая, гораздо более суровая цензура. Церковные комиссары надзирали за преподаванием богословия с доктринерским консерватизмом, неизвестным со времен Контрреформации. Наконец, в 1910 году был выпущен декрет, обязывавший всех католиков, имевших отношение к проповеднической или преподавательской деятельности, приносить обет отречения от «всех заблуждений модернизма» – обет, отмененный только в 1967 году. Целый ряд модернистских писателей был отлучен от Церкви. Студентам в семинариях и богословских колледжах запрещалось даже читать газеты. Поначалу одобряя и спонсируя модернистское движение, Церковь пыталась вступить в современный мир, воспользовавшись интеллектуальными ресурсами и научной методологией современного мира. Если учесть результат этого эксперимента, то вполне оправдан вывод о несовместимости Церкви и современного мира. К такому выводу, судя по всему, и пришла Церковь. Рим удалился в свой бункер и оставался там до 1960-х годов. Публичный имидж инквизиции серьезно пострадал в сражении с модернизмом, и ей настоятельно требовалась реорганизация. В 1908 году слово «инквизиция» было изъято из ее официального названия, и она превратилась в Святую конгрегацию Священной канцелярии.

Секретная служба монсеньора Бенини

Влияние кардинала Мерри дель Валь, префекта Священной канцелярии, продолжало ощущаться и на протяжении двадцатого столетия. Когда он умер в 1930 году, все одиннадцать кардиналов, входивших в управляющий совет Священной канцелярии, являлись его протеже. Один из них, кардинал Эудженио Пачелли, стал в конечном итоге папой Пием XII в 1939 году. Еще один – кардинал Донато Сбарретти – стал новым префектом и оставался в этой должности до начала 1940-х годов. Среди консультантов Священной канцелярии при Мерри дель Валь были две фигуры, которые сменили Сбарретти на посту префекта и пребывали в этой должности с начала 1940-х годов по 1982 год. Одним из консультантов при Сбарретти был Джованни Баттиста Монтини, ставший в 1963 году папой Павлом VI. Таким образом, тень Мерри дель Валь нависала над Священной канцелярией и папством на протяжении большей части, двадцатого столетия. Как мы скоро увидим, она все еще незримо присутствует.

Неудивительно, что кардинал и его ученики также стремились расширить свое влияние, насколько это возможно, на политику. В политической сфере одним из самых одиозных протеже Мерри дель Валь был монсеньор Умберто Бенини (1862-1934), которого современник описывал как «странную и беспринципную личность». Уроженец Перуджии, Бенини был рукоположен в 1884 году и стал преподавать Священную историю в местной семинарии. Позже он в некотором роде занялся журналистикой и основал популярное католическое издание. В 1901 году он переехал в Рим, чтобы продолжить там преподавательскую деятельность, но вскоре оставил ее ради должности в курии и поступил на должность секретаря в Конгрегацию пропаганды веры. Затем в 1906 году он оказался на работе в пресс-службе статс-секретаря Ватикана Мерри дель Валь. Следующие пять лет Бенини работал под началом будущего великого инквизитора. Наконец, в 1911 году он оставил свой пост и с благословения Мерри дель Валь полностью посвятил себя руководству тайным обществом, которое он создал двумя годами раньше, – «Sodalitium pianum» («Общество Пия»). Его изначальной целью была помощь в проведении и реализации запретов папы Пия X против модернизма. В 1907 году Пий «настоятельно посоветовал епископам тщательно надзирать за семинарским преподаванием и

трудами священников и учредить в каждой епархии комитеты бдительности». В соответствии с этим предписанием Бенини создал свое тайное общество, представлявшее собой международную сеть информаторов, целью которых было шпионить и собирать информацию на подозреваемых в сочувствии модернизму, дабы затем подвергать их публичному осуждению и обличению. Действуя в качестве своего рода самозванной инквизиции современного типа, «Sodalitium pianum» использовал шифры, псевдонимы и все другие средства, которые ассоциируются со спецслужбами. Немалая часть деятельности общества остается неизвестной до сих пор, как и тайные связи, в которых оно находилось с целым спектром религиозных и политических организаций. Все документы, связанные с деятельностью «Содалитиум пианум», держатся под замком в архивах Ватикана и никогда не публиковались.

Параллельно со своей тайной деятельностью Бенини выпускал регулярное издание – «Corrispondenza di Roma», которое впоследствии стало именоваться на французский манер – «Correspondance de Rome» [56], – что отражало его ориентацию и основную аудиторию. Как и «Содалитиум пианум», издание «Корреспонданс де Ром» было посвящено обличению сочувствующих модернизму и модернистам, доносительству на преподавателей, ученых и клириков, которые якобы отступали от ортодоксальной доктрины. Оба предприятия Бенини были одобрены папой Пием X, равно как и Мерри дель Валь. Со смертью Пия, однако, поддержка, которой пользовался до сих пор Бенини, стала ослабевать. В 1913 году издание «Корреспонданс де Ром» прекратилось. Вскоре после того как в 1914 году вспыхнула Первая мировая война, германские войска захватили в Бельгии архив с документами, принадлежавшими «Содалитиум пианум». Документы содержали компрометирующие доказательства, и на Ватикан было оказано давление с требованием положить конец деятельности Бенини. В конце концов «Содалитиум пианум» было запрещено папой Бенедиктом XV в 1921 году. В лице Мерри дель Валь, однако, Бенини имел влиятельного защитника, под чьим руководством он продолжал заниматься другими сомнительными предприятиями. Столетиями Церковь мечтала о том, чтобы создать плацдарм в России и постепенно заменить или поглотить русское православие. Произойди нечто подобное, и Греческая православная церковь утратила бы свое влияние, в результате чего Рим получил бы возможность в перспективе преодолеть схизму с Византией, которая расколола христианский мир за тысячу с половиной лет до этого. В соответствии с этим, Пий X создал в 1907 году «экзархат» русского обряда и назначил униатского архиепископа Львова на территорию нынешней Польши. Сразу после этого Бенини начал вмешиваться в дела России. К 1910 году он вступил в тесные отношения с русскими дипломатами и политиками панславистского [57] – то есть крайне правого – толка.

Но какие бы планы он ни вынашивал, они были отложены началом Первой мировой войны, затем бесповоротно похоронены революцией и последовавшей за ней кровавой гражданской войной. Когда власть в свои руки надежно взяли большевики, ему, должно быть, стало ясно, что Россия – отрезанный ломоть, недостижимая цель, по крайней мере на отведенный ему жизнью срок. Потому он направил свою энергию в другое русло. В 1920 году, по-прежнему находясь под защитой Мерри дель Валь, Бенини начал издавать бюллетень на французском языке под названием «Antisemite». Несмотря на такое название, кардинал утверждал, что на самом деле не был антисемитом. Он просто выступал против международного еврейского заговора, который якобы управлял банками, масонством и большевизмом. Если бы его приперли к стенке, он, несомненно, сослался бы на то, что

несколько его лучших друзей были евреями. А возможно, и нет, ведь он величал евреев «избранниками Антихриста». В 1923 году, спустя два года после запрещения «Содалитиум пианум» Бенини, во Франции появилась новая организация под названием «Entente romaine de defense sociale» [58]. Некоторые комментаторы предположили, что «Римский союз» был в действительности возрожденным «Содалитиум пианум» в новом обличье, чтобы вступить в ряды «Римского союза», нужно было быть христианином, принадлежать к «арийской или ариинизированной нации» и принимать девиз «религия, семья, родина» – девиз, возрожденный и проповедуемый одной католической организацией сегодня. Одним из главных выразителей идеологии «Римского союза» был некто аббат Булэн, который гневно писал о «наступлении» на Европу международного банковского синдиката евреев. В 1924 году Булэн стал одним из устроителей парижского съезда самозванной международной антиеврейской организации. Второй ее съезд прошел годом позже в Австрии, и Бенини присутствовал на нем. Из того, что известно о «Римском союзе», можно сделать вывод, что эта организация имела много общего с «Аксьон франсез», ультраправым националистским движением, чей культ «крови и почвы» был сходен с культом национал-социализма в Германии. Бенини был яростным сторонником «Аксьон франсез», в ряды которых, как считается, входили несколько французских лидеров прежнего «Содалитиум пианум». К сожалению для кардинала, отношения с «Аксьон франсез» оказались непрочными. В 1926 году между ними произошел разрыв, который им не суждено было преодолеть. 11 февраля 1929 года между Ватиканом и Бенито Муссолини – итальянским премьер-министром с 1922 года – были подписаны Латеранские соглашения, по которым город Ватикан получал статус независимого и суверенного государства, автономного анклава, не являющегося частью территории Италии. Церкви была компенсирована утрата прежней папской области, а католицизм был принят в качестве официальной религии Италии. Взамен папство снизошло до признания Италии как государства и Рима в качестве его столицы. Впервые с 1870 года папа решился посетить Вечный город. Его высокопреосвященство Бенини был удовлетворен. Позже он будет тесно сотрудничать с ОВРА, итальянским аналогом гестапо. Можно представить, с каким энтузиазмом он встретил бы фалангистское движение Франко в Испании, доживи он до этого времени.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РУКОПИСИ МЕРТВОГО МОРЯ

Драматические события первой половины двадцатого столетия – две мировые войны, столкновение идеологий, революции и гражданские конфликты в Мексике, России, Испании и других странах – продемонстрировали, насколько далеко Церковь оказалась на обочине истории Запада. За исключением таких отдельных случаев, как Ирландия, история Запада делалась все более светской. И Рим, еще больше лишившись светской власти и влияния, был низведен до положения одинокого жалобного голоса среди мощного хора. Правда и то, конечно, что Церковь оказывалась во многом не у дел в многочисленных эпизодах истории в прошлом – во время наполеоновских войн или еще раньше в период борьбы за господство на европейском континенте в восемнадцатом столетии. В прошлом Запад, впрочем, все еще был, пусть и номинально, «христианским», и пока он оставался таковым, церковь по-прежнему могла претендовать на историческую роль. Но с дальнейшим ходом двадцатого века христианство все больше утрачивало свои позиции, и, как следствие, Церковь достигла нового предела бессилия. Среди кутерьмы «измов», оспаривающих верховенство,

католицизм был одним из самых слабых. Такова, во всяком случае, была ситуация в том, что касалось коридоров власти, той вырабатывающей решения машины, которая определяла публичную политику и ход событий. Среди тех злополучных миллионов, отданных на милость этой машине, Церковь сохранила значительную паству – более многочисленную в действительности, чем у любого другого вероисповедания в мире. Если больше нельзя было мобилизовать эту паству для крестовых походов или священных войн, то на нее по-прежнему можно было влиять в сфере души и духа. В сфере души и духа она оставалась уязвимой. И в этой сфере Церковь по-прежнему располагала действенными средствами. Одним из них была извечная мера – отлучение.

Почти за тысячелетие до этого папа Григорий VII (1073-1085) превратил отлучение от Церкви в тончайший политический инструмент. Его можно было пускать в ход даже для низложения принцев, королей, императоров. Впрочем, в последующие столетия слишком частое использование отлучения существенно снизило его стоимость. К примеру, в девятнадцатом столетии юные прихожане регулярно отлучались от Церкви Священной канцелярией за недонесение на родителей, евших мясо по пятницам, или за чтение книги, запрещенной Индексом. Вскоре после Второй мировой войны папа Пий XII угрожал отлучением любому члену Церкви, который голосовал на выборах за кандидата от коммунистов, а не от католиков. Такая расточительность в его применении могла только придавать отлучению все более ребяческий характер, все больше лишая его силы и значения. Для большинства католиков, однако, отлучение от Церкви оставалось – и, по сути дела, все еще остается – потенциальным источником ужаса и, следовательно, действенным инструментом запугивания. Быть отлученным означает превратиться в изгоя со всем присущим этому статусу ощущением изоляции и одиночества. Отлученному запрещается принимать участие в мессе или любых других публичных отправлениях культа. Он не может получать никакого иного причастия, кроме последнего таинства перед смертью. Его брак не может быть освящен священником или епископом, он не может пользоваться никакими дарами Церкви или духовными привилегиями. При более суровой из двух форм отлучения человек должен совершенно избегать общения с другими католиками. С формальной точки зрения, отлучение может исключать человека только из Церкви, из числа прихожан. Оно не разъединяет и не может разъединить человека с Богом. Для многих верующих, однако, эта разница не очевидна, и отлучение от Церкви воспринимается как равносильное осуждению на вечные муки. Вызываемое этим психологическое воздействие нередко может быть сокрушительным. Современный Кодекс канонического права устанавливает целый ряд преступлений, наказуемых отлучением. В их числе аборт, вероотступничество, ересь, схизма, выбрасывание или использование не по назначению освященной гостии, физическое насилие над папой и рукоположение епископа без разрешения папы. Оно также используется для подавления инакомыслия или оппозиции внутри Церкви. Так, к примеру, в 1908 году был отлучен модернист Альфред Луази; пострадали также и более поздние католические писатели и комментаторы. Расследования и трибуналы по вопросу о возможном отлучении официально проводятся Священной канцелярией. Затем по ее рекомендации папой выносятся приговор об отлучении. Отлучение было одним из инструментов, с помощью которого Церковь, действуя через посредство Священной канцелярии, осуществляла контроль над своей паствой. Другим инструментом, по крайней мере в течение первой половины столетия, был Индекс, который эффективно лишал католиков доступа к любым материалам, сочтенным Римом вредными, включая исследования по истории масонства и

самой инквизиции. Как уже указывалось, Индекс был впервые введен в 1559 году и оставался в силе на протяжении последующих 400 с лишним лет. Не далее как в начале 1960-х годов католическим студентам и ученым в университетах запрещалось читать не только произведения признанных классиков вроде Вольтера и Стендаля, но и остросовременные произведения таких писателей, как Сартр, Андре Жид, и других, которые входили в программу почти каждого университета. К этому времени, впрочем, Индекс становился все более несостоятельным. Книги, ранее запрещенные светскими властями – «Улисс», «Любовник леди Чаттерлей», «Лолита», даже произведения маркиза де Сада, – были легко доступны в любой крупной городской библиотеке, не говоря уже об университетских библиотеках. Сама литература становилась все более откровенной, а нецензурные слова, равно как и живописные эротические или богохульственные пассажи, невозможные в напечатанном виде всего несколько лет назад, сделались почти обязательными. Но слишком много было других произведений, нередко высокого литературного достоинства, чтобы поспеть даже самым фанатичным и ревностным инквизиторам. В 1966 году Индекс был официально упразднен папой Павлом VI.

Контроль над рукописями Мертвого моря

В известной мере отмена Индекса была простой формальностью. Уже какое-то время и раньше он был обречен развитием современной светской культуры. Образованные католики неизбежно подвергали себя методическому воздействию теологически неприемлемого материала, невзирая на запрещения Церкви. Но были и другие сферы, в которых Церковь все еще сохраняла способность регулировать, контролировать и ограничивать и доступ к знанию, и поток информации столь же безжалостным образом, как это делалось в Средневековье. Возможно, самым вопиющим примером такого рода была история с рукописями Мертвого моря. Своим обращением с рукописями Священная канцелярия, действуя от имени Церкви через посредство Папской библейской комиссии, сотворила то, что один ученый назвал «академическим скандалом *par excellence* [59] двадцатого века».

В 1880-х годах только набравшее ход модернистское движение еще не стало разрушительной силой, еще не приобрело дурную славу. Среди молодых модернистских ученых той эпохи царили наивная доверчивость и идеалистический оптимизм, неколебимая уверенность в том, что целенаправленная археологическая работа приведет к подтверждению, и никак не опровержению, слов Писания. Французская Эколь библик, «Библейская и археологическая школа», в Иерусалиме – превратившаяся в конечном итоге в тирана ученых, занимавшихся рукописями Мертвого моря, – была рождена первой волной модернизма, до того как Церковь распознала, к какой головокружительной бездне она подошла. Школа появилась на свет в 1882 году, когда французский монах-доминиканец, совершая паломничество в Святую землю, решил основать доминиканскую общину в Иерусалиме, которая включала бы церковь и монастырь. Он выбрал место, где раскопки обнажили руины старой церкви. По преданию, на этом месте был насмерть забит камнями святой переводчак Стефан, считавшийся первым христианским мучеником. Рим не только одобрил идею, но и взялся ее проработать и расширить. Папа Лев XIII распорядился, чтобы также была создана школа библейских исследований. Она и была основана в 1890 году отцом Альбером Лагранжем и официально открыта в 1892 году, для проживания пятнадцати студентов. Это учреждение было одним из многих типично модернистских проектов того времени. На принадлежащей ей территории

католические ученые должны были приобретать подготовку, необходимую для того, чтобы укреплять вероучение под натиском успехов науки в исторических и археологических изысканиях. Спустя десять лет наступило крушение иллюзий, и над модернизмом нависла угроза официального осуждения. В 1903 году папа Лев создал Папскую библейскую комиссию, орган, предназначенный работать в тандеме со Священной канцелярией и надзирать за работой католических ученых-библеистов. К этому времени одного предложения о проведении исторических или археологических исследований было достаточно, чтобы навлечь гнев и осуждение церковных властей; и отец Лагранж вместе со своей Эколь библик был подвергнут комиссией надлежащей проверке. Впрочем, быстро подтвердилось, что Лагранж оставался лояльным официальной доктрине и традиции и что его сердце было по-прежнему вместе с Церковью. Лагранж в результате был назначен членом – или «консультантом» – Папской библейской комиссии. Его журнал «Ревю библик» стал официальным печатным органом комиссии; и такое положение вещей продолжалось до 1908 года, когда комиссия начала издавать свой собственный журнал. Несмотря на полученное одобрение, в адрес Лагранжа продолжали сыпаться обвинения в модернизме со стороны низших эшелонов церковной иерархии. Эти обвинения настолько деморализовали его, что в 1907 году он оставил свою работу по исследованиям Ветхого Завета. В 1912 году он решил полностью расстаться с библеистикой и уехал из Иерусалима.

Однако папа поспешил поддержать его, приказал ему вернуться на свою должность и убедил его возобновить свою работу. Под его послушным началом Эколь библик, созданная изначально в помощь модернизму, сделалась теперь оплотом борьбы с ним. Вот эта организация как раз и исхитрилась спустя полвека установить настоящую монополию над рукописями Мертвого моря.

В 1947 году в пещере вблизи Кумрана, в сорока минутах езды к востоку от Иерусалима, были обнаружены первые из этих древних текстов – манускрипты, датируемые первыми веками новой эры и более ранним временем. Оказалось, что в этой пещере, получившей впоследствии название Пещеры 1, находилась не одна рукопись. В последующее десятилетие поблизости были найдены еще десять пещер, в которых также были обнаружены рукописные материалы – некоторые практически в целом виде, некоторые в виде фрагментов, которые нужно было собирать, как головоломку.

Американские и израильские ученые быстро опубликовали свои находки, вызвавшие огромный интерес во всем мире. Кумранские рукописи были самыми ранними документами подобного рода, которые когда-либо увидели свет в Святой земле. Они явно относились к периоду, близкому к началу христианской эры. Они хранили свидетельства о мессианской, апокалиптической религиозной общине, проживавшей на этом месте около 2 тысяч или более лет тому назад. Пока рукописи можно было связывать только с изолированной иудейской сектой, Церковь и Священная канцелярия оставались равнодушными к ним, рассматривая их всего лишь как любопытный исторический и археологический материал. В 1950 году, однако, профессор Сорбонны Андре Дюпон-Сомме прочитал публичную лекцию, ставшую международной сенсацией. Он охарактеризовал один из текстов Мертвого моря как описание «секты Нового Завета». Глава этой секты был мессианской фигурой, избранником божьим, именовавшимся «учителем праведности» и претерпевшим гонения и страдания. Его последователи верили в то, что близится конец мира. Спасутся только имеющие веру в Учителя. К возмущению многих, Дюпон-Сомме делал вывод, что «учитель праведности» во многих отношениях являлся «точным прототипом Иисуса». Церковь сразу

же запаниковала. Документы, касавшиеся изолированной иудейской секты, были одно, а документы, которые могли бросить тень на истоки христианства, – совсем другое. Католическим ученым уже предлагалось поучаствовать в изучении обнаруженных манускриптов, но они не выказали большого интереса. Теперь, однако, нужно было принимать срочные меры по ограничению вреда и как-то скрыть опасные свидетельства. Необходимо было установить контроль за исследованиями в этой области и теми, кто занимался рукописями. Любой ценой надо было добиться того, чтобы представлять Кумранские рукописи публике таким образом, который отдалял бы их от истоков христианства, делал бы малозначимыми или случайными для католического предания, учения, доктрины и догмы. И такую кампанию за приобретение контроля над как можно большим количеством манускриптов начал с высочайшего одобрения доминиканский директор Эколь библик аббат Ролан де Во, хотя и не обладавший никакой квалификацией в археологии. В период с 1951 по 1956 год де Во предпринял свои собственные раскопки в Кумране. Его цель состояла в том, чтобы найти – или, если необходимо, сфабриковать – доказательства того, что рукописи в действительности не имели значения для раннего христианства, что они относились всего-навсего к изолированной и немногочисленной затерянной в пустыне общине ессеев [60], оторванной даже от «официального» иудаизма того времени.

Разумеется, датирование рукописей надлежало привести в соответствие с этой интерпретацией. По этой причине де Во вынужден был заниматься очень сомнительными археологическими процедурами. Так, например, при помощи простой уловки он выдумывал стены – там, где их не было, – оставляя нераскопанными отдельные участки места. С помощью таких приемов он стремился установить свою собственную хронологию для рукописей, датируя их безопасным и неопровержимым образом дохристианским периодом.

Между тем на свет продолжали появляться все новые манускрипты и рукописные фрагменты – в некоторых местах порой в большом количестве. Складывавшаяся картина угрожала обернуться для Церкви даже большим конфузом, чем мнилось поначалу. Действительно, имелись смущающие параллели между ранним христианством и общиной в Кумране, и рукописи служили тому доказательством. Одновременно с этим община в Кумране стала рисоваться не каким-то отдаленным, обитающим в пустыне анклавом, а центром религиозной деятельности, который фигурировал на переднем плане истории во времена Нового Завета, играя важную роль в событиях того времени. Хуже всего то, что община, как оказалось, была не просто мессианской и апокалиптической по своему духу, но воинствующей и революционной, нацеленной на освобождение Святой земли от ига Римской империи и восстановление иудейского царства образца Ветхого Завета. Другими словами, ее ориентация была в не меньшей степени политической, чем религиозной. Такую ориентацию было все труднее примирить с тем кротким агнцем – Спасителем христианского предания, который отдавал кесарю кесарево и призывал своих последователей подставлять другую щеку в знак покорного мученичества. Таким образом, установление полного контроля над рукописями и теми смущающими откровениями, которые они могли содержать, превращалось для Церкви во все более насущный вопрос. Посредством ловкого макиавеллистического политиканства де Во сумел добиться назначения себя главой международной группы ученых, которым было доверено собрать, перевести и опубликовать тексты, найденные в Кумране. Ему также удалось поставить эту международную группу ученых, а значит, и всю работу

над рукописями Мертвого моря, под начало Эколь библик – доминиканского учреждения, подотчетного, не следует забывать об этом, через Папскую библейскую комиссию Священной канцелярии. Он сосредоточил в своих руках еще большую власть, взяв на себя издание официального академического журнала, посвященного материалам, найденным в Кумране. И, сверх того, он добился, чтобы его назначили ответственным редактором канонического, как предполагалось, перевода Кумранских рукописей – «Открытия в Иудейской пустыне», – выпущенного издательством Оксфордского университета. В результате всех этих манипуляций ему удалось стать автором якобы бесспорной и раз и навсегда установленной интерпретации всех Кумранских рукописей. Де Во и его протеже, таким образом, сделались международно признанными экспертами по рукописям Мертвого моря, и у мира, казалось, не было никаких причин сомневаться в их честности. Таковы были обстоятельства, которые примерно в течение сорока пяти лет определяли состояние изучения рукописей Мертвого моря. В течение сорока пяти лет Кумранские рукописи оставались, по сути дела, частной вотчиной, находясь в исключительном ведении группы в большинстве своем католических ученых, подконтрольных Эколь библик, Папской библейской комиссии и Священной канцелярии. Эта группа делала все возможное, чтобы не допустить к материалам «непосвященных». Публикация некоторых материалов, которые могли пошатнуть авторитет Церкви, необъяснимым образом откладывалась и задерживалась. Другие материалы публиковались не раньше, чем они приобретали наименее компрометирующее толкование. Провозглашались заведомо спорные датировки, дабы отдалить во времени рукописи от христианства и устранить всякий намек на их причастность к Иисусу, святому Павлу, святому Иакову или движению, которое вылилось в раннюю Церковь христианского предания. Места, имевшие слишком близкое текстуальное сходство с Новым Заветом, искажались при переводе и, по крайней мере в одном ключевом случае, утаивались в течение десятилетий. Приведем только один пример. 9 июля 1958 года группа ученых де Во получила в свое распоряжение новый фрагмент рукописи, содержащий небольшой кусок текста. Как и полагается, ему был присвоен идентификационный номер – 4Q246, означавший фрагмент 246 из Пещеры 4 в Кумране [61]. Текст оказался легким и достаточно простым для перевода. Действительно, как поведал одному из авторов этой книги ученый, присутствовавший при этих событиях, перевод в основном был закончен к следующему утру – к этому времени все члены группы де Во прочитали его или знали, о чем в нем говорилось. Но то, что в нем говорилось, было потенциально взрывоопасным:

«Он будет наречен сыном Божьим, и они станут называть его сыном Всевышнего... Царство его будет вечное царство».

Параллели с христианским Писанием достаточно очевидны. Этот скудный фрагмент текста мог свести на нет все усилия группы де Во по дистанцированию рукописей Мертвого моря от раннего христианства. По этой причине само его существование держалось в строжайшей тайне в течение четырнадцати лет. Возможно, это так бы и осталось тайной, если бы один из ученых, входивших в группу де Во, не обмолвился о нем во время лекции в Гарвардском университете в декабре 1972 года. Но даже после этого он отказался предоставить его копию какому-либо другому исследователю для независимого изучения. Должны были пройти еще восемнадцать лет, прежде чем текст попал из анонимного источника в журнал «Библикал Археолоджи Ревью», посвященный библеистским исследованиям популярного характера, который и напечатал его в 1990 году. В течение тридцати

двух лет после его первоначального перевода, таким образом, текст был известен группе де Во, но держался под спудом. Не упоминая о нем ни словом, церковные комментаторы тем временем прибегали к уловкам и изображали блаженное неведение. В 1968 году, к примеру, Ксавье Леон-Дюфур, приятель де Во и член Папской библейской комиссии, уклончиво писал:

«Ни в одном из Кумранских текстов не говорится о «сыне Человеческом».

Ни словом не обмолвившись о «сыне Божьем», он принялся доказывать, что наставник Кумранской общины, как он изображен в рукописях, не имел ничего общего с личностью Иисуса. Спустя одиннадцать лет – в 1979 году – кардинал Жан Данилу, еще один друг де Во, опубликовал английский вариант своей собственной книги – «Рукописи Мертвого моря и примитивное христианство». Он продолжал вторить официальной «партийной линии». Игнорируя существование текста о «сыне Божьем», он тоже доказывал, что не может существовать никакой связи между Иисусом и главой Кумранской общины. Только в начале 1990-х годов обстоятельства, определявшие состояние научных исследований рукописей Мертвого моря, наконец-то начали меняться. Этим мы обязаны главным образом упрямству и настойчивости профессора Джеймса Робинсона, возглавлявшего группу ученых, которая перевела так называемые «Гностические Евангелия», найденные в местечке Наг-Хаммади в Египте, и профессору Роберту Айзенману из Калифорнийского университета в городе Лонг-Бич, который уже давно выступал за предоставление научной общественности свободного доступа к Кумранским рукописям. Опираясь на негативы, полученные из анонимного источника, Робинсон и Айзенман выпустили двухтомную подборку фотографий – «Факсимильное издание рукописей Мертвого моря». Впервые весь корпус Кумранских текстов сделался доступным независимым исследователям. Шлюзовые ворота наконец открылись. Хантингтонская библиотека в Калифорнии была одной из нескольких учреждений, в которых хранились фотографии всех рукописей Мертвого моря – для подстраховки, на случай, если оригиналы будут уничтожены в очередном ближневосточном конфликте. Через три месяца после публикации Робинсона и Айзенмана библиотека бросила вызов Библейской школе, объявив о своем намерении сделать свою коллекцию доступной для ученых. Айзенман первым получил доступ к материалам. Он и профессор Майкл Уайз из Чикагского университета быстро собрали две группы ученых – каждый из своего собственного университета, – чтобы заняться переводом пятидесяти наиболее значимых неопубликованных текстов. Их перевод появился в 1992 году под названием «Рукописи Мертвого моря без покров».

В настоящие дни Церковь больше не контролирует доступ к текстам, обнаруженным в Кумране, но она по-прежнему старается контролировать их интерпретирование. Католические ученые продолжают настаивать на своем собственном ортодоксальном толковании и между делом пытаются подавить всякую оппозицию.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КОНГРЕГАЦИЯ ДОКТРИНЫ ВЕРЫ

В 1962 году мир еще не ведал о той фальсификации, которая была связана с рукописями Мертвого моря. В это время перед Церковью стояли другие, более насущные и настоятельные проблемы, представлявшие больший интерес для духовенства, верующих, средств массовой информации и мировой общественности. В период пребывания на Святом престоле папы Иоанна XXIII – самого либерального, здравомыслящего, прогрессивного и энергичного понтифика двадцатого столетия –

Церковь принялась наводить порядок в своем собственном доме и конструктивным и творческим образом интегрироваться в современный мир. Усилия в этом направлении приняли форму II Ватиканского собора, который был созван 11 октября 1962 года и продолжал свою работу до конца 1965 года.

Иоанн XXIII первым предложил идею собора на конклаве кардиналов в январе 1959 года. По его словам, ему хотелось видеть реформистский собор, который обновил бы Церковь и привел бы ее в соответствие с послевоенным миром. Он желал начать процесс примирения, который воссоединил бы различные церкви христианского мира. Он искал нового сближения с протестантизмом. Он также хотел навести мосты между Римско-католической и Восточной православной церквями, которые были разделены взаимными объявлениями об отлучении в 1054 году.

Курия была в ужасе. Были предприняты упорные попытки помешать проведению собора папы или, если это не удастся сделать, по крайней мере отсрочить его. Несмотря на такое противодействие, понтифик, однако, не отступился от своих планов, воспользовавшись для претворения их в жизнь всею властью, которая досталась ему от его предшественников. Собор, представлялось ему, должен был иметь интернациональный и экуменический уклон. Поэтому он принялся подготавливать почву, устанавливая контакты не только с другими христианскими церквями, но и с другими религиозными течениями.

Впервые со времени создания Англиканской церкви римский понтифик лично встретился с англиканским архиепископом Кентерберийским. Подобные же контакты были установлены с Греческой и Русской православными церквями. Впервые католическим представителям было позволено присутствовать на съезде Всемирного совета церквей. И был начат диалог с иудаизмом, кульминационным моментом которого стала энциклика, освобождавшая еврейский народ от всякой вины за смерть Иисуса. Иоанн XXIII также расширил коллегия кардиналов, включив в нее новых членов со всех континентов и сделав курию более интернациональной по составу, чем когда-либо прежде. В 1960 году он сформировал официальный департамент в рамках курии, поручив ему заниматься объединением всех христианских церквей. В марте 1962 года он предпринял полный пересмотр Кодекса канонического права, который был в конечном итоге опубликован в 1983 году. Таковы были меры, предпринятые папой для подготовки к II Ватиканскому собору. Созванный в октябре 1962 года, собор проводил свою работу открыто, без параноидальной секретности, которая была присуща церковным делам в прошлом. В самом деле, на соборе официально присутствовали наблюдатели из не менее чем восемнадцати не католических церквей. Это побудило некоторых членов курии и Священной канцелярии пожаловаться, что папа общается с еретиками – а ведь это, согласно каноническому праву, преступление.

Силы, составлявшие оппозицию папе в работе собора, возглавлял, что неудивительно, префект Священной канцелярии в то время кардинал Альфредо Оттавиани. Он неоднократно пытался добиться того, чтобы работа собора проходила под контролем курии. Однако собственная харизма папы и новые кардиналы, введенные им в коллегия, склонили чашу весов в пользу политики, проводимой понтификом. Попытка курии диктовать свою волю собору была пресечена. Для собравшихся клириков, равно как и для мировой общественности, стало неприятным открытием и потрясением, что курия, вопреки расхожему мнению, больше не олицетворяла всю Церковь в целом. В ходе работы собора воинственно настроенная «старая гвардия» была вынуждена уступить

буквально по каждому пункту, и благодаря новым силам в Церкви были приняты радикальные реформы. Одна из наиболее назревших реформ касалась мессы, которая теперь наконец-то должна была служиться не на латыни, а на местном наречии. Одновременно с этим был упразднен – как не соответствующий духу времени и современным реалиям – «Силлабус», введенный с помощью Священной канцелярии Пием IX. До завершения работы собора надлежало отменить взаимное отлучение Римской и Православной церквей. В энциклике, опубликованной весной 1963 года, папа Иоанн XXIII открыто признал и одобрил прогресс, который его предшественники в девятнадцатом столетии открыто осуждали. А в одном из положений энциклики, небывалом для римского понтифика, утверждалось право каждого человека «поклоняться Богу в соответствии с велениями его совести». 3 июня 1963 года, вскоре после опубликования этой энциклики, Иоанн XXIII умер. 21 июня новым папой был избран Джованни Баттиста Монтини, консультант Священной канцелярии, который взял имя Павла VI. К этому времени реализация программы реформ, принятой собором, уже набрала слишком большой ход, чтобы ее можно было полностью свернуть. Однако было заметно торможение; поступательное движение по пути прогресса, с энтузиазмом воспринятое всей мировой общественностью, как католиками, так и не католиками, со временем постепенно сошло на нет. Впоследствии оно приняло обратное направление. В некоторых сферах дух прогресса II Ватиканского собора остался нетронутым. Месса, например, по-прежнему официально служится на местном языке. Индекс был упразднен, и никаких серьезных попыток вернуть его к жизни не предпринималось.

Не было и никаких поползновений возродить «Силлабус». Но во многих вопросах, имеющих самое насущное значение для прихожан, дух собора действительно оказался преданным. Аборт остается грехом, наказуемым отлучением от Церкви. И хотя перспектива перенаселенности и истощения природных ресурсов мрачно нависает над планетой, Церковь ведет себя как страус, упорно отказываясь признавать эту угрозу и сохраняя непреклонную позицию в отношении контроля за рождаемостью, которая тянет ее в прошлое и вызывает катастрофический разлад с современным миром, отталкивает многих католиков и порождает мучительные психологические проблемы для многих других. В начале работы II Ватиканского собора папа Иоанн XXIII создал комиссию для изучения вопроса о контроле за рождаемостью. Действительно ли использование искусственной контрацепции является смертным грехом, наказуемым автоматическим осуждением на вечные муки? К сожалению, понтифик умер, прежде чем собор смог принять свое решение по этому вопросу. Когда вопрос был вынесен на обсуждение в октябре 1964 года, значительное число клириков было настроено в пользу более гибкого отношения. Как только это выяснилось, дебаты были без долгих разговоров свернуты кардиналом Агаджианьяном, видным членом Священной канцелярии и Папской библейской комиссии. Щекотливый вопрос, который должен был решить собор, был вместо этого передан на рассмотрение новому папе, взявшему на себя принятие решения.

Когда собор выказал готовность пойти навстречу рекомендациям комиссии, настаивавшим на большей гибкости в этом вопросе, Павел VI внес свои собственные поправки, которые фактически свели на нет всякую реформу. Эти поправки встретили сильнейшие возражения со стороны большинства членов комиссии. Папа ответил на них, опубликовав 25 июля 1968 года свою позорную энциклику, в которой, опираясь на весь авторитет своей непогрешимости, решительно запретил искусственную контрацепцию. Прежний «Силлабус» был упразднен, но вместо него была

провозглашена не менее ретроградная, анахроничная и реакционная точка зрения. В ноябре 1963 года, во время одного из дебатов на II Ватиканском соборе, кардинал Фрингс из Кельна не побоялся подвергнуть критике саму Священную канцелярию. Выражаясь его словами, ее методы «не соответствуют духу времени и пользуются скандальной славой в мире... Никто не должен подвергаться суду и осуждению, не будучи выслушанным, не зная, в чем его обвиняют».

Кардинал Альфредо Оттавиани, возглавлявший в то время Священную канцелярию, не был склонен изменять политике своего предшественника и наставника зловещего кардинала Мерри дель Валь. В ответ Оттавиани возразил, что любые нападки на Священную канцелярию являются «прямым оскорблением папы». Однако в век телевидения и средств массовой информации даже Священная канцелярия не могла оставаться безучастной к вопросам имиджа и общественного мнения. В 1965 году, по инициативе папы Павла VI, эта организация отказалась от названия, которое в течение столетий вызывало у людей страх и ненависть. С приходом нового префекта, югославского кардинала Франциска Сепера, она стала именоваться – менее зловеще, хотя и более напыщенно – как Конгрегация доктрины веры. Под этим громоздким названием бывшая инквизиция продолжает действовать и по сию пору, словно облагороженное название способно предать забвению ее кровавое прошлое. Впрочем, в 1997 году доктор Пол Коллинз, выпускник Гарварда и священнослужитель, писал, что «Священная канцелярия, возможно, и сменила свое название, однако идеология, на которой она базируется, осталась. Она определенно не изменила своих методов. Она по-прежнему принимает анонимные обвинения, не пытается разобраться в существе дела, лишь требует отречения от обвиняемого и продолжает использовать в качестве своих экспертов третьеразрядных теологов. Этому институту нет места в современной Церкви. Она не подлежит реформированию, а потому должна быть упразднена». Далее доктор Коллинз отмечает, что преступления Конгрегации доктрины веры по сути своей являются преступлениями всей римской курии, существующей исключительно для того, чтобы «быть опорой папизму... инструментом папской власти, а не церковной администрацией».

По словам не столь критично настроенного комментатора, Конгрегация «является инструментом, с помощью которого Святой престол осуществляет укрепление веры и бдительно следит за ее непогрешимостью. Таким образом, как таковая она является блюстителем католической ортодоксии. Не случайно она занимает первое место в официальном перечне конгрегации римской курии».

Приоритетное положение Конгрегации было узаконено папой Павлом VI, который вскоре после II Ватиканского собора заявил, что она «ведает вопросами величайшей важности». Она не является в настоящее время крупным учреждением. Не располагает она больше и возможностью посылать в разные уголки земного шара эскадры фанатичных инквизиторов. Полагают, что она насчитывает где-то около тридцати человек, которые работают в ней на постоянной основе. Хотя их заявленный *raison d'être* – оберегать «чистоту» вероучения, их подлинная цель – защищать власть папства и подавлять инакомыслие. Для этого они в тонкостях освоили то, что их префект именуется «искусством сопрасседере» (итальянское слово, обозначающее откладывание решений), дабы давать ситуациям «созреть». Другими словами, Конгрегация будет действовать тогда, когда уверена в том, что способна сделать это безнаказанно, на своих собственных условиях, – к примеру, подвергнуть преследованиям, наказанию, лишить голоса или даже отлучить от Церкви инакомыслящего теолога. Когда же она не может действовать безнаказанно – например, когда имеется угроза бунта со стороны

верующих, – Конгрегация будет всячески сдерживать перемены и процесс принятия решения и тянуть время. Тем временем она будет копить и пестовать негодование, возмущение и мстительность, почти любовно осуществляя свою месть. В середине 1990-х годов о чиновниках Ватикана ходил такой анекдот. В помещениях Конгрегации доктрины веры находят новорожденного младенца. Префект Конгрегации в шоке и думает, что виной тому один из его подчиненных-священнослужителей. Тем не менее монсеньор отводит его в сторону и пытается его успокоить: «Это, конечно, не мы. В этом заведении ничего не делается за девять месяцев». Еще один функционер соглашается и добавляет: «Ребенок – это очень деликатное дело, это плод любви. Следовательно, это, конечно, не мы». Из всех так называемых конгрегаций – или департаментов – курии Конгрегация доктрины веры является самой важной. Она занимает доминирующее положение в курии. Во всех списках она всегда указывается первой. В сущности, это самый мощный и влиятельный департамент Ватикана. Его официальный глава – сам папа. Высшим должностным лицом департамента, современным воплощением великого инквизитора, является префект. Согласно «Католической энциклопедии», первостепенной функцией Конгрегации «всегда было оказание содействия папе в задаче сохранения чистоты и целостности церковной доктрины веры и нравственности». По словам же более независимого комментатора, папство, со времен I Ватиканского собора 1870 года, если не раньше, «нацелено на то, чтобы поставить теологию под свой контроль», и Конгрегация представляет собой его главный инструмент в достижении этого. Конгрегация располагается в бывшем дворце инквизиции – в Каза Санта, просторном здании с внушительными воротами, находящемся на Виа дель Сант-Уффичо, рядом с собором Святого Петра. Прежние застенки были превращены в кабинеты и архивы. Именно из этой штаб-квартиры Конгрегация ведет свои дела, немалая часть которых имеет чисто судейский характер. Главой судебного отдела Конгрегации и по крайней мере двое из его помощников-судей всегда являются доминиканцы, чем поддерживается традиционная связь с изначальной инквизицией тринадцатого столетия. В 1967 году, когда Конгрегация доктрины веры взяла свое нынешнее название, для работы в тандеме с ней был создан еще один орган – Международная теологическая комиссия. Комиссии надлежало выступать в роли консультативного органа при Конгрегации. В 1976 году комиссия настойчиво рекомендовала Конгрегации использовать менее «инквизиционные» и более примирительные методы. В своей деятельности вплоть до настоящего времени Конгрегация мало учитывает этот совет. Один комментатор так охарактеризовал ее деятельность в последнее время: «Помимо того, что она надзирает за назначениями на теологических факультетах учебных заведений, Конгрегация доктрины веры также изучает труды теологов, на которые обратили ее внимание епископы, нунции или другие теологи. Большое внимание уделяется тем теологам, которые снискали популярность в средствах массовой информации, а также тем, чьи книги читает широкая аудитория. Ватикан также не обходит своим вниманием теологов, которые рассматривают определенные темы – этику сексуальных отношений, контроль за рождаемостью, аборт, безбрачие духовных лиц, развод и повторный брак, авторитет папы, авторитет епископов, воскрешение из мертвых и Божественность Христа. Большое внимание привлекают к себе представители теологии освобождения [62] в Латинской Америке и Африке из-за своих трудов по проблематике авторитета Церкви и классовых конфликтов. Изучению также подвергаются труды азиатских теологов, пишущих об отношениях между христианством и восточными религиями. Ватикан также не

выпускает из поля своего внимания теологов феминистского толка, пишущих по вопросам сексуальности, патриархата в Церкви и женщин-священников».

Конгрегация доктрины веры занимается всяким теологом, преподавателем или священником, чьи заявления, письменные или устные, могут рассматриваться как отклонение от официальной доктрины. Приветствуются также доносы на подобных вероотступников со стороны теологов, преподавателей или священников. Как только Конгрегация начинает проводить свое расследование, на человека заводится досье, в которое включаются все мало-мальски значимые материалы – утверждения человека, подозреваемого в отклонении от догматов веры, вырезки из газет, другие подобные материалы, письма с жалобами от коллег или прихожан. В соответствии с порядком, установленным в 1971 году, члены и высокопоставленные функционеры Конгрегации собираются по субботам для рассмотрения открытого дела. Если они решают, что отступление от догматов вероучения действительно имеет место, следует неизбежная процедура, проводимая согласно заведенному порядку и неизменно в строжайшей тайне. Для начала Конгрегация связывается с непосредственным начальником обвиняемого, к примеру, с местным епископом, который принуждает его отречься от своих утверждений или изменить их. Если Конгрегация решает, что ложные или опасные взгляды провозглашаются в письменном виде, с автором могут связаться напрямую. Предупреждение от вышестоящего лица или самой Конгрегации будет первым полученным обвиняемым знаком того, что он находится под наблюдением. Ему будет дан месяц на то, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения. Его также могут приказным порядком вызвать в Рим для личной дачи объяснений. В 1978 году, вскоре после избрания понтификом Иоанна Павла II, Конгрегация провела следствие против французского доминиканца Жака Пойе и запретила ему осуществлять преподавательскую деятельность. Год спустя был лишен права преподавать теологию Ганс Кюнг, один из самых выдающихся католических теологов современности. Сразу же после этого он был уволен со своего поста на теологическом факультете Тюбингенского университета. Когда ему предложили другое место, которое не требовало лицензии от Рима, Кюнг так прокомментировал ситуацию:

«Меня осудил понтифик, который отверг мою теологию, даже не прочитав хотя бы одну мою книгу, и всегда отказывался принять меня. Правда в том, что Рим ожидает не диалога, а подчинения».

В 1983 году новый Кодекс канонического права постановил, что все преподаватели теологии в высших учебных заведениях должны иметь разрешение или лицензию от «компетентного церковного авторитета», под которым понимался самое меньшее местный епископ. Другими словами, по выражению одного комментатора, «теологи обязаны прислуживать, а не оспаривать». Вскоре после этого более 500 немецких теологов поставили свои подписи под протестом, известным под названием «Кельнской декларации». В нем выражалась обеспокоенность подписавшихся возросшим числом квалифицированных богословов, которым отказывали в разрешении на преподавательскую деятельность. Как сказано в «Кельнской декларации»:

«Налицо злоупотребление правом отказывать в официальном разрешении на преподавательскую деятельность; оно стало средством дисциплинарного воздействия на теологов».

Конгрегация доктрины веры осталась безучастной к подобным протестам. В сентябре 1984 года в Рим был вызван бразильский францисканец отец Леонардо Бофф. Там он предстал перед трибуналом Конгрегации и получил предписание на год отказаться от публичных выступлений. В ноябре того же

года вызов в Рим – третий с 1979 года – получил видный голландский писатель-доминиканец отец Эдвард Шиллебеекс, которому было велено дать объяснения Конгрегации. В марте 1986 года лишился права на преподавательскую деятельность и год спустя был уволен со своего поста отец Чарльз Керран – теолог из Вашингтонского католического университета. В 1987 году судебным разбирательствам подвергся архиепископ Хантхаузен из Сиэтла, известный поборник решений II Ватиканского собора. В 1988 году был осужден индийский иезуит Луис Бермехо. Американскому иезуиту отцу Теренсу Суини было приказано прекратить свои исследования вопроса об отношении священнослужителей к браку духовных лиц и сжечь все свои бумаги. Взбунтовавшись против этой попытки вновь разжечь традиционные костры прежней инквизиции, отец Суини оставил лагерь иезуитов. Под стать его негодованием на такое обращение было возмущение немецкого теолога-моралиста отца Бернарда Херинга. Отец Херинг считал разбирательство, учиненное в отношении него Конгрегацией, более унижительным и оскорбительным, чем те четыре случая, когда он в свое время предстал перед нацистским судом. В 1989 году Конгрегация официально потребовала, чтобы вновь назначаемые в семинариях и католических университетах лица – ректоры, президенты, профессора теологии и философии – не только давали обет веры, но и приносили клятву верности. Такая же клятва была сделана обязательной для вновь назначаемых пасторов. С этой целью в стандартный обет веры было включено дополнительное предложение:

«Я также полностью принимаю и обязуюсь исповедовать все положения Церкви относительно доктрины веры или нравственности».

Эти меры были введены Конгрегацией сугубо по ее собственной инициативе. Не было проведено никаких предварительных консультаций с теологами или участниками на какой-либо конференции епископов. Они стали сюрпризом и шоком даже для других департаментов курии. В католическом академическом мире тут же последовала реакция «глубокого и сильного беспокойства». В мае 1990 года Конгрегация представила черновой вариант предполагаемого нового «Вселенского катехизиса Католической церкви». На 354 страницах этого документа с новой силой утверждался догмат папской непогрешимости, при этом неявным образом отвергалось сближение с другими конфессиями и вероисповеданиями, начатое II Ватиканским собором. Согласно тексту Конгрегации: «Задача давать подлинное толкование Слова Господа, будь то в его письменной форме или в форме предания, вверена одному только действующему департаменту учения Церкви».

Снова, разумеется, были повторены осуждения в адрес искусственного контроля рождаемости и прерывания беременности. Также осуждалось совместное проживание до брака, равно как и эвтаназия. Развод признавался аморальным и ведущим к социальной анархии. Мастурбация классифицировалась как нравственно предосудительное занятие, гомосексуализм – как греховное и порочное явление. Предполагаемый «Катехизис» был разослан с просьбой дать свои комментарии всем римско-католическим епископам (общим числом 2421) земного шара. Сведения о нем неизбежно просочились в средства массовой информации, и в газетах были напечатаны отрывки из него. Совершенно отсталый, психологически наивный и неприкрыто реакционный характер документа поверг в шок и привел в ужас огромное число людей, как католиков, так и некатоликов. Надежды на более прогрессивную Церковь, идущую по пути реформ, намеченных II Ватиканским собором, были грубо развеяны и даже попорчены. Казалось, что Конгрегация доктрины веры упорно желает обратить эти реформы вспять, повернуть историю назад и еще больше отдалить Церковь от

современного мира. Вскоре после того как был разослан черновой вариант нового катехизиса, кардинал Ратцингер, префект Конгрегации, поспешил принять меры против возможного инакомыслия. Это приняло форму двадцатисемистраничного документа, написанного самим Ратцингером и официально опубликованного Конгрегацией доктрины веры под названием «Церковное призвание теолога». В этом документе Ратцингер не только осудил индивидуальное инакомыслие, но равным образом и «ту общественную оппозицию авторитету, которая также называется инакомыслием». Кардинал категорически отказался признать за кем-либо «право думать иначе». Напротив, текст открыто утверждал, что католические теологи не имеют права отступать от официально признанных учений Церкви и что «теологу следует быть не столько аналитиком, сколько инструментом веры». Больше того, инакомыслие должно было рассматриваться как потенциальный грех:

«Уступка соблазну инакомыслия... (ведет за собой) нарушение верности Святому Духу».

Церковь никоим образом не претендовала на демократию.

«Стандарты поведения, уместные в гражданском обществе или являющиеся плодом демократии, не могут быть в чистом виде перенесены на Церковь».

Не может быть ничего подобного и применительно к тем личным взаимоотношениям с сакральным, которые могут быть у индивидуума.

«Апелляция к обязанности каждого человека следовать голосу своей совести не может служить законным основанием инакомыслия».

Текст документа завершается предупреждением:

«Свобода вероисповедания не может быть оправданием инакомыслия. Эта свобода не подразумевает свободы по отношению к истине, но означает свободное решение человека принимать истину в соответствии со своим нравственным долгом».

Другими словами, в той мере, в какой это упражнение в софистике и казуистике вообще поддается расшифровке, можно заключить, что человек свободен только поступать в согласии с учениями Церкви. Поступать иначе означает проявление не свободы, а заблуждения. Свобода состоит исключительно в принятии «истины», а «истина» является исключительной монополией папства, которую оно трактует так, как ему вздумается. В 1992 году, к примеру, со своего поста в Чикаго был снят американский доминиканец отец Мэтью Фокс – за то, что организовал в Калифорнии институт, посвященный творческому и духовному развитию, среди преподавателей которого была самозванная «ведьма». В 1993 году трое немецких епископов были принуждены Конгрегацией отречься от своего утверждения о том, что католики, повторно сочетавшиеся браком без одобрения Церкви, по-прежнему могут принимать причастие. В 1995 году епископ Жак Гайо из Эврё лишился своего поста за то, что поддержал священника, который женился, одобрял использование презервативов в качестве средства защиты от СПИДа и всего лишь пользовался возможностью благословлять гомосексуальные «браки». Когда он отказался сложить с себя обязанности, Ватикан силой сместил его с должности. Свыше 20 тысяч человек присутствовали на его прощальной мессе.

В том же году в августинский монастырь в Бельгии на года так называемых «занятий» была сослана бразильская монахиня Ивона Хебара – дабы могли быть «исправлены» ее «теологические неточности». На это время ей было запрещено писать или выступать с какими-либо публичными речами. В том же самом 1995 году была уволена из своего института теологии в Индиане

американская монахиня Кармела Макинрой – за то, что поставила свою подпись под заявлением, одобрявшим посвящение в сан женщин. В январе 1997 года был отлучен от Церкви шриланкиец отец Тисса Баласурия – выпускник Григорианского университета в Риме, основатель и директор Центра за общество и религию в Шри-Ланке и член-основатель Экуменической ассоциации теологов «третьего мира» – за эссе, опубликованное семью годами раньше, о Деве Марии и правах женщин в Церкви. Отец Баласурия осмелился высказать предположение, что женщины могли бы пользоваться теми же правами и занимать те же должности в Церкви, что и мужчины. Таковы некоторые примеры деятельности Конгрегации доктрины веры за последние двадцать лет. Они говорят сами за себя. Как выразился Ганс Кюнг:

«Кардинал Ратцингер боится. И, точно так же как и великий инквизитор Достоевского, он ничего не боится так, как свободы».

Великий инквизитор

Кардинал Йозеф Ратцингер – великий инквизитор наших дней, ныне действующий префект Конгрегации доктрины веры [63]. Он родился в Баварии в 1927 году, в 1954 году был посвящен в священнический сан. Служил во Фрейзинге, в Мюнхенской епархии, затем написал диссертацию о святом Августине, после чего читал лекции по теологии в нескольких университетах Германии – в Бонне, Мюнстере, Тюбингене и Регенсбурге. Присутствовал на II Ватиканском соборе и опубликовал целый ряд книг. В 1977 году папой Павлом VI был назначен кардиналом, затем архиепископом Мюнхена. В январе 1982 года папа Иоанн Павел II назначил его главой Конгрегации.

Кардинал Ратцингер является близким другом и доверенным лицом нынешнего папы [64]. По утверждениям, они встречаются для обсуждений каждую пятницу. В силу их отношений, равно как и в силу его должностного положения как префекта Конгрегации, кардинал является пресловутой «правой рукой» папы. Комментаторы неоднократно высказывали изумление и неодобрительные замечания по поводу реакционного характера современного папства, его страусовую склонность зарывать голову в песок и сознательно не замечать изменений, происходящих в окружающем мире. Эти характеристики обычно приписываются – и не без оснований – Иоанну Павлу II, однако их по крайней мере в такой же степени следует относить и на счет Ратцингера. Фактически он является «главным теологом» Ватикана и как таковой ответствен за многое, если не все, в политике Церкви. Как можно было ожидать от высокопоставленного прелата и бывшего профессора теологии, Ратцингер очень умен, пусть и не наделен особо богатым воображением. Он не косноязычен, зачастую даже красноречив. Его аргументы умелы, основательны, ясны, последовательны и – в рамках очерчиваемого ими понятийного круга – по-своему убедительны, пусть им и свойственны элементы софистики. Казуистические доводы редко подаются с такой изощренной утонченностью. В отличие от великого инквизитора Достоевского, Ратцингер не производит впечатление разочарованного и пресыщенного циника. Напротив, нет никакой причины сомневаться в искренности его заявлений, нет никакой причины сомневаться в том, что он глубоко и страстно верит в то, что говорит и делает. В действительности временами может даже показаться, что искренность и страстность его убеждений граничат с фанатизмом. Трудно не задаться вопросом: фанатизм в великом инквизиторе – это лучше или хуже, чем макиавеллистический цинизм? И то и другое одинаковым образом могут приводить к высокомерной безжалостности и бесчеловечной одержимости летящего снаряда. Ратцингера глубоко и искренне заботят и волнуют настоящее и

будущее Церкви. Он жаждет отвратить от Церкви целый ряд кризисов – веры, доктрины, нравственности, – которые, как он видит, ей угрожают. Он убежден, что Церковь должна быть избавлена от такого позора. Существовая в своей собственной недостижимой и разреженной атмосфере, Церковь должна быть застрахована и чиста от пятна и заблуждений «простых» человеческих институтов. Для Ратцингера Церковь вполне буквально представляет собой «мистическое тело Христа». Он отмечает всякое предположение о том, что она все-таки была создана человеком. Напротив, фундаментальные институты Церкви «завещаны самим Богом, а посему они незыблемы. За человеческим фасадом покоится тайна сверхчеловеческой реальности, на которую не имеют никакого права посягать реформаторы, социологи, общественные деятели». Столь велика вера Ратцингера в Церковь, что он, кажется, готов, когда необходимо, поставить ее выше Писания: «Группа людей не может просто так собраться вместе, прочитать Новый Завет и сказать: «Теперь мы Церковь, поскольку Господь присутствует там, где двое или трое собрались во имя его». Одной только веры для Ратцингера недостаточно. Кроме нее должна быть организация, структура, иерархия:

«Церковь подлинно присутствует во всех законно организованных местных группах верующих, которые, в той мере, в какой они едины со своими пасторами, называются церквями».

Само собой разумеется, конечно, что «законно организованные» в данном контексте означает созданные и направляемые Римом. Для верующих быть «единицами со своими пасторами» означает принятие причастия от священнослужителя авторизованной и правильной линии апостолической преемственности – священника, который был рукоположен епископом, пребывающим в согласии с апостолической линией наследования, идущей, согласно доктрине, от святого Петра. Святые Дары Церкви обладают легитимностью для Ратцингера в силу того, что передаются из рук в руки сквозь историю. Если эта цепочка прервана, то евхаристия более недействительна. То, что эта линия наследования в действительности часто прерывалась – а нередко также ломалась и искажалась, – для Ратцингера несущественно.

«Церковь – это не то, что можно создать, а только то, что можно получить оттуда, где она уже есть и где она подлинно есть – от священной общины тела (Христовой), которая проходит сквозь историю».

Вследствие этого в концепции Церкви Ратцингера не может быть места какому-либо индивидуальному переживанию сверхчувственного, какому-либо мистическому опыту или личному откровению. Действительно, Ратцингер заявляет недвусмысленно:

«Откровение закончилось с Иисусом Христом».

И далее:

«Откровение» завершено, но толкование, проясняющее его смысл, нет».

Толкование, разумеется, является исключительной прерогативой Церкви. Воспрещается пытаться дать свое толкование. Возбраняется думать. Нужно просто принимать толкование, предлагаемое теми, кто уполномочен это делать.

В этом убеждении коренится нетерпимость Ратцингера к критике или инакомыслию. «Даже в представлениях некоторых теологов, – с возмущением и скепсисом сетует он, – Церковь будто бы является человеческим сооружением». Он умудряется забыть, что Церковь в том виде, в каком она существует сегодня и существовала на протяжении истории, действительно является человеческим сооружением. Умудряется забыть, к примеру, что Никейский собор в 325 году н.э. проголосовал за

Божественность Иисуса большинством голосов – 217 против 3. Что за непогрешимость папы проголосовали в 1870 году – всего 535 иерархов из 1084 клириков, обладавших правом голоса. Безмятежно предав забвению эти факты, Ратцингер подчеркивает, что «власть не основывается на большинстве голосов». Она существует исключительно «властью Христа» – который сам никогда и не думал создавать Церковь, не говоря уже о догматах Рима. Без какого-либо намека на иронию Ратцингер настаивает, что «истина не может создаваться через голосования». Церковь даже не делает вид, что стремится к демократии. «В вопросах веры и морали нельзя руководствоваться решением большинства». На самом деле «даже экуменические соборы могут принимать решения по вопросам веры и морали только при условии нравственного единодушия, поскольку нельзя учредить истину путем решения, ее можно только признать и принять». С типичной софистичностью Ратцингер использует риторику для затемнения ключевых моментов. «Мы грешим, – заявляет он, – но Церковь, носитель веры, не грешит». Он не поясняет, как Церковь может оставаться безгрешной, проводя в жизнь решения грешных людей, которые их принимают. Неясно также, признает ли он, что Церковь, пусть и не способная грешить, может по крайней мере ошибаться, – впрочем, недавняя реабилитация таких исторических фигур, как Галилей, внушает мысль о готовности, хотя и неохотно, идти на подобную уступку. В таком случае может статься, что сотни тысяч тех, чьи тела были принудительно пожертвованы во имя предполагаемого спасения их души, будут сочтены всего лишь ошибкой или оплошностью.

Совершенно очевидно и широко признано, что Церковь выживала в трудные для нее моменты истории только благодаря готовности, пусть и дававшейся с трудом, меняться и приспособливаться к новым условиям. Только путем трансформации своих институтов, своей политики, своих учений, своего отношения к каждому новому поколению, к каждому новому веку она смогла просуществовать такой период времени и дожить до наших дней. Полностью игнорируя с высоты своего величия этот очевидный и простой факт, Ратцингер утверждает, что католическая доктрина в ее нынешнем виде «является вверенным нам посланием, и мы не имеем никакого права перестраивать ее по своему желанию или менять». Поэтому он не видит никакой пользы в экуменизме:

«Мы должны остерегаться неразборчивого экуменизма, который способен привести католические харизматические группы к потере своего истинного облика и, во имя «духа»... некритически связать их с формами пятидесятничества [65] не католического происхождения».

Ратцингер упорно запрещает католикам причащаться в каких-либо других христианских церквях: «Католическое вероисповедание состоит в том, что без апостолической преемственности нет подлинных священнослужителей, а значит, не может быть никакой священной евхаристии как таковой».

Если кардинал питает враждебность к другим христианским конфессиям, то он положительно встревожен распространением интереса к другим религиям и другим сферам духовного познания. Эту тревогу он озвучил в интервью, в котором с негодованием заявил:

«Посетив католический книжный магазин... я заметил, что духовные трактаты прошлого заменены на многочисленные руководства по психоанализу... Во многих домах верующих людей (как мужчин, так и женщин) крест подчас уступает свое место символам восточных религиозных традиций. В некоторых местах на смену прежнему благочестию пришли увлечения йогой или дзен-буддизмом».

В том же духе Ратцингер сетует на «чрезмерный сдвиг акцента в сторону нехристианских религий», которые он характеризует как «царства страха и несвободы», как будто Церковь никогда не насаждала ни того ни другого. Согласно уходящим в Средневековье догматическим представлениям кардинала, в подлунном царстве Бога нет места иудаизму, исламу, индуизму, буддизму или другим подобным религиям. Есть только Церковь Рима, единственное истинное живое воплощение Бога. Все остальное либо неведение – состояние «пребывающего во мраке язычника» других вероисповеданий, – либо ересь. В современном каноническом праве ересь, по-прежнему рассматриваемая как источник зла, определяется как «упорное отрицание или оспаривание, после крещения, истины, которую должна исповедовать божественная католическая вера». В этом смысле все формы протестантизма следовало бы квалифицировать как ересь. Для сегодняшних католиков, по убеждению Ратцингера, одной из самых насущных задач является сдерживание наступления разбушевавшегося современного мира. В августе 1984 года в беседе с журналистом он заявил: «Я убежден, что тот урон, который мы понесли в последние двадцать лет, есть следствие... разнузданности внутри Церкви скрытых полемичных и центробежных сил, а вне Церкви является следствием конфронтации с культурной революцией на Западе».

И далее:

«Среди наиболее настоятельных задач, стоящих перед Церковью, – задача восстановления такого качества, как нонконформизм, т. е. способности противодействовать многочисленным направлениям окружающей культуры».

Необычна готовность кардинала предложить, без какой-либо тени иронии, столь нестандартное определение «нонконформизма». Если воспользоваться предложенным им определением, то бунтарство, которое заставило молодых людей шестидесятых отвернуться от христианства и обратиться к психологии, восточной философии и так называемой «эзотерической» традиции, должно было быть классифицировано как «конформизм». Переосмысленное определение «нонконформизма» не означает ничего другого, кроме принятия Церкви Рима.

Почитание Марии

Папа Иоанн Павел II охотно создает новых святых. Дабы оправдать создание новых святых, он желает больше чудес. Чтобы ускорить весь процесс, папа изменил правила. Теперь человек, дабы претендовать на причисление к лику святых, должен совершить не два, как раньше, а всего одно чудо.

Всем кандидатам на ранг святых, по крайней мере с 1940 года, должен выдаваться сертификат духовной чистоты, письменное уведомление о том, что в архивах Ватикана не существует «ничего предосудительного» о них. Досье, содержащие все важные материалы по таким вопросам, ведутся Конгрегацией доктрины веры. Это едва ли удивительно. Где еще, как не в архивах бывшей инквизиции, стали бы выискивать «семейные скелеты» и «семейные драгоценности»? В одном из случаев процесс канонизации был грубо свернут, когда обнаружилось, что кандидат не вполне обладает теми моральными качествами, которые обычно ассоциируются со святостью.

Неопровержимые доказательства говорили о том, что он имел явно выраженные педофильские наклонности.

Строго говоря, оценивание кандидатов на роль святых не входит в обязанности Конгрегации доктрины веры, а является прерогативой другого департамента – Конгрегации по делам святых. Да и

Конгрегация Ратцингера обычно не обременяет себя расследованием и удостоверением подлинности чудес. Но явления Девы Марии и связанные с нею чудеса представляют особый интерес для кардинала и его Конгрегации. И в самом деле, одно из подразделений Конгрегации занимается исключительно оценкой достоверности – или недостоверности – явлений и чудес Богородицы. В этом одно из немногих по-настоящему здравых и психологически прозорливых воззрений Ратцингера – он считает Мадонну столь же необходимой для выживания Церкви. В его глазах почитание Девы Марии является крайне важным моментом. Без культа Богородицы Церковь неполна. Она нужна для «равновесия и полноты католической веры». Она обеспечивает Риму «правильное отношение, необходимое звено между Писанием и преданием». Кардинал дает подробное толкование этого вопроса:

«Правильное почитание Девы Марии гарантирует вере сосуществование необходимых «разумных доводов» с равно необходимыми «доводами сердца»... Для Церкви человек не является ни только рассуждающим, ни только чувствующим, он – единство этих двух сторон. Голова должна мыслить ясно, а сердце должно быть способно чувствовать пыл: почитание Девы Марии... это дает вере ее подлинно человеческое измерение».

Для Ратцингера Дева Мария является также важным связующим звеном между Ветхим и Новым Заветами, древними и новыми заповедями.

«Опять же в Марии, как индивидуальной фигуре и архетипе, Церковь обретает свой собственный лик Матери и не может выродиться в подобие партии, организации или группы лоббирования на службе человеческих интересов».

В своем признании Марии – или «женского принципа» – Ратцингер вроде как соглашается в виде исключения со сложными и изощренными психологическими представлениями нашего времени. Да, возможно, Мадонна представляет собой слишком идеализированный, слишком далекий от человеческой реальности образ женского начала. Но она все-таки женский образ; и принятие ее Ратцингером в качестве принципа или пути к интеграции сродни утверждениям К. Г. Юнга [66], а также откровениям мистиков, визионеров и художников разных столетий. Кардинал несомненно не одобрил бы, к примеру, языческого пантеизма Гете, однако женское начало, которое он восхваляет в образе Мадонны, находится не в таком уж и дальнем родстве с «Ewig-Weibliche», «Вечной Женственностью» Гете, которая ведет человечество «в незримые дали». К сожалению, однако, признание женского начала в Марии Ратцингером не распространяется на других женщин – на смертных женщин, обитающих в материальном и феноменальном мире. Непогрешимым декретом папы они по-прежнему лишены возможности занимать духовные должности. И, как и средневековая инквизиция, Конгрегация доктрины веры относится к ним – явно или неявно – с подозрением. Невозможно на страницах этой книги во всей полноте рассмотреть историю отношения Церкви к женщинам. Полки библиотек и магазинов заполнены многочисленными томами, иллюстрирующими все то, что приходилось на протяжении многих столетий терпеть женщинам под властью Рима. Женщина была обесценена, «женский принцип» оклеветан и искажен. На протяжении немалой части своего существования как института Церковь даже не была готова допустить, что женщины обладают душой. Конечно, отношения и представления в целом в обществе постепенно меняются. Даже Церковь не может полностью отгородиться от всех этих перемен. Так, например, священник Тисса Баласурия заявлял, что священнослужительство «является духовной, а не биологической

функцией». В 1990 году отец Баласурия писал:

«Нет никакой причины – биологической, психологической, священнической, теологической или духовной, – почему мы не можем иметь женщину-папу с желтым, коричневым, черным или белым цветом кожи».

Однако не на взгляд кардинала Ратцингера и Конгрегации доктрины веры. В 1996 году Конгрегация официально постановила, что «запрет папы на посвящение в духовный сан женщин является непогрешимой частью католической доктрины и не может подвергаться обсуждению или изменению». Год спустя отец Баласурия был отлучен от Церкви. Мало сказать, что Ратцингер и Конгрегация доктрины веры не испытывают энтузиазма в отношении феминизма. «Я в самом деле убежден, – заявляет кардинал, – что то, за что ратует феминизм в его радикальной форме, больше не является христианством, как мы его знаем; это какая-то другая религия». Подобный феминизм «провозглашает освобождение, отличающееся от спасения христианской концепции, если не противоположное ему». Любопытен сам пафос этой фразеологии. Феминизм ставится в такое отношение к Церкви, которое являет собой не просто расхождение, а прямой антагонизм. В этом смысле можно было бы сказать, что Ратцингер рассматривает его почти как дьявольское проявление. Во всяком случае, он глубоко обеспокоен заражением феминизмом монастырей, особенно в Северной Америке. «Некоторые, – сетует он, – с большой доверчивостью обращаются к тем мирским исповедникам, к тем «знатокам души», которыми якобы являются психологи и психоаналитики». Давно подмечено, что политики выбирают себе странных союзников. То же самое и с религиозным догматизмом. Непримируемость Церкви в ее отношении к женщинам привела ее к немыслимому союзу с одним из своих традиционных и самых заклятых врагов – исламским фундаментализмом. В прошлом каждый из них считал другого сущим воплощением дьявола. Каждый из них, впрочем, готов «ужинать со своим дьяволом», лишь бы удерживать женщин на отведенном для них месте. В своей совместной вражде по отношению к женщинам католицизм и исламский фундаментализм тем самым, как это ни парадоксально, делают общее дело. Действуя заодно, они стремятся определять отношение и политику по таким вопросам, как контроль за рождаемостью и аборт.

В сентябре 1994 года в Каире прошла конференция Организации Объединенных Наций – Конференция по проблемам населения и развития. В ее задачу входило исследование методов стабилизации, если не сокращения, населения земного шара и контроля его роста с помощью «планирования семьи», особенно в странах «третьего мира». Среди также рассматривавшихся на конференции вопросов были аборт и меры по ограничению количества случаев заболеваемости СПИДом и негативных последствий перенаселенности городов. Всего на конференции присутствовали представители 171 страны.

Для Ватикана, разумеется, как и для некоторых исламских течений, аборт и «планирование семьи» – то есть искусственная контрацепция – были анафемой. В течение нескольких недель, предшествовавших открытию конференции, ходили упорные слухи о создании тайного альянса между некоторыми мусульманскими течениями и Римом. В августе в прессе прошли сообщения о папских миссиях в Тегеране и Триполи. Но никаких доказательств секретного договора не было, пока не начала свою работу конференция. Только тогда одной итальянской газете удалось раздобыть трехстраничный документ на арабском языке, который служил подтверждением того, что тремя месяцами раньше, в июне, в Ватикане состоялась встреча между церковными функционерами и

мусульманскими представителями. На ней было подписано соглашение, по которому стороны договаривались придерживаться совместной стратегии, направленной на противодействие предполагаемым мерам ООН по контролю за ростом населения земли.

На конференции Ватикан и его исламские союзники отказывались дискутировать по проблеме контроля за рождаемостью и фактически саботировали обсуждения. Все другие участники были готовы идти на компромиссы и делать уступки – например, были готовы принять декларацию о том, что аборт никогда не должен рассматриваться как средство контроля за рождаемостью. Для делегации Ватикана и его союзников этого было недостаточно. После нескольких дней бесплодной работы дебаты приняли ожесточенный характер, и стали разгораться страсти. Британия, Соединенные Штаты и Европейский союз были выведены из себя поведением Рима. Глава британской делегации баронесса Чолкер охарактеризовала позицию Ватикана как «полностью тупиковую». Даже редактор британской католической газеты «Тэблит» выражал возмущение: «Если Святой престол прислал своих представителей в Каир не для того, чтобы вести переговоры, – вопрошал он, – то для чего он тогда принял участие в конференции?»

Он приходил к выводу, что это было сделано по другой причине. Какова же была эта «скрытая цель»? Редактор газеты сам же и отвечал на свой вопрос:

«Конфликт в Каире – это не просто конфликт по вопросам сексуальной этики. Это конфликт из-за западных ценностей, в особенности ценностей европейского Просвещения. Доктринальный цензор Иоанна Павла II кардинал Ратцингер ясно выразил свое отношение к Просвещению».

К концу конференции Ватикан перешел границы благоразумия и спровоцировал вопросы относительно легитимности его собственного участия в конференции. В конце концов, юридически говоря, делегация Церкви присутствовала на правах представителей не религии, а суверенного государства. Другие страны начали жаловаться на чрезмерное и не соответствующее ее статусу влияние делегации. По словам «Таймс», они также начали «задаваться вопросом, почему это одна религия должна иметь представительский статус на конференции, а ислам, буддизм и другие религии нет». Неявным образом в этих вопросах присутствовал и еще один вопрос. Должен ли Ватикан продолжать пользоваться статусом суверенного государства? В конечном счете, делала вывод «Таймс», «Ватикан оказался главным проигравшим на конференции, забывшись настолько... что вызвал гнев большинства делегаций третьего мира», равно как и представителей развитого Запада. В сентябре 1992 года был опубликован окончательный вариант нового «Вселенского катехизиса». Публичная и частная критика в адрес чернового варианта была полностью проигнорирована, и не было сделано никаких уступок. Новый «Катехизис», столь откровенно не учитывающий требований современного мира, неизбежно вызвал возмущение и возражения. Епископы по всему миру и в особенности в странах развитого Запада выразили свою глубокую обеспокоенность. В Англии «Обсервер» так прокомментировал ситуацию: папа с помощью кардинала Ратцингера «впервые связал контроль за рождаемостью и сексуальное воспитание с догматами католической доктрины». Личной морали больше не позволялось быть личной. Теперь она нерасторжимо увязывалась с теологией и объединялась с верой. Совершать проступки в сексуальных вопросах – означало подвергать опасности самый свой статус причащенного члена Римско-католической церкви. Последующие заявления со стороны как папства, так и Конгрегации доктрины веры становились только более доктринерскими, более непримиримыми, более высокомерно безразличными к

человеческим нуждам, бедам и чаяниям. В 1994 году, например, папа Иоанн Павел II выпустил апостолическое письмо, которое решительно запрещало рукоположение женщин в священнический сан. Позже Конгрегация доктрины веры заявила, что высказанное папой по этому вопросу должно рассматриваться как «доктринально непогрешимое утверждение». Летом 1998 года папа издал новый эдикт, который сопровождался комментарием со стороны Конгрегации доктрины веры. Эдикт требовал полного и абсолютного следования официальной позиции папства по таким вопросам, как контроль рождаемости, аборт, внебрачные сексуальные отношения и рукоположение женщин в священнический сан. Открыто запрещалось изменять якобы «сделанному Христом выбору» в пользу священнослужителей только мужского пола. Несогласие с предписаниями Церкви, по этому или какому-либо другому вопросу, надлежало официально рассматривать как ересь и наказывать путем отлучения от Церкви. В комментарии Конгрегации доктрины веры подчеркивался «окончательный» характер утверждений папы, которые должны были безоговорочно приниматься всеми католиками. Папская непогрешимость была облечена новым и подкрепленным авторитетом, который воспрещал какие-либо дебаты по вопросам как морали, так и теологии. Инакомыслие и ересь были теперь фактически синонимами.

По словам «Дейли телеграф»:

«Бытует мнение, что папа, напуганный ростом либеральных движений, пожелал закрыть лазейку в каноническом праве, которая позволяла преподавателям высказываться против моральных доктрин Церкви».

И далее:

«Цель в том, чтобы погасить активность либеральных движений и одернуть растущее число католиков, которые не считают себя обязанными во всем подчиняться учениям Церкви».

«Нью-Йорк таймс» охарактеризовал эдикт папы как «еще один яркий пример тому, что на закате своего папства Иоанн Павел II... пытается сделать свои решения необратимыми». В сущности говоря, будущие понтифики будут связаны по рукам и ногам непогрешимым характером недавних апостолических постановлений, а реформа Церкви в двадцать первом веке будет в лучшем случае отсрочена на неопределенное время, если не полностью похоронена. Есть ирония в том, что в своем желании подчинить Церковь авторитарной дисциплине папа, кардинал Ратцингер и Конгрегация доктрины веры сами же нарушили положения своего собственного Кодекса канонического права. Согласно 212-му канону:

«Верующие во Христе... имеют право, в некоторых случаях это даже является их долгом... доводить до сведения своих святых пастырей свои взгляды на вопросы, которые касаются блага Церкви. Они также имеют право доводить свои взгляды до сведения других верующих во Христе».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВИДЕНИЯ МАРИИ

Вследствие своей непримиримости и своего догматизма Церковь переживает в настоящее время один из самых тяжелых кризисов в своей истории – возможно, самый тяжелый со времен Реформации Лютера. На развитом Западе, прежде являвшемся ее оплотом, она сталкивается с пугающим ренегатством среди своей паствы. Люди покидают Римско-католическую церковь целыми группами. К концу 1980-х годов в Соединенных Штатах была закрыта почти половина семинарий, число вновь рукоположенных составило менее трети от их количества в 1967 году, число

священников с 12 тысяч в 1962 году сократилось до 7 тысяч. Теперь, десятилетие спустя, ситуация ухудшилась драматическим образом. В Англии число прихожан снизилось на четверть миллиона. Если учесть темпы перехода в другую веру, о которых сообщил епископ Хексема и Ньюкасла, то к 2028 году в его епархии вовсе не останется католиков. В Ирландии, традиционно бывшей цитаделью католицизма на Британских островах, количество священнослужителей с 1970 года сократилось к 1998 году наполовину. Количество монахинь сократилось с 18 600 до менее чем 7500. Количество поступающих в семинарии исчисляется единицами. Можно также говорить об увеличении количества случаев, когда священники привлекаются к ответственности за гражданские преступления, такие, как растление несовершеннолетних; понятно, что это мало способствует восстановлению доверия к Церкви. Например, в Австрии в совершении подобного преступления был обвинен кардинал Гроер, бывший архиепископ Вены. В Ирландии в период между 1980 и 1998 годами за преступления, связанные с сексуальным насилием, были привлечены к ответственности двадцать три представителя католического духовенства, а еще пятнадцать дел в настоящее время разбираются в судах. Потому вряд ли удивительно, что во многих бывших оплотах Церкви такими темпами идет процесс секуляризации. В довершение ко всему, с распространением образования все большее число людей готовы задавать вопросы, отчего запрет, налагаемый Церковью на подобное «инакомыслие», начинает казаться все более авторитарным и тираническим и все больше ведет к отчуждению. Так, к примеру, в Австрии возникло движение, известное как «Мы – Церковь», которое быстро приобрело международный размах и теперь насчитывает в своих рядах более полумиллиона членов, по-прежнему считающих себя правоверными католиками. Но, как предполагает название их движения, они утверждают, что именно они и миллионы других католиков по всему миру образуют подлинную Церковь, а не окостенелая иерархия, базирующаяся в Риме. Церковь, настаивают они, является их Церковью, а не папы или курии. Они выступают против централизации папства и не желают видеть в понтифике больше, чем епископа Рима, возможно, с символическим по большей части статусом конституционного монарха. Сознательно не замечая подобных тенденций, папа Иоанн Павел II, кардинал Ратцингер и Конгрегация доктрины веры остаются непреклонными в своей, укрепленной запретами, позиции. Некоторые комментаторы высказали мысль, что Церковь фактически «списала» развитый Запад как безнадежное дело – особенно после того как крушение коммунизма в Восточной Европе оставило Рим без врага, прежде выступавшего в роли Антихриста. Те же комментаторы предположили, что теперь Церковь, вероятно, пытается установить совершенно новый центр власти в слаборазвитых странах так называемого третьего мира – в Африке, Азии и Южной Америке. И есть бесспорные доказательства, чтобы предполагать существование подобного циничного замысла. Рим терпеливо собирает и концентрирует ресурсы в тех регионах земного шара, где бедность, лишения, плохие условия жизни и общий недостаток образования обеспечивают плодородную почву для веры.

Как уже было замечено, папа, кардинал Ратцингер и Конгрегация доктрины веры отводят особое и высокое место Деве Марии. В усилиях, направленных на установление Церкви за пределами развитого Запада, существенную роль играют явления, видения или чудесные манифестации Божьей Матери. Когда в 1950 году было официально провозглашен догмат о телесном вознесении Марии, К. Г. Юнг заметил, что она была «поднята до положения Божества». Именно в этой венценосной ипостаси ее якобы видят со все возрастающей частотой в Египте, в других частях Африки, во

Вьетнаме, на Филиппинах, в Мексике, в разных частях бывшей Югославии, даже в Российской Федерации, где Рим столетиями пытался установить верховенство над Православной церковью и где, в условиях общего кризиса, наступившего после распада Советского Союза, глубокая духовная потребность создала настоящий рай для прозелитизма всевозможного толка. Все большее число верующих сегодня совершают паломничества к местам, которые связаны с именем Марии, – нередко не только к новым святыням, но и к древним тоже. Но если Мария ассоциируется с обращением и объединением новых групп верующих, она также, судя по всему, является – для Ратцингера и Конгрегации доктрины веры, а также для самого папы Иоанна Павла II, – провозвестником куда более смущающих метаморфоз. Согласно некоторым отчетам, явления Богоматери якобы предвещают грядущий конец мира. Согласно другим источникам, подобные манифестации служат якобы предзнаменованием конца Римско-католической церкви или в лучшем случае папства. Эти слухи порождаются по большей части той завесой тайны, которой окутано зловещее «третье фатимское пророчество».

Фатимские тайны

В мае 1916 года западная цивилизация занималась, казалось, тем, что пыталась разорвать себя на куски. С февраля германская и французская армии изничтожали друг друга под Верденом в сражении, которое унесет в конце концов свыше миллиона жизней. На реке Сомме британская армия собиралась с силами для еще более кровавой бойни. Португалия, впрочем, была тихой заводью, не затронутой подобными драматическими событиями. Около деревушки Фатима юная пастушка Лусиа дос Сантос резвилась со своими приятелями на отдаленном холме, когда, как она впоследствии свидетельствовала, по зарослям деревьев пробежал ветер и в глубинах листвы засиял чистый белый свет. Свет, по ее рассказу, сгустился в форму прозрачного юноши, который приблизился к детям, назвал себя «Ангелом Мира» и призвал их помолиться с ним. Летом Лусиа, на это раз в компании двух своих более юных родственников, якобы снова наблюдала видение. Осенью «ангел» явился ей еще раз, держа чашу, в которую из гостии сверху стекала кровь. «Ангел» положил кровотокающую гостию на язык Лусии, а затем, после молитвы, исчез. На том же месте год спустя – 13 мая 1917 года – Лусии, которой было тогда 10 лет, ее двоюродным сестре и брату, девяти и семи лет соответственно, явилось еще одно видение. На этот раз оно приняло форму, говоря словами Лусии, «девы, облаченной во все белое», которая казалась «более ослепительной, чем солнце», от которой «исходили лучи света». Она была юной, примерно шестнадцати лет, и держала в руках четки из белых бусин. «Я пришла с небес», – якобы сказала она детям. Когда Лусиа спросила, зачем она явилась им, она ответила, что прибыла, чтобы просить их приходиться на тот же самый холм в течение шести месяцев каждое 13-е число. После этого она пообещала назвать себя. Лусиа с братом и сестрой выполняли полученные ими указания, приходя на холм тринадцатого числа в течение следующих шести месяцев. Видение всегда являлось в указанный день, сопровождаемое тремя вспышками света, а однажды «светящимся шаром», затем исчезало среди раскатов грома. Неудивительно, что поздние комментаторы поспешили подчеркнуть параллели между видениями детей и показаниями свидетелей феноменов, ассоциирующихся с так называемыми НЛО. В то время многие люди скептически отнеслись к рассказам детей, а местный епископ отказался им поверить. Местное население, напротив, верило в подлинность того, что рассказывали дети, и вот в назначенный день последнего явления – 13 октября 1917 года – со всей Португалии собралась толпа из около 70 тысяч

паломников. Ночью 12-го числа прошел чудовищный ураган. В урочное время в полдень 13-го числа Лусиа с братом и сестрой поднялась на привычный холм. Согласно свидетельствам Лусии, облака расступились, и снова явилась женщина ее прежних видений. Сразу же после этого, по словам независимого очевидца:

«Дождь внезапно прекратился, и сквозь просвет в облаках показалось солнце, подобное серебристому диску. Затем оно, казалось, стало вращаться, потом остановилось, затем снова стало вращаться, испуская лучи самых разных цветов. После этого оно словно приблизилось к земле, излучая красный свет и сильное тепло. Толпе показалось, что настал конец света, и ее охватила паника, затем неопишное благоговение».

Когда солнце приняло свое привычное положение, толпа пришла в себя от испытанного ужаса. За происходившим, что бы это ни было, наблюдали около 70 тысяч человек, к тому же имелись сообщения о необычных солнечных явлениях за сорок километров от этого места. За исключением троих детей, однако, никто, похоже, не увидел ничего необычного на вершине холма. Рассказы детей о своем видении существенно различались. Лусиа позже утверждала, что якобы видела женщину своих прежних видений сначала в образе «Скорбящей Богоматери», затем в образе «Кармельской Девы» [67]. Она также утверждала, что якобы видела святого Иосифа с младенцем Иисусом на руках, а, по-видимому, в какой-то момент после этого «Господа Нашего», благословляющего собравшуюся толпу. Ее кузина утверждала, что якобы видела Иисуса ребенком, стоящим рядом со святым Иосифом. Младший из трех детей, маленький мальчик, ничего не сказал в то время. Спустя несколько дней он сказал, что не видел «двух Мадонн» и «Господа Нашего», совершающего благословение. Он видел, по его словам, только святого Иосифа и ребенка Иисуса.

Двоюродный брат Лусии умер в 1919 году, сестра – в 1920 году. Сама Лусиа, бывшая неграмотной в то время, когда ее посещали видения, поступила в 1921 году в пансион и получила начатки образования. Впоследствии она стала монахиней-кармелиткой. В 1936-1937 годах она попыталась описать свои видения. Являвшаяся ей женщина, по ее словам, была «вся соткана из света», волны которого находили друг на друга. Она описывала вуаль и одеяние женщины как волны бегущего света, лицо женщины – скорее как свет, нежели плоть, – как «carnea luz», или «телесный свет». Женщина называла себя «Девой Розария» [68], что для верующих Римско-католической церкви синонимично Пресвятой Деве Марии. Несколько преждевременно она объявила об окончании войны. На самом деле на западном фронте только началось кровопролитное наступление британской армии под Ипром и еще должен был последовать главный удар германской армии в 1918 году. Через неделю после видения Лусии австро-германские войска на итальянском фронте начнут свое массированное наступление на Капоретто, а в России полным ходом шла революция, за которой последуют четыре года братоубийственной гражданской войны. В 1941-1942 годах, когда мир снова был охвачен войной, Лусиа составила второе описание своего видения в 1917 году. Она впервые заявляла, что видение в Фатиме явило ей три тайных послания – или, точнее говоря, одно тайное послание в трех частях. Она обнаружит две первые части послания, но не третью. Первая часть состояла, по всей видимости, из видения ада – вполне соответствующего состоянию мира в октябре 1917 года, равно как и в зиму 1941/42 года. Согласно второй части, мир на земле наступит в том случае, если в начале каждого месяца будет служить специальная литургия и если папа и все католические епископы посвятят Россию Непорочному Сердцу [69] и обратят страну в веру.

Поскольку послание якобы датировалось осенью 1917 года, то не ясно, нужно ли было обращаться Россию из православной веры или же из большевистского атеизма. Третья часть послания, по заявлению Лусии, слишком ужасна, чтобы ее раскрывать.

Епископ Лейрии [70] боялся, что Лусиа может умереть, прежде чем откроет целиком доверенное ей послание. По его инициативе местный священник убедил ее записать зловещую третью часть послания. 2 января 1944 года она принялась записывать его, на что ей потребовалась целая неделя. Затем она положила написанное в конверт и запечатала его сургучом. После чего конверт был отослан епископу Лейрии, который получил его 17 июня. Не осмелившись прочитать его лично, он предложил его Священной канцелярии. Там по непонятной причине отказались его принять. Епископ вложил конверт Лусии в другой конверт и распорядился, чтобы после его смерти конверт доставили кардиналу Лиссабона. По настоянию Лусии он пообещал, что послание будет открыто миру в 1960 году либо по ее смерти, если это случится до указанной даты.

В 1957 году, когда Лусиа была еще жива, Священная канцелярия резко изменила свое решение и без объяснений потребовала, чтобы ей передали конверт, содержащий послание. При этом не было дано никаких пояснений, кто принял такое решение или почему. В марте конверт был передан папскому нунцию в Лиссабоне, который переслал его в Рим. Поднеся конверт к свету, епископ, которому было поручено доставить его по назначению, мог разглядеть небольшой листок бумаги. Послание, каким бы зловещим пророчеством оно ни было и несмотря на то, что на его запись Лусии понадобилась неделя, состояло не более чем из двадцати пяти строк.

16 апреля 1957 года конверт был получен Ватиканом, и папа Пий XII поместил его в свой личный архив, по-видимому, не прочитав. Согласно кардиналу Оттавиани, префекту Священной канцелярии при папе Иоанне XXIII, конверт все еще был запечатан, когда папа Иоанн вскрыл его в 1959 году, на следующий год после своего избрания понтификом. Кардинал Оттавиани позже и сам прочитал находившийся в нем текст. 8 февраля 1960 года было объявлено, что обнародование «третьего фатимского пророчества» откладывается на неопределенное время. До самой своей смерти в 1963 году папа Иоанн XXIII хранил послание Лусии в ящике своего письменного стола. Сразу же после своего избрания на престол папа Павел VI потребовал письмо. Он прочитал его, но отказался говорить о нем. 11 февраля 1967 года кардинал Оттавиани вновь повторил ранее объявленное решение Ватикана. Текст Лусии не будет обнародован.

Пророчество останется тайной. 13 октября того же года – в пятидесятую годовщину видения Лусии – папа Павел VI посетил Фатиму, где за прошедшие до этого полвека были воздвигнуты усыпальница и базилика. Перед миллионной толпой паломников папа совершил публичную мессу и помолился о мире на земле. 13 мая 1981 года – в шестьдесят пятую годовщину первого видения Лусии – папа Иоанн Павел II, во время посещения Португалии, был ранен пулей в результате неудавшегося покушения на него. Сразу же после этого инцидента он тоже прочитал послание Лусии, по всей видимости, воспользовавшись помощью португальского переводчика для уточнения некоторых деталей. Кардинал Ратцингер прочитал его также. Год спустя – 13 мая 1982 года – папа приехал в Фатиму, чтобы поблагодарить Богоматерь, «чья рука чудесным образом отвела пулю». В 1984 году итальянский журналист Витторио Мессори получил возможность взять большое интервью у Ратцингера, в ходе которого он настойчиво пытался расспросить кардинала о «третьем фатимском пророчестве». Когда он спросил Ратцингера о том, читал ли он послание Лусии, тот ответил

односложно, что читал. Почему оно не будет опубликовано? Оно содержит какое-то ужасное предсказание? Ратцингер ответил уклончиво:

«Даже если бы это было так... оно, в конце концов, только подтвердило бы уже известную часть фатимского послания. В этом местечке было дано строгое предупреждение, которое направлено против легкомысленного отношения к жизни, является призывом серьезно воспринимать жизнь, историю, опасности, угрожающие человечеству».

Значит, настаивал синьор Мессори, послание не будет обнародовано? На этот раз Ратцингер ответил несколько более определенно:

«Священная канцелярия полагает, что оно ничего не прибавит к тому, что христианин должен знать из откровения, а также из явлений Марии, одобренных Церковью в их известном содержании, которые только снова подтвердили насущность епитимьи, обращения в веру, прощения, поста. Обнародование «третьего пророчества» означало бы подвергнуть Церковь опасности, сопряженной с сенсационностью, вольным трактованием содержания».

Когда его настойчиво спросили о возможном политическом аспекте «пророчества» – например, его возможного касательства к тогдашнему Советскому Союзу, – Ратцингер ответил, что он не уполномочен обсуждать эту тему, и наотрез отказался говорить об этом дальше. В другом месте, однако, он заявил, что «одним из признаков нашего времени является то, что утверждения о «явлениях Марии» множатся по всему миру. Например, в отдел Конгрегации, который уполномочен этим заниматься, приходят сообщения из Африки и других континентов». И он сообразовал дать нечто вроде официального пояснения:

«Правильная оценка таких посланий, как фатимское, может служить одной формой нашего ответа: Церковь, прислушиваясь к посланию Христа, передаваемому через Марию нашему времени, чувствует угрозу для всех людей и каждого человека в отдельности и отвечает решительным обращением и епитимьей».

В целом ряде своих заявлений папа Иоанн Павел II высказался в том же мрачном ключе, что и кардинал Ратцингер. Во время своего посещения места видения Лусии в 1982 году он заявил, что «фатимское послание Марии еще значимее для мира, чем шестьдесят пять лет тому назад. Оно звучит еще более грозным предупреждением для мира». Полтора года спустя – в декабре 1983 года – папа сказал:

«Именно в конце второго тысячелетия на горизонте всего человечества собираются мрачные и грозные тучи, и тьма нисходит на души людей».

В своей книге «В преддверии надежды» Иоанн Павел написал, что «Мария явилась троим детям из Фатимы в Португалии и сказала им слова, которые теперь, в конце этого столетия, кажутся близкими к своему исполнению». В католическом журнале были приведены его слова, в которых он якобы предупреждал, что явления Марии по всему миру представляют собой – «Знак времен... ужасных времен». Что касается скрытой от мира части послания Лусии, сообщают, что папа беспокоится из-за него «ежедневно». Нет недостатка в спекуляциях по поводу «третьего фатимского пророчества». В некоторых кругах, имеющих более крайние воззрения, ходят разговоры, что оно предсказывает якобы, что дьявол или, быть может, Антихрист узурпирует власть папства. Другие комментаторы предлагают не столь апокалиптические интерпретации – общий упадок веры, или упадок веры только среди католического духовенства, или конец папства, или просто внутренний конфликт в

Церкви. Незадолго до своей смерти в 1981 году отец Иоаким Алонсо, признанный эксперт по фатимским тайнам, много раз встречавшийся и разговаривавший с Лусией, писал:

«Очень вероятно, следовательно, что текст третьего пророчества является конкретным указанием на кризис веры внутри Церкви и нерадивость самих пастырей... внутренние конфликты в лоне самой Церкви и вопиющую пастырскую нерадивость со стороны высших иерархов... пороки высшего церковного духовенства».

В силу их значимости для кардинала Ратцингера и последних пап и в силу тайны (а подчас и откровенной мистификации), связанной с ними, фатимские видения занимают особое, даже священное, место в некоторых анклавах сегодняшней Церкви. Но Церковь по-прежнему тщится изображать прочность и безмятежность, по-прежнему тщится соответствовать образу ковчега, бороздящего море времени; и это, как правило, затушевывает тот факт, что католицизм подвержен своим собственным формам апокалиптического фундаментализма, которые нередко столь же крайние, как и те, что обнаруживаются во многих независимых фундаменталистских сектах. Как и подобные секты, течения внутри Церкви становятся жертвами апокалиптических страхов и убеждения, что настали «последние времена» или «последние дни». Это ощущение надвигающегося Страшного суда пронизывает многие периферийные произведения благочестивой католической литературы – и точно так же явления Богоматери, играющей роль провозвестника. В действительности подобная литература нередко балансирует на грани ереси, на грани создания культа новой богини. Граница, отделяющая культ Царицы Небесной от полноценного культа матери-богини древности, нередко может стираться.

Именно в такой контекст следует ставить явления Девы Марии в Фатиме. Видения в Фатиме не были единственными в своем роде, не являлись изолированными феноменами. Напротив, они вполне соответствуют модели, восходящей по меньшей мере к девятнадцатому столетию. Начиная с 1830 года, почти за девяносто лет до видений Лусии в Фатиме, Богоматерь неизменно делает политические предсказания, отягощенные зловещими апокалиптическими предупреждениями.

В Париже на Рю де Бак вечером 18 июля 1830 года монахиня Катрин Лабуре была разбужена видением дитя, примерно пяти лет, одетого в белое. По ее словам, дитя повело ее в монастырскую часовню, где ей было сказано: «Тебя ждет Пресвятая Дева Мария». В это первое явление совет Богоматери был всецело личного плана и имел целью просто помочь Катрин в ее послушничестве. Несколькими месяцами позже, впрочем, Пресвятая Дева предстала перед ней вновь, на этот раз с потоками света, исходящими из ее ладоней. Она явила монахине видение двух сердец – сердце Иисуса, истыканное шипами, и свое собственное сердце, проткнутое мечом, что символизировало ее страдания, – и попросила Катрин отчеканить медаль, которая запечатлела бы это событие. Медаль впоследствии стала известна как «орден Непорочного Зачатия». И в это свое явление Пресвятая Дева также сооблаговолила дать комментарий по поводу борьбы, которая происходила в то время между добродетелью и пороком в мире вообще. Настали дурные времена, заявила она. На Францию обрушатся многие невзгоды и беды. Престол будет осквернен. В мире будет царствовать всевозможное зло. Современные католические комментаторы апокалиптического толка усматривают в явлении на Рю де Бак определяющий момент. Пресвятая Дева, считают они, пришла предупредить мир о том, что с этого времени «зло» будет представляться человечеству «добром» и свергнет божественный порядок путем обмана. Согласно одному писателю, «зло будет восхваляться как

современное «добро» – в форме всякого либерализма, – и Бог будет побежден. Небольшие семена оккультизма, споры некоторых тайных обществ вроде масонства разрастутся в конечном итоге в огромный лес, меняя ландшафт политики и человеческой мысли».

Такая оценка, безусловно, снискала бы одобрение папы Пия IX. Вполне вероятно, что она также прельщает кардинала Ратцингера. 19 сентября 1846 года двое крестьянских детей – Мелани Матье, четырнадцати лет, и Максимилиан Жиро, одиннадцати лет, – пасли овец на лугу на вершине каменистого холма неподалеку от деревушки Ла-Салет во французских Альпах. В ущелье внизу они увидели круг яркого света, внутри которого, когда они спустились ближе, они обнаружили прекрасную женщину – на голове у нее был венец, а на щеках ее были слезы. Поверх платья, по словам Мелани, на ней был надет передник, который сверкал «ярче, чем несколько солнц, взятых вместе», сотканный не из земного материала, а из какой-то искрящейся неземной материи. Женщина сквозь слезы сказала детям, что должна поведать им важные новости. Если люди не подчинятся воле Бога, заявила она, то сам Иисус может отказаться от них. И далее:

«Все гражданские правительства будут действовать по одному и тому же плану, который будет заключаться в упразднении и уничтожении всякого религиозного принципа, расчищении дороги для материализма, атеизма, оккультизма и порока всевозможного рода».

Возникает вопрос, что могли уразуметь из столь заумного заявления, облеченного в столь мудреные слова, двое крестьянских детей – необразованных и, вероятно, неграмотных. Впрочем, по-видимому, Пресвятая Дева не дала им времени на размышления, продолжая критиковать мировых лидеров – в том числе будто бы и самого папу.

«Вожди, лидеры народа Божьего забыли о молитвах и покаянии, и дьявол замутил их разум. Они превратились в блуждающие звезды, которые древний дьявол утянет своим хвостом им на погибель».

Затем следовало апокалиптическое предсказание:

«Бог отвернется от человечества и найдет наказания, которые будут следовать одно за другим в течение более тридцати пяти лет. Общество людей накануне самых ужасных бед и самых страшных событий. Человечество должно готовиться к тому, что им будут править железным прутом и что ему придется испить из чаши гнева Бога».

А 1864 год был упомянут как особенно страшный год:

«В год 1864-й Люцифер, вместе с тьмой демонов, будет выпущен из преисподней. Они постепенно положат конец вере... Зловредные книги в изобилии распространятся по земле».

Кардинал Форнари, тогдашний папский нунций во Франции, признался, что он «в ужасе» от этих предсказаний. Ватиканские иерархи, судя по всему, разделяли его ощущения, но официально признали и узаконили подлинность откровений Богоматери Ла-Салета в 1852 году. Откровения, однако, были преданы огласке только спустя некоторое время, что, возможно, может объяснить, почему, когда это случилось, Пресвятая Дева, казалось, говорила голосом, поразительно похожим на голос Пия IX. К 1864 году наиболее «зловредные» книги, и в самом деле, уже появились – и в настоящем изобилии. В 1859 году появилась книга Дарвина «Происхождение видов», в 1863 году – «Жизнь Иисуса» Ренана, и у составителей Индекса не было повода жаловаться на недостаток материала. В других отношениях 1864 год тоже был довольно неприятным периодом, на который пришлась кульминация американской Гражданской войны и триумфальная Шестидневная война

Бисмарк против крошечной Дании; но с тем же правом можно было бы указать и на многие другие года – как до, так и после 1864 года – как на период демонической интервенции. Предсказанные тридцать пять лет «наказаний» должны были, согласно пророчеству, продолжаться вплоть до 1881 года. В этот период бесспорно произошли драматические события. Франция потерпела поражение во Франкопрусской войне, что повлекло за собой крушение Второй империи. Стали едиными Германия и Италия. Папство лишилось своих последних бастионов светской власти. Но мир выжил; и в компенсацию за утрату мирского господства папа стяжал непогрешимость. 11 февраля 1858 года – двенадцать лет спустя после своего явления в Ла-Салет – Пресвятая Дева совершила одно из своих самых прославленных явлений – юной Бернадетте Субиру в Лурде. Она назвалась «Непорочным Зачатием», что было очень кстати, поскольку четырьмя годами ранее Пий IX официально учредил догмат о Непорочном Зачатии, а манифестация в Лурде «была первым подтверждением доктринального положения о том, что Мария была зачата без первородного греха». В Лурде, однако, она, судя по всему, воздержалась от каких-либо зловещих политических предсказаний, ограничившись восхвалением епитимьи, чистой жизни и чтением молитв по четкам в качестве средства противодействия наущениям дьявола. Явления Девы Марии происходили не только до событий в Фатиме, но и после них. С 1917 года видения Богоматери имели место в Италии, Испании, Ирландии, Чехословакии, Литве, Венгрии, Австрии, Голландии, Индии, Японии, на Филиппинах, во Вьетнаме, России, на Украине, в Хорватии, Египте, Венесуэле и Мексике. Значительное число этих явлений сопровождалось апокалиптическими посланиями. Одно такое видение 20 декабря 1953 года было явлено женщине недалеко от селения Дубовицы на Украине. Явившись во время богослужения, Пресвятая Дева провозгласила, что «катастрофа ожидает нас, как во времена Ноя. Не от потопа, но от огня придет гибель. Гигантский поток огня разрушит народы, согрешившие перед Богом. С начала мира не было такого падения, которое совершается сегодня. Сие царство сатаны. Риму грозит разрушение, папе – гибель».

Дата этого предсказания многое объясняет. За два года до этого Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу, и в сознании современного человечества крепко засел страх перед ядерной катастрофой. Его так и не удалось преодолеть. Более того, с тех пор к нему присоединились новые, не менее мучительные страхи. «Холодная война», международный терроризм, так называемые государства-изгои и надвигающийся миллениум – все это способствовало в последнюю половину столетия укреплению в людях ощущения апокалиптической катастрофы. Так, в 1962 году в Испании женщине явилась Богоматерь, которая сообщила ей, что после Павла VI будут всего лишь два папы, – стало быть, нынешний понтифик должен быть последним.

25 июня 1981 года явление Богоматери, которое Ватикан пока не решился признать подлинным, произошло в одном из местечек в нынешней Хорватии. На следующий день после сильнейшей грозы двое пастушек подросткового возраста заметили таинственный свет на находившемся неподалеку холме. Внутри этого света находилась женщина, в которой девочки тотчас признали Пресвятую Деву. С тех пор, как сообщают, эти явления часто повторялись. Послания Пресвятой Девы, когда она снисходит до них, чаще обычного имеют зловещий характер:

«Я пришла в последний раз призвать мир обратиться к вере. После этого я больше не появлюсь на земле».

В одно из своих явлений она выказала похвальную терпимость:

«Вы не истинные христиане, если вы не уважаете другие религии».

К сожалению, в дальнейшем она отвергла подобный экуменический дух:

«Есть только один посредник между Богом и человеком, и это – Иисус Христос».

По большей части, однако, ее послания имели типично апокалиптический характер:

«Час пришел, когда дьявол будет всемогущ и всевластен».

И еще более настойчиво:

«Мир постигнет кара, если он не будет обращен в истинную веру. Призовите все человечество обратиться в веру. Все зависит от вашего обращения».

Хорватская Дева словно ревновала к другим манифестациям самой себя, обрушивалась на ложные видения и предупреждала о том, что «многие притворяются, будто видят Иисуса и Матерь Божию и понимают их слова, но на самом деле они лгут». Для кардинала Ратцингера и Конгрегации доктрины веры проблема в том, чтобы определить, какие видения действительно следует объявлять ложными, а какие – подлинными. Одной этой проблемы более чем достаточно, чтобы они не оставались без работы. К началу 1990-х годов насчитывалось свыше 260 явлений Пресвятой Девы только за последнее время, и это число постоянно растет. Конец папства?

Фатимские пророчества и другие явления Богородицы – не единственные подобные апокалиптические пророчества, грозно нависающие над Церковью. Поговаривают также, что кардинал Ратцингера и папу Иоанна Павла II преследуют предсказания святого Малахии. Малахия, ирландский монах, родился в Арма [71] в 1094 году и умер в Клерво в 1148 году, у его смертного одра присутствовал его друг, коллега и душеприказчик – святой Бернар [72]. В напечатанном виде его предсказания впервые появились в истории Церкви, опубликованной в 1559 году.

Пророчества Малахии, облеченные в туманные образы, имеют немало общего с предсказаниями Нострадамуса. Начиная со своего времени, Малахия перечисляет в общем итоге 112 понтификов и приводит латинский эпиграф, дающий как бы краткую характеристику личности и правлению каждого папы. Нынешний папа, Иоанн Павел II, является 111-м по счету – предпоследним в ряду понтификов. С ним связан девиз «De Labore Solis» («Работой солнца»).

Как и катрены Нострадамуса, этот девиз может быть истолкован в любую сторону, как того желает интерпретатор. Некоторые комментаторы пытались увидеть параллель между многочисленными поездками Иоанна Павла II – гораздо более многочисленными, чем поездки любого другого понтифика в истории Церкви, – и кажущимся движением солнца вокруг земного шара. Без особого труда можно придумать и другие, не менее многозначительные толкования. Смысл, впрочем, не в этом. Смысл, какова бы ни была интерпретация, в том, что нынешний папа, согласно Малахии, является предпоследним. 112-го понтифика, последнего в ряду пап, Малахия характеризует девизом «Gloria Olivae» – великолепие, или, возможно, слава, оливы, а возможно, оливкового дерева или ствола оливкового дерева, из которого, допустим, можно было бы вытесать епископский жезл. И здесь опять-таки интерпретаторы получают полную свободу для фантазий. Однако всякое желание строить радужные домыслы будет развеяно, по крайней мере для правоверных католиков, мрачным примечанием, которым заканчивает Малахия:

«Во время последнего преследования Священной римской церкви будет править Петр Римлянин, который будет пасти свое стадо среди многих невзгод и бед; после чего город на семи холмах будет разрушен, и грозный Судия будет судить народ».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПАПА КАК ПРОБЛЕМА

Перед лицом надвигающейся угрозы собственного упразднения Католическая церковь сегодня пребывает в страхе. В упорстве, с которым она ищет убежища в изжившей себя догме, можно распознать элемент отчаяния – элемент зарождающейся паники, граничащей по временам с истерикой. Но упразднение – только один из многочисленных страхов, которые осаждают сегодня Церковь. Церковь боится все усиливающейся секуляризации западного общества и отступничества своей паствы в таких бывших цитаделях, как Ирландия, Южная Германия, Австрия и Испания. Она боится все большего укоренения других вероисповеданий в многонациональных обществах вроде Великобритании, Западной Европы и Соединенных Штатов. Она боится усиливающейся тенденции к тому, что культурно образованные и критически мыслящие люди ищут и находят духовные ценности в других, неподконтрольных клиру, сферах – таких, например, как искусство. Она боится зачаточных ростков пантеизма и герметизма в заботах об окружающей среде, которые выявляют характер взаимосвязи реальности. Она продолжает бояться узурпации своего авторитета наукой и психологией. Церковь также боится экуменических инициатив, о чем свидетельствует недавно повторенный отказ признать легитимность Англиканской церкви, – а это значит, что все рукоположения англиканских священников продолжают рассматриваться как «абсолютно недействительные и не имеющие никакой законной силы». С крахом коммунизма и Советского Союза Католическая церковь боится сближения между восточным и западным христианством, которое могло бы повлечь за собой некоторую утрату собственного самопровозглашенного главенства. Она даже боится обнаружения внеземной жизни и возможности непосредственной встречи или «контакта первого вида». Не обязательно быть поклонниками Малдера и Скалли, но есть некоторые клирики, которых, похоже, явно беспокоит перспектива того, что на нашу планету придут космические пришельцы, не ведающие об Иисусе. Недавно были процитированы слова отца Коррадо Бальдуччи – официального члена папской администрации и признанного Ватиканом эксперта по экзорцизму, демонологии и Антихристу, – сказавшего, что он питает известное доверие к сообщениям о похищении людей инопланетянами:

«Есть основания верить и утверждать, что внеземные цивилизации существуют. Их существование более невозможно отрицать, ибо имеется слишком много свидетельств существования инопланетян и летающих тарелок».

Хотя нельзя сказать, что такое убеждение каким-либо образом вступало в конфликт с его официальной верой.

Сославшись на слова святого Павла о том, что Иисус не только «царь мира», но и «царь вселенной», отец Бальдуччи объяснил:

«Это значит, что все во вселенной, включая внеземные цивилизации и НЛО, совместимо с Богом».

Спрошенный на ту же тему корреспондентом «Таймс», представитель римской апостольской пресс-службы был несколько более осторожен:

«Фундаментальный смысл творения связан с людьми здесь на земле. Если окажется, что инопланетяне существуют, это не бросило бы тени сомнения на достоверность Евангелия. Но нам бы пришлось спросить, применимо ли к ним христианское искупление».

Папа Иоанн Павел II, по всей видимости, делает двойные ставки. Как следует из статьи,

появившейся 14 декабря 1997 года на первой полосе «Санди таймс», понтифик попросил группу астрономов исследовать космос на предмет присутствия «признаков Бога». В настоящее время существует ватиканский проект, специально посвященный изучению последствий контакта с внеземными цивилизациями. На Маунт-Грэхэм в Аризоне Ватикан располагает своей собственной обсерваторией, персонал которой состоит из иезуитов. Среди проблем, которыми они занимаются, – вопрос о том, могло ли распятие Иисуса на кресте спасти от первородного греха инопланетные цивилизации. По словам отца Криса Корбалли, заместителя руководителя проекта:

«Если бы на других планетах была обнаружена цивилизация и если было бы реально общение, тогда мы захотели бы послать миссионеров, чтобы спасти их».

Отец Корбалли, похоже, ничуть не заметил бы своей вопиющей самонадеянности. Но есть один страх в особенности, который усиливает, диктует и обуславливает все остальные, – страх перемен. И тем не менее можно утверждать, что именно через перемены – и только через перемены – Церковь может надеяться на то, чтобы обеспечить себе реальную будущность в современном мире. В прошлом Церковь сохраняла свое значимое место благодаря своей готовности приспособляться, хотя и неохотно, к меняющемуся миру. Чтобы выживать и дальше, она должна демонстрировать не меньшую готовность к адаптации. За период жизни сегодняшних поколений Церковь возвела отдельное, по видимости единое, монолитное сооружение – разновидность автократии, управляющей якобы своей автономной сферой «духовности». Таков, следовательно, образ, который имеет Церковь в наших отдельных и коллективных душах. Но такие образы есть всего лишь следствие привычек мышления, своего рода умственной инерции. К примеру, мы воспринимаем Соединенные Штаты как единую и монолитную общность, как «одну нераздельную нацию», существующую будто бы с незапамятных времен. Мы склонны забывать, что каких-нибудь 140 лет тому назад Соединенные Штаты были на волосок от распада на две отдельные нации, а что два с небольшим века тому назад Соединенные Штаты не существовали вообще. Те же самые принципы, те же самые мыслительные процессы руководят нашим восприятием Церкви. Согласно католической традиции, Иисус обернулся к Петру и сказал, что на этом камне он построит свою Церковь. Согласно той же самой традиции, Петр был первым папой, первым в апостольской череде духовных лидеров, образующих непрерывную цепочку преемственности от рассвета христианской эры до наших дней.

С точки зрения исторической фактографии, однако, такие утверждения вздорны. До четвертого века та форма «христианства», которую мы рассматриваем как «ортодоксальное католичество», вовсе не была им. Напротив, она была только одной из многочисленных форм христианского вероучения, каждая из которых соперничала с другими за теологическое, социальное и политическое верховенство; и только когда одна из этих систем стала «ортодоксией», тогда только другие превратились задним числом в «ересь».

Тем не менее даже после того как Римская церковь восторжествовала над другими формами христианского вероучения, она имела крайне мало от той Церкви, которую мы знаем сегодня. Обозначения «папа» не существовало до конца четвертого века, когда его впервые стал использовать Сириций I (384-399). А до середины пятого столетия Римская церковь была самым опровержением монолитности. В самом деле, она была полностью децентрализована, а так называемый «папа» являлся просто-напросто епископом Рима, всего лишь одним из множества епископов. В лучшем случае он мог рассматриваться как «первый среди равных», что-то вроде премьер-министра; а

епископы или патриархи таких областей, как Антиохия, Александрия и Константинополь, обладали сравнимым авторитетом. Даже в последующие времена, когда папство действительно стало центром церковной власти, ее статус как таковой был в значительной степени номинальным. Время от времени она была подчинена и подвластна решениям церковных соборов. До 1870 года ее возможную подконтрольность церковным соборам можно было по крайней мере дебатировать, как о том свидетельствуют споры того времени между галликанцами и ультрамонтанами. Лишь после 1870 года – с утратой Церковью светского суверенитета и параллельного, в качестве компенсации, провозглашения догмы о папской непогрешимости – стала по-настоящему отчетливо образовываться та монолитная структура, которую мы знаем сегодня.

Все большему числу людей эта монолитная структура с ее косной приверженностью догме и намеренным игнорированием реальностей современной цивилизации представляется как не соответствующая требованиям времени. Осуждение контроля рождаемости в эпоху перенаселенности и растущего числа нежелательных беременностей кажется в лучшем случае смехотворным, а в худшем – преступным. Гневные выступления против средств контрацепции в век СПИДа осуждаются в лучшем случае как опасная причуда, в худшем случае – как преступная безответственность. Такая критика раздается не только со стороны враждебно настроенных комментаторов или посторонних и незаинтересованных наблюдателей. Она раздается также и со стороны самих верующих, многие из которых становятся жертвами тяжелого внутреннего кризиса вследствие возникающего конфликта между давлением современного мира вокруг них и Церковью, которой они страстно желают сохранить верность, но которая кажется безразличной к их дилемме. Слишком много сфер, в которых Церковь пребывает не просто не в ладах с запросами современного мира, но в каком-то странном состоянии психологического отрицания – словно преследует свои собственные цели с одержимостью робота, в то же время намеренно, сознательно, упрямо закрывая глаза на реальные нужды своей паствы. Слишком много случаев, когда Церковь как будто забывает о том, что у нее есть паства, состоящая из живых людей, с человеческими недостатками, человеческими слабостями и человеческими потребностями, и с неумолимой безжалостностью машины придерживается наивно идеалистической программы «спасения», которая могла бы быть сформулирована компьютером.

В случаях, подобных этим, децентрализованная Церковь все чаще выдвигается озабоченными людьми в качестве жизнеспособной альтернативы. Такая Церковь, возможно, по-прежнему была бы способна давать пристанище епископу Рима, который, в каком-то новом понимании статуса «папы», мог бы исполнять функции арбитра, председателя, религиозного эквивалента главы военного ведомства. В этом качестве он по-прежнему имел бы возможность осуществлять какое-то административное управление, но был бы обязан принимать во внимание и учитывать нужды своей паствы и ее епископов в разных уголках земного шара. И эти нужды – в своих различиях между развитым Западом, Африкой, Азией, Южной Америкой и другими местами земного шара – по крайней мере получали бы то внимание, которое они заслуживают. Моральная и духовная власть была бы сосредоточена в местных епархиях, которые обладали бы гибкостью, необходимой для того, чтобы приспособиться к требованиям конкретных и зачастую уникальных обстоятельств. Словом, Церковь была бы ориентирована на епархию, а каждая епархия отражала бы реальные нужды своих прихожан. Разумеется, такое предложение допускает значительное упрощение – большее, возможно,

чем порой признают те, кто его восхваляет. Чтобы реализовать его на практике, потребовался бы сложный, болезненный и, вероятно, длительный процесс. Это, впрочем, не единственное решение вопроса о будущем Церкви. Есть и многие другие. Но какие-то перемены явно неизбежны, если Церковь не желает превращаться в такой же отживший элемент истории, как, скажем, Священная Римская империя, которая некогда была олицетворением, пусть и номинальным, ее светской и мирской власти. В худшем случае Церковь способна создавать – как часто делала это в прошлом – тиранию, столь же всеобъемлющую, столь же подавляющую, столь же пагубную, столь же чудовищную, как и тирания любой светской диктатуры. В лучшем случае она способна давать утешение, убежище, совет, поддержку, помощь, понимание и один из многих путей – не обязательно «религиозных», – ведущих к ощущению сакрального. Но притязание любого подобного института в современном мире на безоговорочную монополию на истину и тем более на «спасение» есть высокомерие, сравнимое только с грехом гордыни, за который, по преданию, Люцифер был изгнан из рая, – высокомерие, которое оправдало бы ересь катаров, видевших в Риме создание демонического «Рекс Мунди», «Царя Мира», крайнее выражение зла. С приближением нового тысячелетия [73] Церковь заявила о своем намерении признать некоторые из своих прошлых грехов и принести покаяние. Есть даже слухи, что Церковь намеревается просить прощения за инквизицию – или, во всяком случае, за те откровенно садистские и пироманиакальные наклонности, которые демонстрировала инквизиция в первые несколько столетий своего существования, – и что некоторые из ее жертв, такие, как Джордано Бруно, например, будут, подобно Галилею, реабилитированы. Такие меры приветствуются и обнадеживают. Чтобы выжить, необходимо приспособливаться. Чтобы обрести зрелость, однако, необходимо делать нечто большее. Для этого необходимо обратиться к прошлому, признать его и интегрировать в новую целостность, исправляющую все прежние перекосы. Прошлое нельзя отрицать, или игнорировать, или отвергать, или высокомерно предавать забвению. Оно должно быть приведено в какое-то согласие с настоящим; и оба должны служить фундаментом, на котором может быть воздвигнуто новое, более сбалансированное будущее. В прежние века Церковь редко признавала такую необходимость. То, что она, по всей видимости, делает это сейчас, действительно заслуживает одобрения и указывает на какое-то реальное взросление. Но покаяние, как простой жест, может нередко быть не более чем данью моде в наш век «политической корректности». Приносить ни к чему не обязывающие извинения за прошлые грехи и преступления стало модой в нашу эпоху. Вместе с тем историю хотя и можно переписать, ее нельзя отменить. Достаточно легко извиниться за свершившийся факт, который уже нельзя исправить или обратить вспять. Мало смысла приносить извинение за судьбу давно почивших катаров, когда никому нет пользы от этого извинения. И если сама Церковь стремится выглядеть в результате более «чистой», более цивилизованной и более человеческой, она должна сделать нечто большее, чем просто извиниться. Она должна также раскаяться и искупить свою вину. Такое раскаяние и такое искупление должны иметь последствия, относящиеся не только к прошлому, но и к настоящему тоже. Инквизиция – или, если воспользоваться ее нынешним названием, Конгрегация доктрины веры – не есть, конечно, вся Церковь. Она составляет только одну сторону Церкви, одно ее подразделение, одну ее службу. Для многих современных людей, однако, включая и многих верующих, между Конгрегацией и Церковью стоит знак равенства. Ее нередко воспринимают как тот единственный и веский голос, которым Церковь высказывается по вопросам доктрины; и она ничего не делает для

того, чтобы разубедить в таком представлении. Вероятнее всего, это будет оставаться проблемой до тех пор, пока другие стороны, подразделения и службы Церкви не обретут в глазах людей сопоставимый авторитет – или пока Конгрегация не изменит собственный базовый менталитет. Именно Конгрегация в особенности, как и Церковь в целом, должна раскаяться и искупить свою прошлую вину. И такое раскаяние и такое искупление должны иметь какую-то пользу для сегодняшних верующих католиков. Со времен своего начального становления организованная религия пыталась охватить и объяснить две сферы непознанного – то, что находится внутри человека, и то, что лежит вне его, в мире природы и в космосе вообще. По мере развития западной цивилизации топография обеих сфер непознанного обретала благодаря науке и психологии все более и более конкретные очертания. Эта территория уже не кажется столь неизвестной, как когда-то, и организованная религия потому отступилась от нее. В сфере непознанного, что лежит вне человека, организованная религия неохотно ретировалась перед явно неотвратимым наступлением науки. В сфере непознанного, что находится внутри человека, организованная религия все более теснима психологией. На обоих фронтах организованная религия постаралась провести как можно более планомерный отход. Вместе с тем, несмотря на продвижение науки и психологии, несмотря на отступление с боями организованной религии, огромные участки этой территории (как внутри, так и вовне) по-прежнему остаются непознанными. Может казаться, что непознанное все больше удаляется, но едва ли оно когда-нибудь исчезнет совсем, едва ли оно когда-нибудь будет всецело и полностью изучено и нанесено на карту. В лучшем случае наивно думать, что в один прекрасный день мы будем знать решительно все. Нет, в нас самих и в окружающем нас космосе обязательно будет оставаться элемент подлинной тайны. Да и вряд ли бы мы захотели, чтобы было по-другому. Организованная религия по-прежнему способна играть важную роль в нашей жизни, в нашем обществе, в нашем мире. Для тех миллионов, которые прибегают к ней в поисках утешения, ободрения, сострадания, понимания и даже мудрого руководства, Церковь не должна сводиться к отжившему институту или превращаться в осколки давно минувшей истории подобно Священной Римской империи. Однако если она желает избежать такой судьбы, она и Конгрегация, которая формулирует ее доктрину, должны выйти из своих бункеров.

Новые и более прочные мосты должны быть наведены с другими христианскими конфессиями, со всеми нехристианскими вероисповеданиями и религиозными направлениями. Такие же мосты должны быть наведены с наукой и психологией, с тем чтобы две главные соперницы организованной религии по попыткам нанести на карту непознанное могли углублять наши знания там, где это возможно, не переступая между тем границ владений подлинной, действительной и необходимой тайны. И также должны быть наведены мосты с искусством. В прошлом искусство помогало организованной религии свидетельствовать о сакральном. К середине девятнадцатого века, однако, религия, по утверждению Флобера, сняла с себя всякую ответственность за подобное свидетельство, и художник, по причине все более сознательной и намеренной политичности, взял на себя роль, от которой отказался священник. Пытаясь постигнуть и передать ощущение сакрального, божественного, духовного – как бы это ни называть, – священник должен теперь учиться у художника. Сам папа и Конгрегация доктрины веры должны являть понимание духовности, сравнимое с пониманием, к примеру, Рильке, Йейтса или Патрика Уайта [74]. Таковы вызовы времени, стоящие перед Церковью в целом и Конгрегацией доктрины веры в частности в

новом тысячелетии. То, насколько успешно Церковь и Конгрегация смогут подняться до высоты этих вызовов, будет определять будущность католического вероучения.

Иллюстрации

Хоругвь инквизиции в Испании. Созданная в 1478 году, испанская инквизиция в итоге просуществовала вплоть до 1834 года.

Процессия инквизиторов и жертв, идущая на аутодафе в Гоа, португальской колонии в Индии. Завершение аутодафе в Гоа с публичным сожжением приговоренных.

Два красочных, театрализованных аутодафе испанской инквизиции на Пласа Майор (Главной площади) – в Мадриде (вверху) и Вальядолиде (внизу)

30 июня 1680 года в Мадриде было проведено аутодафе в присутствии испанского короля Карла II и его юной невесты. Заживо или символически был сожжен пятьдесят один человек.

Конрад Марбургский, известный своей безжалостностью глава инквизиции в Германии с 1231 года. Его изуверства привели к тому, что он был осужден епископами и князьями и убит в 1233 году.

Ян Гус, богемский священник-реформатор, отлученный от Церкви папой в 1411 году. Не пожелавший отречься от своих взглядов, он был заживо сожжен в Констанце в 1415 году.

Инквизиция подвергала своих жертв «допросу» – иначе говоря, пыткам. Если они признавались виновными, их передавали светским властям для казни – то есть для сожжения на костре.

В 1743 году масон Джон Кустос был арестован инквизицией в Лиссабоне и подвергнут пыткам и допросам. Оказавшись на свободе, он издал в 1746 году в Англии книгу, в которой описал и проиллюстрировал свою историю. Книга называлась «Страдания за масонство Джона Кустоса».

Массовое сожжение ведьм в Тулузе в 1577 году; свыше 400 было сожжено в тот год. Папская булла 1484 года установила реальность ведьм, к удовлетворению Церкви.

Деревянная гравюра шестнадцатого столетия, изображающая трех ведьм, сжигаемых в горах Гарца в Германии.

Иллюстрация семнадцатого столетия, изображающая тюремный дом в Бамберге, выстроенный специально для допросов и пыток подозреваемых в ведовстве.

Всем инквизиторам и светским судьям рекомендовалось прибегать к пыткам для получения признаний, изобличающих обвиняемых в колдовстве.

Проверка виновности ведьмы в Швеции путем бросания в воду: если тонула, признавалась невиновной; если выживала, считалось, что помог дьявол, а следовательно, подлежала сожжению.

Допрос ведьмы: любой обморок или припадок считался доказательством одержимости дьяволом.

Иллюстрации, рисующие общее отношение к колдовству в восемнадцатом столетии и раньше.

Девять женщин, сожженных в Дамфрисе, Шотландия, 13 апреля 1659 года.

Мэтью Хопкинс, самозванный «генеральный обвинитель ведьм» в Восточной Англии во времена гражданской войны, инициатор многочисленных ложных обвинений в колдовстве.

Примечания

1

Правитель государства франков (715-741). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев – прим. пер.)

2

Зороастризм – древнеиранская дуалистическая религия, возникшая в X-VII вв. до н. а, основателем

ее считают легендарного учителя Заратустру (Зороастра), который учил, что мир есть арена борьбы двух извечно существующих сил, условно выражаемых как добро и зло.

3

Протестантская секта, возникшая в Англии в XVII в. Для квакеров также характерно стремление к личному контакту с Божественным, отрицание духовенства, требование безусловной честности, соблюдение строгих моральных принципов и т. д.

4

Сито – селение близ Дижона, место основания католического монашеского ордена цистерцианцев (от латинского названия селения «Цистерциум»).

5

Историческая провинция на юге Франции со столицей в Тулузе.

6

В португальском варианте выглядит как «auto da fe».

7

Средневековая французская монета, впоследствии ставшая су, равнялась 12 денье.

8

Герметизм – религиозно-философское учение эпохи эллинизма и поздней античности, названное так по имени его легендарного основателя Гермеса Трисмегиста; основные разделы – алхимия и астрология.

9

Джон Уиклиф (1320-1384) – английский теолог, предтеча английской и европейской Реформации.

10

То есть под «запретом», выразившимся в запрещении совершать на территории страны богослужения и ритуальные обряды в наказание за вероотступничество.

11

Аврелий Августин (354-430) – христианский теолог и философ, один из Отцов Церкви. В молодости вел «языческий» образ жизни.

12

То есть «меньших братьев».

13

Английский философ и естествоиспытатель (ок. 1214-1292).

14

«Полубратья».

15

Церковь на холме Латеран в Риме.

16

Гостия (от лат. «жертва») – облатка из пресного пшеничного теста, используемая в таинстве причащения, символизирующая тело Христа.

17

Вильгельм III Оранский (1650-1702), Мария II Стюарт (1662-1694), Анна Стюарт (1665-1714).

18

«Смысл существования» (фр.)

19

Громкий процесс, нашумевшее дело (фр.)

20

Английский моряк был взят в плен испанским военным кораблем, обвинен в воровстве и наказан отрубленным ухом. Британия тут же объявила войну, однако, не считая обстрела Картахены, конфликт не пошел дальше эпизодических обменов огнем корабельной артиллерии.

21

Практика изгнания злых духов из одержимого с помощью заклинаний и магических действий.

22

Иероним Босх (ок. 1460-1516) – нидерландский живописец, создатель причудливо-фантастических образов аллегорического содержания.

23

Французский писатель (1848-1907).

24

Кристофер Марло (1564-1593) – английский драматург.

25

То есть «рыцари госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского», или Мальтийского ордена.

26

Его полное имя дон Игнацио Лопес де Рекальдо Лойола (ок. 1491-1556).

27

Немецкий писатель-богослов (1586-1654), автор утопии «Христианополь» (1619).

28

Роберт Фладд (1574-1637) – английский философ-окультист.

29

Жан Жене (1910-1986) – французский писатель, представитель театра абсурда. «Богоматерь цветов» – автобиографический роман о похождениях бродяги и вора.

30

Милленаризм – учение о втором пришествии Иисуса Христа и установлении тысячелетнего царства всеобщего благоденствия.

31

Сион – холм в Иерусалиме, где, согласно библейскому преданию, находилась резиденция царя Давида. По традиции считалось, что на нем воздвигнется тысячелетнее царство, Новый Израиль.

32

От англ. cargo – «судовой груз»; разновидность милленаристских верований, заключающаяся в ожидании груза с товарами, продовольствием и т.п., который якобы должен прийти от духов-предков.

33

Имеется в виду ее «Книга о жилищах, или Внутренний дворец», описывающая пути духовного самосовершенствования человека для слияния с Богом.

34

Клобук не делает монахом (поговорка).

35

Небольшой монастырь в труднодоступной пустынной местности.

36

То есть принципы, изложенные Рене Декартом (1596-1650) – французским математиком и философом-рационалистом, родоначальником философии Нового времени.

37

Имеется в виду Фридрих II Прусский (1712-1786) – прусский король (с 1740 года) из династии Гогенцоллернов.

38

Джеймс Босуэлл (1740-1795) – выдающийся английский биограф, его «Жизнь Сэмюэла Джонсона» считается классикой литературной биографии.

39

Уильям Хогарт (1697-1764) – английский живописец.

40

В силу самого факта (лат.).

41

То есть мятеж сторонников Якова II.

42

Замок Святого Ангела.

43

Эгоизм [фр. *egotisme* < лат. *ego* я] – преувеличенное мнение о своей личности, о своих достоинствах, самовлюбленность.

44

«История моего побега из венецианской тюрьмы».

45

Элитарные кварталы в фешенебельном районе в центре Лондона.

46

Перси Биш Шелли (1792-1822) – английский поэт-романтик.

47

Смертельный удар (фр.).

48

Движение получило свое название от латинского обозначения Франции – Галлия.

49

От фр. *ultramontain*, то есть «расположенный по ту сторону гор», «находящийся к югу от Альп».

50

Соглашение между Ватиканом и правительством какого-либо государства о положении в нем Католической церкви, ее правах и привилегиях.

51

Ватикан – это одновременно один из семи холмов, на которых расположен Рим, дворцово-храмовый комплекс на нем, резиденция пап и государство-город.

52

Австрийский писатель (1880-1942).

53

Убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жены членами экстремистской группы.

54

Сравнение Церкви со скалой восходит к словам Иисуса, обращенным к апостолу Петру: «На сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф., 16:18). «Петр» по-гречески означает «камень» или «скала».

55

Алессандро Мандзони (1785-1873) – основоположник итальянского романтизма.

56

«Письма из Рима» (ит., фр.).

57

Панславизм – идейно-политическое движение XIX – начала XX в., отражавшее стремление к политическому объединению и духовному единению славян.

58

«Римский союз социальной защиты».

59

По преимуществу, преимущественно (фр.)

60

Ессеи, общественно-религиозное течение в Иудее во 2-й половине 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. В числе главных предшественников христианства. Согласно античным авторам (Филону Александрийскому, Плинию Старшему, Иосифу Флавию, Ипполиту), ессеи жили обособленными общинами, для которых характерны общность имущества, коллективность труда и быта. Осуждали войны, рабство и торговлю, отвергали кровавые жертвоприношения, ввели особый обряд ритуальных омовений.

61

Qumran.

62

Одно из направлений современной леворадикальной католической теологии, ратующее за ревизию основных догматов веры и трансформацию институтов Церкви.

63

Такова была ситуация на 1999 год – время создания данной книги. В 2005 г. конклавом кардиналов Йозеф Ратцингер избран Папой Римским и принял имя Бенедикта XVI. (Прим. ред.)

64

Здесь и далее под Папой авторы подразумевают Иоанна Павла II, который скончался в 2005 году. (Прим. ред.)

65

Протестантское течение, основу вероучения которого составляет миф о «сошествии Святого Духа» на апостолов на 50-й день после воскресения Христа, вследствие чего они получили «дар пророчествования». Особое значение придается мистическому общению с Богом, в котором особая роль отводится «Святому Духу», «сходящему» на богоугодного человека.

66

Карл Густав Юнг (1875-1961) – швейцарский философ-психоаналитик.

67

По названию горы Кармель в Палестине, на которой, по преданию, являлась Богоматерь.

68

Розарий – католическое молитвословие, а также четки.

69

По всей видимости, имеется в виду Сердце Марии, объект католического культа; является символом особой любви к Иисусу и спасения.

70

Лейрия – город и округ в Португалии.

71

Арма – город в Ольстере, древняя столица и религиозный центр Ирландии.

72

Бернар Клервоский (1090-1153) – католический теолог-мистик, настоятель монастыря в Клерво. Канонизирован в 1174 году.

73

Имеется в виду третье тысячелетие – книга написана в 1999 году. (Прим. ред.)

74

Патрик Уайт (1912-1990) – австралийский писатель, нобелевский лауреат в области литературы (1973). Главная тема творчества – духовные искания человека.

Bottom of Form